

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ОКТЯБРЬ
2004г.**

**ТИШРЕЙ
5765**

№ 10 (150)

ДЕТИ – БОГАТСТВО РОДИТЕЛЕЙ

ОКТЯБРЬСКОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РАВИНА РОССИИ

Іаеі дааеі, даіааіаеі і іа аіеа іа аеае іааа о-аіеа Іа аіеі оіа іе а іаіааа, іе а аеаа ааааіеаеаеаі дааеі іоіааеаіа іа ііеіе. Еаао іі аіаіеііо оіеае е аааа аі а-аао іаіа іаіааа іаааіа іііеаіа аіеаі ааіа, еае ааіаеае, ііеаіаіа іаеа, оі-оі еіі о-оі іаааао е ааеао ааеаа Іеаеіае аа дааеі, а оіо оіеаіа оіеа іааао – іа аі оааі, і іе, – е і-еаіа іаі-а ііаа е ііаа аіаао аа дааеі. Іаеіаа ііаааеае о-аіеа, аааіаіао «А-аі іоі оі аа ііааіаіа?» – «Ааааіа оеа еіао – іа аеаіа аааі!» Ііаа-ае дааеі аіаіае, ааіаіае: «Аеаіа, іеіаіа оіаеа оі ааі аі оі оааі о-еа. І іаааі ааааіа оеа А-а ііааіа оеаіа. Оааа аа іаааао іа оіеаіа аа іае аіааааоі, іі е оіаіе аіеі аоаіа, е аіііеіаіа і еааіаі – еаеаі оіааа іаааіа-еа І і оааа оеаа іаааіаіа. А оае оі іаіаіа іа ааааіа іа ііааіа аоаіа оаіае іаааіа...»

Современные люди, особенно молодые, частенько смотрят на многодетные семьи с искренним недоумением. «Куда столько детей? – удивляются они. – Как вы с ними справляетесь? И зачем вообще это нужно? Родили одного ребенка, ну, максимум двух – и радуйтесь. А целую-то кучу для чего?!»

В подобных случаях я всегда говорю: «Вспомните историю собственной семьи. Сколько детей было у вашей прабабушки?» Тут люди припоминают, что прабабушка, действительно, родила не одного ребенка и даже не двух, а гораздо больше. Однако тотчас принимают себя оправдывать – дескать, время тогда было другое.

«В каком, интересно, смысле? – спрашиваю я. – Разве человеку приходилось тогда меньше работать, чтобы поднять семью? Наоборот! Посмотрите, сколько житейских удобств придумали с тех пор – стиральные машины, посудомоечные машины... Да мало ли появилось всяких приспособлений, чтобы облегчить работу по дому! У прабабушки, между прочим, даже горячая вода из крана не текла и центральным отоплением не пахло. Если рассуждать логически, то чем быстрее развивается техника, тем легче семье растить нескольких ребятшек...»

Впрочем, упрямцы к доводам логики не прислушиваются. «Бедный папа, бедная мама», – повторяют они.

Бедные? С чего вдруг? Спросите любую многодетную мать, любого отца – за сколько миллионов долларов они согласны отдать хотя бы одного из своих детей в чужие руки? Да нет на земле таких денег! Дети – главное богатство родителей. Так было, так будет вечно.

Отчего же сейчас иные считают все-таки, что семья должна быть маленькой? Думается, прежде всего потому, что в наши дни обрела популярность идеология так называемого «общества потребления». Если верить ей, человек тем счастливее, тем большее удовольствие получает от жизни, чем шире у него потребительские возможности. Другими словами, надо изо всех сил заботиться о том, чтобы больше «потреблять», больше «получать». Это весьма опасная точка зрения, чреватая бездуховностью. Ведь человек духовный заботится в первую голову о том, чтобы больше дать; именно тут источник его счастья, удовлетворения жизнью.

Есть люди, называющие себя «прогрессивно мыслящими»; они объявляют во всеуслышание, что большая семья – это удар по свободе женщины, что многодетная мать должна позабыть о профессии, об успешной карьере... Но ведь цель жизни каждого человека, а значит, и каждой женщины – это счастье, и оно совсем не обязательно связано с карьерой. В Танахе рассказывается о некоей Хане, у которой долго не было детей и которая исправно ходила в Дом Г-сподень. Когда же Б-г дал ей сына, Хана перестала туда ходить и сидела дома. А мужу своему объяснила: «Младенец подрастет, тогда и отведу его, и он явится пред Г-сподом и останется там навсегда». Таким образом, она пожертвовала своим «социальным статусом», зато сын ее, Шмуэл, стал великим пророком в Израиле! Подумайте – неужели Хана была бы счастливее, если бы продолжала ходить в храм, а ребенком пренебрегла? Убежден – любая женщина ответит на этот вопрос отрицательно.

Иные противники многодетной семьи негодуют: «Да разве можно хорошо воспитать сразу нескольких детей!? С одним-то ребенком подчас не хватает времени позаниматься как следует!» Это тоже не слишком убедительный довод. Когда детей много, они помогают друг другу, учат друг друга. Есть вещи, важные для будущей взрослой жизни, которые сам ребенок просто не поймет. Например, что такое «мой»? Моя игрушка, мой велосипед, мой компьютер? Если в семье один ребенок, – для него это «только мой, больше ничей». Когда он вырастет, ему будет нелегко: взрослым постоянно приходится делиться с другими, считаться с интересами других. А в многодетной семье «мой» – это «наш»: мой и моих братьев и сестер. Если ребенок из многодетной семьи катается на велосипеде, он знает, что надо и другим дать покататься; если играет в компьютерную игру, – знает, что надо поиграть и уступить место другим. Малыш в большой семье быстрее учится ответственности, коллективному поведению, без чего невозможно полноценное существование в обществе. Иными словами, в смысле воспитания малолетнего чада многодетным родителям как раз легче – их дети подают друг другу хороший пример, риск пойти дурным путем для них бесспорно меньше.

Наконец, есть люди, чьи возражения против многодетной семьи вызваны вроде бы заботой о самих детях. «Если в доме двое детей, не больше, – говорят они, – мы уверены, что сможем их прокормить, обеспечить им нормальную жизнь. А, скажем, на пятерых нам просто не заработать. Мы хорошие родители именно потому, что ощущаем свою ответственность за каждого ребенка». Сейчас этот модный подход именуется «планированием семьи».

Что ж, скорее всего, эти люди – действительно хорошие родители. Да только нет в их жизни очень важной вещи – надежды на Б-га. Ведь что такое «планировать семью»? Это значит распределить годы и месяцы бытия минимум на 20 лет вперед, пока дети не вырастут. Но откуда человеку знать, что с ним станет за 20 лет? Это лишь один Б-г ведает! Тот, кто будет прикидывать, как и когда, и не решится рожать детей, пока не заработает достаточно много, в конце концов обнаружит, что деньги на детей в доме имеются, а вот произвести их на свет он уже не в состоянии!

Б-г недаром сделал так, что дети появляются не тогда, когда у родителей уже все есть, а гораздо раньше – когда родители только начинают трудиться и зарабатывают еще не слишком много. Таким способом Он дает нам понять, что позаботится о нашем пропитании и о пропитании наших детей, – если, конечно, мы будем следовать Его путями и выполнять Его заповеди. А первая заповедь, из тех, что даровал Он нам в святой Торе, звучит недвусмысленно: «Плодитесь и размножайтесь!» Б-г награждает нас редчайшей возможностью в какой-то мере уподобиться Ему самому: создать человека «по образу своему и подобию». И нет для людей большего счастья!

Словом, на все доводы противников многодетной семьи нетрудно привести правильный еврейский контрдовод – по сути, тот самый, что привел раввин в беседе с нерадивым своим учеником. Позволь Б-гу решить – будешь ты рожать или не будешь. Просто не мешай Ему, и Он позаботится о тебе и твоих детях, сколько бы их ни было.

Áëàáí ùé ðàààéí Ðíííé Áàðé Êàçð

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

ОКТЯБРЬСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Арье Саломон

אִי נֹעֵד אִי עָא וָאָעֶ אַנְאָאָא אִי צִי יֵאִי יֵ

Перед любым наставником возникает проблема: правильно ли он определил цель, к которой должен идти его ученик. Не лежит ли эта цель за пределами возможностей обучаемого? По силам ли ему задача, которую ставит учитель?

Однако эта проблема – часть другой, большей: жизнь бросает нам вызов, и движение по жизненному пути всегда сопряжено с трудностями. Всегда ли мы в силах преодолеть эти трудности? Насколько победа или поражение зависят от нашей воли?

Хасидизм настаивает: человек и мир изначально благи по своей природе. Но разве можно утверждать подобное о мире, где испытания, выпадающие на долю человека, таковы, что он неминуемо обречен на поражение? Такой мир, конечно, нельзя было бы назвать благим. А значит, мир был сотворен так, чтобы для всякого испытания существовала возможность благого исхода. Проблема, перед которой ставит нас Б-жественная воля, непременно имеет решение. Порой мы не видим этого решения, но это вопрос нашего своеволия, а не мироустройства. Ребе напоминает: наши трудности разрешимы и преодолимы; испытания даются нам, чтобы мы преодолевали их, а не сдавались под их натиском.

נֵאֶאָדוֹ אֵינִי אִי אִי דוֹ

Ребе указывал, что путь преодоления трудностей был проторен для нас праотцами, прежде всего Авраамом. О чем свидетельствует его опыт? Он был первым из людей, отринувшим личную волю во имя Б-га. Мы – его потомки, и мы унаследовали от него как дар способность к альтруизму, самодисциплине и самопожертвованию. Он проложил путь для множества поколений. Его беззаветное служение Б-гу было вознаграждено даром, переходящим от него к каждому из живущих на земле евреев. Мы «обречены на успех» в той мере, в какой следуем примеру Авраама.

חֹי אִי אִי דֵּוֹנִי יָא יוֹי אֵ דֵּי אָאֵ

Талмуде часто идет речь о царственном статусе Израиля. Какое отношение имеет этот эпитет к анализируемой проблеме? Ребе спрашивал своих слушателей: с чем связана царственность? Много ли усилий приходится делать царю? Предшествовавшие поколения монархов создали авторитет владыки, обеспечив царю доверие и покорность подданных. Подобным образом усилия множества поколений народа Израиля обеспечили нас, ныне живущих, некоей властью над обстоятельствами: они покорны нам так же, как подданные покорны

своему владыке. Но не говорит ли это о том, что мы должны признать себя ничтожнее своих предков: ведь мы живы благодаря тому, чего добились они, а сами неспособны на большие деяния и достижения?

Ребе указывал: царь получает свое царство в наследство, работа по «собираанию» этого царства уже сделана его предками. Процветание полученной в наследство страны – заслуга тех, кто сидел на троне до него. Однако в свое время царство получит следующий наследник, и тогда этот царь окажется еще одним в цепочке, тянущейся из глубины веков. Важно, каким он передаст это царство потомкам. Восходя на престол, царь получил страну цельной и сильной, он должен обеспечить ее процветание и приумножить его.

Naé ààò àéúñò àà Èàáàéú

Ребе неоднократно подчеркивал, что одно из оснований учения кабалистов – постулат о достижимости целей. И в кабалистической традиции в широком понимании, и у Ицхака Лурии мы встречаемся с учением о «растрескивании сосудов» при творении и «собираании Б-жественных искр», которые истекли из треснувших сосудов и рассеялись в мире, поработанные материей. Кабала говорит о 288 искрах Б-жественности, ждущих часа, когда усилиями человека они будут вырваны из «плена материальности» и собраны воедино. В этом процессе собирания искр соучаствует каждый из живущих. Когда Израиль выполнит свою миссию, мир вступит в эру Мошиаха.

Кабала утверждает, что большинство рассеянных искр Святости уже освобождено. 202 из 288 искр Б-жественности были освобождены при исходе Израиля из египетского плена, так что всем поколениям после Моше осталось освободить лишь 86 искр. Число это имеет глубочайший смысл: неслучайно оно является числовым эквивалентом Б-жественного имени Элоким. Часть этих 86 искр уже освобождена и «очищена».

Ребе отмечал: энергия освобожденных Б-жественных искр соединяется и помогает освобождать следующие, все более и более облегчая этот процесс. Но это также значит, что сегодня вопрос о сознательном очищении и преображении мира важен, как никогда.

Naé ààò àéúñò àà òàñé àñéèò ó-èò àéàé

Зарождение движения Хабад и широкое распространение хасидского учения, с точки зрения Ребе, является доводом в пользу того, что человек способен добиться максимальной актуализации своего духовного потенциала несмотря на сопротивление обстоятельств. Хасиды делают особый акцент на том, что цадик, совершенный и праведный человек, оказывает глубочайшее влияние на духовный рост своих последователей. Отношения между цадиком и учениками могут служить моделью отношений между любым наставником и его подопечными и доказывают, что учитель реально способен помочь ученику реализовать его духовный потенциал.

Ребе ссылается на ранние хасидские тексты, в которых говорится о том, что Бжественная поддержка является залогом способности человека одержать духовную победу. Хасидская традиция исходит из того, что человек изо дня в день получает Б-жественную поддержку для своего духовного роста и совершенствования. Основатель движения Хабад, рабби Шнеур-Залман из Ляд, комментируя стих «И поднялся Лаван утром» (Брейшис, 32:1), подчеркивал: слова эти можно истолковать как указание на дух Высшей Чистоты, посылаемый человеку каждый день. Толкование это основано на том, что на иврите имя тестя Яакова, Лавана, означает «белый», «чистый». Кабалисты также толковали этот стих в качестве подтверждения того, что каждый свой день человек начинает в чистоте духа. А Ребе считал, что в этом стихе говорится о вдохновении Свыше, которое активизирует духовный потенциал человека и рождает в душе ответ Небесам. От нас требуется лишь воспользоваться открывающимися возможностями и актуализировать все то благо, которое заложено в той или иной ситуации.

Более того, мы имеем преимущества, коих были лишены наши предки. У нас есть множество моделей праведного поведения, и они могут служить поддержкой. Опираясь на опыт праведников, мы легко преодолеваем кризисные ситуации.

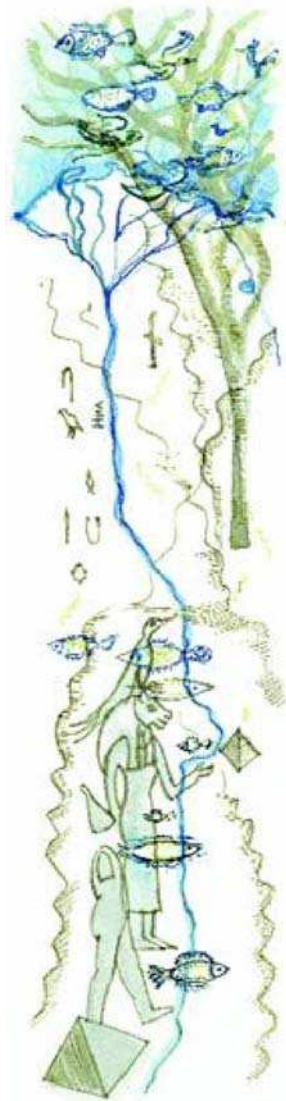
Ребе ссылался также на те хасидские тексты, где Египет служит символом ситуации, ограничивающей духовное самовыражение. Нам была дана заповедь: «Помни день исхода твоего из страны Египетской во все дни жизни твоей» (Дворим, 16:3). В толковании Ребе эти слова служат напоминанием: мы постоянно должны преодолевать всё, сдерживающее рост нашего духа. Состояние преодоления ограничений сравнивается с «мерхав» – пересечением границ страны. Преодолевать «естественные»

пределы и двигаться далее доступно как отдельному человеку, так и общине. Ребе не раз указывал, что постоянное развитие – закон человеческой жизни. Но такое развитие предполагает также неустанное религиозное образование и воспитание, – мы никогда не должны останавливаться на путях постижения Б-га.

Ребе указывал на фрагмент из «Зогара», где говорится, что в Египте Израиль достиг состояния духовного разложения – прошел через сорок девять ворот скверны. Важно, что освобождение от скверны и Исход из Египта оказались возможны в условиях, когда Израиль еще был лишен поддержки и опоры в виде Торы, дарованной еврейскому народу на Синае. Конечно, и в Египте евреи передавали, в виде предания, традиции, которые часто называют «досинайской Торой», – это было учение патриархов, открытое им Свыше. В общих чертах учение патриархов совпадало с заповедями, изложенными в Торе, но их соблюдение до эпохи Синае не могло наполнить святостью те физические сущности, которые были вовлечены в процесс исполнения заповедей. Только после того как на Синае мы заключили завет с Б-гом и получили от Него Тору, духовное смогло проникнуть в физические предметы и наполнить их святостью. Соблюдение «досинайской Торы» могло помочь евреям достичь лишь тех пределов духовного развития, которые были положены нашим праотцам. При этом еврейский народ смог уйти из Египта, вырваться за пределы страны, где знал лишь угнетение, и перейти на иной уровень духовного развития, ассоциируемый со Страной Израиля, недаром названной в Торе «прекрасной и просторной» (Шмойс, 3:8). Границы Египта символизировали духовное угнетение, а «простор» Страны обетованной – духовную экспансию, постоянное движение к новым духовным горизонтам. Это движение гораздо легче дается поколениям, рожденным после египетского пленения и откровения на Синае, – тогда стала возможна духовная трансформация физического мира.

В связи с «досинайской Торой» важно помнить: несмотря на все тяготы, выпавшие на долю нашего народа в Египте, он сохранил традицию праотцев и в самых неблагоприятных условиях, из поколения в поколение, продолжал передавать учение о Б-ге Живом, делая все, чтобы следовать высокому уровню требований религиозной жизни.

История Исхода дает нам еще один урок. Евреям, угнетаемым египтянами, их положение казалось совершенно отчаянным: они полагали, что обречены. Акт Исхода был величайшим вызовом в истории Израиля, когда наш народ действовал вопреки обстоятельствам, полагаясь лишь на силу Всемогущего. Ведь с точки зрения рациональной логики Исход представлялся предприятием совершенно безнадежным – и, тем не менее, осуществился. Любой вызов следующему поколению евреев оказывался меньше того, через который мы прошли на заре нашей истории.

Áĭçĭ ĭáĕĭ ĭñòü áĭñòèæáĭ èÿ óáèè - ĭáèĭ èç èðáááĭ èüü úò èàĭ ĭáè ĭ ðáèò èèè ĭ áñò ááĭ èèà

Наставник должен помнить: духовная цель всегда потенциально достижима, просто следует учесть все значимые факторы и, если достижение цели кажется нереальным, то это объясняется неправильно сформулированной на уровне нашего духа целью. С теологической точки зрения, стремящийся к благу всегда способен этого блага достичь.

ÄËB x ÄËĬ ÁÄËÄ ÁÑÁÁÁÄ Î ÕÈÐÛÒÄ ÁĬÇĬ Ĭ ÁĬĬ Ĭ ÑÒÜ ÑĬ ÁÑÁĬ ÈB, Ä Ĭ ÎÏĬ Ó Ĭ Á ÑËÄÄÓÄÓ ÄĬ ÁÄÄÓÜ Ä Î Õ x ÄBĬ ÜÄ

Ребе утверждал: перед человеком всегда открыта возможность спасения. Значит, в любой ситуации, когда выход возможен лишь ценою духовного усилия, на которое нас не хватает, не следует отчаиваться: на духовном пути нет столь отчаянного положения. Мир и человек изначально благи по своей природе, а следовательно, нам по силам разрешить любую задачу, которую перед нами ставит жизнь. Часто переход от духовной подавленности к духовному завоеванию – проблема одного шага, одного-единственного усилия.

Ḥāšidīm - ašer hūšim l'Avraham

Подтверждение этой мысли Ребе видел в рассказе Торы об исходе евреев из Египта (Шмойс, 33:5). Достаточно было пройти путь от Рамсеса до Суккоса – путь длиною в однодневный переход, чтобы оказаться за пределами страны Египетской, в Израиле. Египет – это состояние духовного угнетения, Израиль – состояние свободы духовного свершения. Между ними – лишь один шаг. На пути к Земле обетованной евреи сделали сорок две стоянки. Но решающим был именно первый шаг, первое усилие: в первой остановке в Суккосе уже были «заложены» все остальные стоянки, которые ждали евреев в пути. Покуда они шли по земле Египта, они были рабами, в Суккосе они уже были свободным народом. Залог достижения духовных высот – в самом начале духовного пути.

Обратим внимание: главы Торы, рассказывающие о пути из Египта, читают в течение Трех недель скорби, отделяющих 17 тамуза от 9 ава. В эти дни мы вспоминаем об осаде Иерусалима и разрушении Храма. Ребе подчеркивал: даже в дни национальной катастрофы, положившей начало Рассеянию, мы должны помнить об опыте свободы, который обрели, выйдя из Египта, и о том, что наше духовное свершение продолжается несмотря на все трудности.

Ḥāšidīm - ašer hūšim l'Avraham

Наставник всегда должен помнить, что неподобающее поведение ученика – лишь временное явление. Такое поведение идет вразрез с самим существом обучаемого: вспомним, в основе своей человек благ и стремится к истине. Поэтому наставнику никогда не следует впадать в отчаянье.

Ḥāšidīm - ašer hūšim l'Avraham

Хасиды исходят из того, что падение бывает ниспослано человеку, чтобы он возжаждал высоты. Тогда у него хватит сил достичь уровня, ранее ему неведомого. Учитывая подобное воззрение, можно сказать: хасидское учение исполнено оптимизма и веры в человеческие возможности. Тема падения как своеобразного залога восхождения к новым духовным высотам присутствует в книге «Ликутей Тора» одного из первых хасидских учителей – рабби Шнеура-Залмана из Ляд.

Ребе пошел дальше и использовал эту идею в интерпретации широкого спектра ситуаций. Он показал, что всякое затруднение, встречающееся на нашем пути, любой кризис, в который мы вовлечены, не только потенциально разрешимы, но раздвигают наши духовные горизонты при условии, что мы правильно прошли через испытания. Стало быть, наши высочайшие достижения коренятся именно в кризисных ситуациях, и чем большие трудности выпадают на нашу долю, тем большей победы они могут стать залогом.

Только в кризисной ситуации мы способны осознать свой потенциал, обнаружить скрытые резервы, о которых прежде не подозревали.

Хасидские наставники и до Ребе комментировали историю о призвании Б-гом праотца Авраама как историю, начавшуюся с ухода в скитание, с «погружения на дно мира». Миссия Авраама заключалась в том, чтобы возвестить миру истинного Б-га. Но исполнение этой миссии началось с ухода из людного Харана и разрыва с привычным миром: это был путь к одиночеству. Б-г сказал Аврааму: «Уходи из страны твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в страну, которую я тебе укажу». И Авраам ушел от обеспеченной жизни в доме своего отца, от достатка и уважения, принял статус странника – чужака и изгоя, которого никто не будет слушать, а встречать будут в лучшем случае с жалостью, в худшем – с презрением. Но именно это странствие вело Авраама к новому пониманию духовности: самоотвержение во имя высшего. Ребе добавляет к такому пониманию истории Авраама еще одно «измерение». В его интерпретации, на путях обретения знания всякую ситуацию, отбрасывающую нас назад, следует воспринимать как благо, как потенциальную возможность будущего прогресса, ведущего нас на уровни, не доступные при равномерном поступательном движении. Подобная задержка или, утрата

статуса не являются чем-то досадным и горьким, но служат частью Б-жественного плана, необходимого для нашего духовного роста.

Другое свидетельство Торы, на которое опирается Ребе, – переход от событий истории, изложенных в книге Шмойс, к событиям, открывающим книгу Ваикро.

Шмойс заканчивается рассказом о том, как «закрыло облако Шатер Откровения и слава Б-га наполнила шатер. И не мог Моше войти в Шатер Откровения, ибо облако пребывало на нем, и слава Б-га наполняла шатер» (Шмойс, 40: 34, 35). Ребе подчеркивает: в этой ситуации Моше почувствовал своеобразную границу, проведенную между ним и Б-гом, особенно резкую после Синайского откровения.

Книга Ваикро начинается словами: «И призвал Моше Б-г, и сказал ему из Шатра Откровения...». Вслед за моментом Б-гооставленности, отдаления наступает новое откровение, еще более высокое: если до того Моше жаждал Б-га, то теперь он был призван Им Самим.

Ребе видит в этом знак того, что из Б-гооставленности всегда есть выход. А значит, тот, кто оступился духовно и отдалился от Б-га, вернувшись на праведный путь и восстановив связь с Всевышним, обретает эту связь на новом, более высоком уровне. Тшува – возвращение к Б-гу из состояния отступничества – становится залогом восстановления более глубокой и интенсивной связи с Творцом, чем прежде. В понятии, описывающем восстановление этой связи – «кифлаим ле-сошиа», – есть указание, что вновь обретенная связь принадлежит более высокому порядку вещей.

Ребе отмечает: на динамический характер связи с Всевышним указывает и видение, которого Яков удостоился в Бейс-Эль, когда во сне ему была явлена лестница: «И снилось ему: вот, лестница стоит на земле, а верх ее достигает неба, и вот, ангелы Всесильного восходят и спускаются по ней» (Брейшис, 28:12). Поскольку основание лестницы «утверждено» на земле, достижение самого верхнего уровня восхождения невозможно, покуда нет твердой опоры внизу – такой опоры, ниже которой ступить невозможно. Но подобная опора есть не что иное, как самая нижняя точка падения, когда сорвавшийся сверху достигает земли. С другой стороны, мы должны помнить, что именно в использовании физических сущностей этого мира во имя служения Б-гу состоит задача человека, и он достойно выполняет ее тогда, когда возводит низшее к высшему, через это усилие достигая высшей духовности.

וְאֵי אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֵי

Представление о падении как о стимуле для восхождения на новую высоту подтверждается и Талмудом. Ребе находит это подтверждение в трактате Сота. Напомним, один из главных вопросов, затронутых в этом трактате, – ритуал, совершаемый козлом над замужней женщиной, заподозренной в супружеской неверности. Ритуал призван очистить ее в глазах мужа от подозрений. Если женщина в измене неповинна, ритуал являет это мужу, восстанавливая и обновляя глубинные связи, существующие между супругами.

Именно в обновлении супружеской связи Ребе видит подтверждение того, что падение является залогом последующего восхождения. В том же талмудическом трактате содержится комментарий к стиху книги Бемидбар: если женщина, заподозренная в измене мужу, «не осквернилась и чиста», то после совершения козлом ритуала «останется она невредимой и будет оплодотворена семенем» (Бемидбар, 5:28). Талмуд добавляет: «если прежде рожала она в муках, то теперь легко разрешится от бремени» (Сота, 26а), а также приводит слова рабби Акивы: если прежде эта женщина была бесплодна, то теперь понесет от мужа своего. Мы вновь наблюдаем динамику: женщина ввергнута в пучину подозрения, но, с честью пройдя испытание, обретает то, чего прежде была лишена: рожавшей в муках ниспосылаются легкие роды, а неплодная становится матерью. За испытаниями нас ожидает иной уровень отношений с миром, намного более плодотворный.

В комментарии Ребе настойчиво звучит мотив: ни в коем случае не следует отдаваться состоянию безнадежности и впадать в уныние. В этом кроется величайшая ошибка совершивших прегрешение. Вызов обстоятельств

ниспослан нам по воле Всемогущего, а воля эта направлена на наше благо. Выйдя из кризиса, поднявшись после того, как оступились, мы достигнем большего, чем было у нас прежде. Ребе подчеркивает, что недаром в разбираемом стихе книги Бемидбар говорится о детях: восстановив нашу связь со Всемогущим, мы обретаем возможность более плодотворной духовной жизни. «Дети», упомянутые в этом стихе, – это еще и символ эмоций, связанных с любовью к Б-гу и трепетом перед Ним, эмоций более сильных после восстановления нашей с Ним связи.

Ребе указывает на еще одно свидетельство Талмуда. В трактате Брохойс сказано: «На месте, где стоят покающиеся, не выстоит и совершенно праведный» (Брохойс, 34б). Покаяние, «тшува», требует очень серьезного духовного усилия – тем большего, чем большим был грех. Но в той мере, в какой усилие пропорционально греху, грех преобразуется и становится пропорционален заслуге, тьма преобразуется в свет. Смысл всего негативного, происходящего с нами, заключается в том, что мы должны преобразить его: вывести тьму нашего положения к свету веры, исполнить возложенную на человека работу по преобразению материального, темного и косного мира в обитель Гспода.

Àëîðè:-àîëèá i'îäò ääðe ääí èÿ

Ребе напоминает нам о полном названии самого скорбного месяца в еврейском календаре – «менахем-ав», буквально оно означает «утешение отца». Из этого следует, что события, случившиеся в месяц ав, по сути своей были во благо. Название этого месяца может быть соотнесено с процессом наказания детей отцом: он делает это только потому, что заботится об их благо. В этом Ребе следует рабби Нохуму Иш Гамзу и его ученику, рабби Акиве, которые считали напасти и трудности, выпадающие на нашу долю, предшественниками ниспосылаемых нам духовных благ. Ребе напоминает, что слово «испытание» (на иврите «цара») звучит сходно со словом «просветление» («зоар»). Разрушение Храма в месяце ав привело к Рассеянию. Но мы всегда должны помнить: Рассеяние предшествует Искуплению, которого мы ждем.

Õàîëè äîëèá îëè ääò äëüüðò ää

Хасидские учителя комментировали стих Ирмияу «Это час бедствия для Яакова, и в нем же его избавление» (Ирмияу, 30:7) как указание на то, что во всяком испытании нам ниспосылается и избавление. На иврите в этом стихе используется слово «мимена», означающее и «от этого», и «через это, посредством этого». Основываясь на двойственном значении слова, хасидские наставники подчеркивали: в самой проблеме заложено ее разрешение. В трудностях и испытаниях кроется наше спасение: из пропасти отчаяния мы возносимся к высотам веры.

Обряд очищения совершается пеплом. Этот символизм скажет больше, чем многие рассуждения.

Второй Ребе движения Хабад, рабби Дов-Бер, напоминал, что более низкий статус, как правило, указывает на более высокое духовное происхождение. Отталкиваясь от этого утверждения, Ребе говорит: когда Б-г дает нам десять заповедей, он начинает свою речь словом «Анохи»: «Я – Б-г Всесильный твой, Который вывел тебя из земли Египетской...» (Шмойс, 20:2). Напомним, что Египет всегда был символом морального рабства. Но о слове «анохи» можно с уверенностью сказать: оно – египетского происхождения. Именно это слово включает смысл саморепрезентации, с которой Всесильный обращается к Своему народу.

Рассвету предшествует самый черный час ночи. Так же достижение низа дает надежду на начало восхождения. И чем чернее окружающая нас тьма, тем ярче покажется сияние солнца. В этом контексте Ребе говорит о Рассеянии, напоминая, что слово это – «голус» – неслучайно очень близко слову «искупление» («геула»). Из тьмы Рассеяния должно засиять солнце Мошиаха.

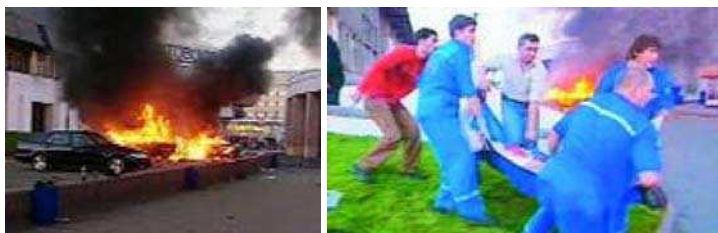

Í ðéí öéí «í áááí éá áñòü çáéíá áññá éááí éý», ðááééçíááí í úé á í ðáéò ééá í áñò ááí ééá

Педагогическое преломление принципа «падение есть залог восхождения» в трудах и выступлениях Ребе тесно связано с представлением, что человека всегда можно спасти. Вместо того, чтобы впасть в отчаянье и опускать руки, когда ученик деградирует и падает все ниже, наставник должен видеть в этих трудностях залог будущих успехов своего воспитанника, если только трудности будут правильно преодолены.

3 сентября в связи с трагическими событиями в североосетинском городе Беслане главный раввин России Берл Лазар выступил со специальным заявлением.

«Я глубоко потрясен всем случившимся в Беслане, – сказал Берл Лазар. – От имени еврейской общины России и от себя лично я хотел бы выразить самые искренние соболезнования семьям погибших и всем пострадавшим в этом жесточайшем теракте, а также заявить, что мы решительно осуждаем действия боевиков. Ничто в мире не может оправдать совершенные ими убийства и те нечеловеческие страдания, которые из-за них испытали испуганные и униженные люди. Убийство детей – это зверское преступление, и я уверен, что мое негодование разделяют все здравомыслящие люди на нашей планете. Действия боевиков снова доказывают, до какой степени эти люди потеряли человеческий облик, способность адекватно и здраво воспринимать какую-либо ситуацию.

Мы все скорбим вместе с семьями убитых во время этих тяжелейших событий. В святых книгах написано, что Г-сподь милосерден и прощает все, но только не невинно пролитую кровь, особенно когда это невинно пролитая кровь безгрешных детей.

Я обращаюсь ко всем евреям нашей страны с просьбой молиться о скорейшем выздоровлении раненых и пострадавших, чтобы каждый сердцем послал несчастным людям свою поддержку.

Только объединив все усилия, мировое сообщество может пытаться противостоять действиям террористов, этих нелюдей, для которых нет ничего святого и которые не останавливаются перед убийством невинных детей для достижения своих целей».

Оценивая перспективы сотрудничества разных стран в деле борьбы с терроризмом, руководитель Департамента общественных связей Федерации еврейских общин России Борух Горин высказал свое отношение к возможности ликвидации террористической угрозы. «Одна из главных причин слабости цивилизованного мира – в его разобщенности, – отметил он. – Мы не знаем, существует ли террористический интернационал, сколько бы о нем ни говорили, – скорее всего, это разрозненные группировки, не имеющие центра. Но то, что антитеррористический интернационал не существует, – это безусловно.

После каждого теракта, начиная с 11 сентября, мы были уверены: уж теперь-то спецслужбы объединят свои усилия в общей борьбе. Ничего подобного не произошло. Ведутся какие-то переговоры о совместной деятельности, но реальной общей политики против терроризма не существует. Страны, пострадавшие от терроризма, рассматривают террор в собственной стране как подлинный террор, а в другой – едва ли не как справедливую борьбу угнетенного народа за свои права. Это происходит и когда речь идет о палестинцах в Израиле, и когда речь идет о чеченцах в России. Иногда причину терактов видят в нежелании властей идти на компромисс. В мировой политике, безусловно, присутствует принцип “наша кровь краснее”, и это главное.

Терроризм может быть побежден только тогда, когда все свободные страны поймут: у него нет национальности, он не имеет под собой какого-либо логического основания, – продолжал он. – Франция, например, была главным противником ввода американских войск в Ирак, что не помешало террористам

захватить французских журналистов и предъявить этой стране свои требования. На примере Испании и других западных демократий террористы убедились, что подобный шантаж очень плодотворен и дает хорошие результаты. А началось это с давления на Израиль – с того, что Израиль стал для правительств и народов стран Европы чуть ли не главной угрозой миру. И произошло это только благодаря террористам! Они поняли, что террор моментально меняет расстановку сил на мировой арене, он очень действенен, бьет в самую точку, его стоит развивать и распространять повсюду, как раковые клетки.

Так же как к Израилю, мировое сообщество относится к США, стране, пострадавшей от самого страшного теракта в истории человечества: едва ли не как к всемирному террористу, который пытается установить свои порядки во всем мире. То же самое происходит с Россией: чеченские сепаратисты вызывают у левых правительств и левых интеллектуальных лидеров гораздо больше сочувствия, чем невинные люди, страдающие от безумных идей. И терроризм потеряет свой смысл только в том случае, если эта психология изменится, если люди поймут, что человек, взявшийся за оружие и решивший применять террористические средства борьбы, перестает быть не только партнером для переговоров, но и существом, достойным сочувствия и жалости».

Борух Горин отметил, что «смысл террора не в том, чтобы убить несколько человек, а в том, чтобы запугать мир, разделить людей, разделить страны. Если эти задачи не будут выполнены, а наоборот, террористическая угроза сплотит западные демократии, тогда терроризм будет побежден». По его мнению, «в этом процессе больше приходится “полагаться” на террористов, которые, развивая свою деятельность, “охватывают” все больше стран. Если так пойдет дальше, то сторонних наблюдателей не останется, и у западных демократий просто не будет выбора».

В связи с терактами августа–сентября Всемирный конгресс русскоязычного еврейства выразил глубокие соболезнования семьям погибших, пожелал скорейшего и полного выздоровления раненым и пострадавшим.

«Все последние теракты в России и Израиле объединяет не только внешняя схожесть, – говорится в заявлении, – они организованы и осуществлены одной и той же силой, которая стоит за трагедией 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, за взрывами в пригородных поездах Мадрида, за непрекращающимися терактами в Узбекистане».

Осуждая теракты и их организаторов, ВКРЕ призвало к объединению для борьбы с международным террором и экстремизмом. «Международное сообщество должно понять и признать тот факт, что атаки террористов в городах Израиля, теракты в России, Испании и США являются звеньями одной цепи, преступлениями, в борьбе с которыми не должно быть компромиссов и уступок», – говорится в заявлении, подписанном председателем Координационного совета ВКРЕ, председателем Совета континентальных секций ВКРЕ Михаилом Шнеерсоном (Израиль) и исполнительным директором ВКРЕ Валерием Энгелем (Россия).

İ i aòádeáèi eí oídi áeéiíiúò ááii ónoá

«ΣΑΪ ΤΟΥ ΪΕΒÓΔΕΑΡ ÛÈΘ ΪΪ ΑΪΝΪ ΔΕΪ ΕΪ ΛΕ ΕΑΕ ΝΑΪ Ε ΕΞ Ϊ ΟΑ»

27 ááiiúò á Ī íieíateíi áádeéteíi íáueííi óáiòdá iðíeá óááii ííey iðíuáteý ñ óáiáeíi (Ááeáíi) Βεíááeéé, 42-éáóíei áeéíáíi áííi, íòóíi -áòááúúò ááóáé, ííáeáeíi áí áíóááííi óáððídeíóai é íai íeáóá Īí-óeóúí íai ýou ííeíeííá iðeóéé áí áeéééá áðkúý é ííóáóíeéé.

«Это был Человек с большой буквы, – говорили о нем. – Он очень много сделал для синагоги, для строительства общинного центра на Большой Бронной, для общины грузинских евреев. За эти два дня у его гроба побывали около двух тысяч человек, и все пришли с болью в сердце. Не только семья, но и общество в целом, и нация потеряли этого человека».

«Все проблемы, которые возникали у окружающих, он воспринимал как свои личные».

«Мне известно об истинных масштабах благотворительной деятельности Давида, – рассказал раввин Авраам Элашвили. – Исполняя заповедь, Давид не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом».

На церемонии было пролито много слез. Но, как напоминание о том, что жизнь продолжается, прозвучали слова сестры покойного: «Мой брат был самым лучшим братом, самым лучшим сыном, отцом и мужем. Он сделал столько добра, что каждый из присутствующих здесь подошел и сказал мне об этом. Его похоронили час назад. И только что мне сказали, что в честь моего брата назвали маленького мальчика, которому сделали брис-милу. Дай Б-г, чтоб у этого мальчика жизнь была длинная».

А. Ашвәли

БЛАГОДАРНОСТЬ РАЗДЕЛЯЮЩЕЙ ЗАВЕСЕ

Арëè Èèí

Ííè áúèè ííòíæè íà íàðò íííóáè-èèíá íàðàçé-íèèíá ñòíýèè, íáíýáçèñíí íà ñíáííòíáè í íèèòáá á ñèíáñá ííñáèè ííæáíðáá íæç-èí è æáíúèí. Íí íðèááðæèááè áá çà òáèèþ, è ííè ðáíèá-èááèèñíí á òáèò ñèíáíí í íèèòáá. «Èáèíá ñ-áíðúá - ííáíí áèá ý, - ííñðèááòúí Òíðò áíò òáè, áí áíðá Èòí í íæáò ñèáçáòúí, ÷òí íðèðíáòíñý èí íà ýòíí íðèè? Áèááííá - ííè áúèè áí áíðá á íá-áèá ááèèèíá è íðèðáñí íá ñò ðáííò áèý».

Но затем духовное странствие началось и для меня. Оказалось, что я не могу стоять и молиться, когда меня обнимает рука мужа. Молитва – самое важное из человеческих деяний, фокусирующее все остальные наши поступки, и при этом молитва – тяжелый труд, требующий высочайшей концентрации. Мы должны освободить сознание от того, что над ним довлеет, очистить его от мирского шума и одновременно сосредоточиться на том, что мы есть, сфокусировав все свое внимание на этом переживании. «Точкой фокусировки» становится фрагмент текста, пришедший к нам из глубин времени.

Проблема в том, что любовь, особенно любовь к мужу или жене, – это очень сильное чувство, разрушающее концентрацию сознания и мешающее молитве. Если даже шум, суега вокруг могут помешать молитвенной сосредоточенности, что же говорить о любви!

Вот почему еврейская традиция настаивает, чтобы во время молитвы мужчины и женщины стояли отдельно. В традиционных синагогах молящихся мужчин и женщин разделяет барьер или завеса, которая называется мехица («разделение»). Мало какая из еврейских традиций подвергается сегодня такой же критике, – и это потому, что люди ее просто не понимают! Противники традиционного уклада заявляют, что это унижает женщин.

В основе традиции мехицы представление о том, что мужчинам не следует во время молитвы смотреть на женщин, иначе молитва не будет услышана. Что же тут унижительного для женщины? Ведь красота отвлекает от сосредоточенности, которой трудно достичь даже тогда, когда ты в одиночестве.

Попробуйте что-то вроде упражнения: представьте, что вам нужно поговорить с Б-гом. Представьте: вам отчаянно что-то нужно, и только Б-г, с Его всемогуществом, может вам это дать. Или представьте, что вы совершили плохой поступок и вам очень нужно получить прощение. Или – у вас родился первый ребенок и вы хотите благодарить за это Б-га.

Закройте глаза. Найдите слова, чтобы выразить это. А теперь сделайте все, чтобы ваши слова достигли небес!

Удастся ли это, если одновременно вы обнимаете жену или мужа? Можете ли вы добиться результата, провожая взглядом красавицу, опоздавшую к началу молитвы? Или глядя на парня, при виде которого вам хочется улыбнуться? Конечно, мы все очень разные, и вам, возможно, это удастся, но мне стоит огромных усилий сама сосредоточенность на чувстве, что Б-г слышит мою молитву.

Порой я представляю себе огромную древесную крону, простирающуюся надо мной и вбирающую мои слова, или пытаюсь почувствовать себя комком глины, обращаемым к Тому, Кто его создал. Или с трепетом представляю священный Престол, окруженный потоками света, милосердно внемлющий моей слабой и далекой молитве. Но даже при этом мне трудно достичь состояния молитвенной сосредоточенности. Все, что может этому помочь, – очень кстати.

В синагоге есть завеса, которая помогает сосредоточиться, отделяя то место, где мы можем молиться. Мехица может быть очень разной: я видела и тонкие деревянные ширмы, и занавеси из ткани, и резные балкончики.

Как бы то ни было, она создает между нами границу, так что женские и мужские молитвы возносятся к небу отдельно. Возможно, Б-гу так лучше нас слышно. Иудаизм очень внимателен к определенности, он стремится к строгой и четкой классификации сущностей: ночь и день, мясо и молоко, Суббота – будни и праздники. Пол в этом ряду – не исключение.

Мужчинам отведено место спереди и в центре, потому что на них возложено больше заповедей, связанных с исполнением тех или иных ритуалов в синагоге. Женщина отвечает за внесение Торы в дом. И отведенное нам место – женская половина синагоги – подразумевает, что там мы можем быть рядом со своими сестрами: это особая благодать.

Конечно, вы можете возразить: мехица существует, чтобы удерживать женщин в стороне, различия между полами сформированы культурой, а на самом деле все мы сущностно одинаковы. Но для многих из нас мехица важна именно тем, что она позволяет интенсивнее и глубже почувствовать, кто мы есть в присутствии Б-га, и установить с Ним контакт. В молитве мы выходим за пределы наших мирских устремлений и ищем чего-то, не принадлежащего этому миру, способного облагородить нас и изменить к лучшему. В любви мы находим выражение происходящей в нас перемены: выражение причастности Б-жественности, добру, щедрости. Любовь более всего приближает нас к Б-гу, вносит присутствие Б-га в наше будничное существование. Так мы открываем дорогу к Б-гу своим близким. Ведь все взаимосвязано: через молитву я становлюсь лучшей женой, а любовь к мужу и узы супружества приближают меня к Б-гу. Разве мехица разделяет меня с мужем? Наоборот: она помогает мне перебросить мостик через все, что нас разделяет!

И я вновь задумалась о той любящей паре, похожей на неразлучников. Их любовь друг к другу стремилась подняться над повседневностью, они изучали Тору и пели псалмы, держась за руки, – вместе шли по тропе, ведущей к мудрости. Для молитвы есть множество путей, и никто из нас не может быть уверен, что именно его путь – истинный. Возможно, взаимная любовь этих двух возрастет настолько, что они уже не смогут сидеть в синагоге вместе. А может, они так сильно полюбят Б-га, что им это будет не нужно. Но есть и такая возможность: со временем между ними образуется барьер куда серьезнее, чем легкий занавес в синагоге, – и тогда именно мехица окажется тем, что способно вернуть их друг другу.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ОКТЯБРЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН **אַבְרָחָם וְעֵשָׂא דְאַבְרָהָם וְעֵשָׂא וְיִצְחָק וְרַבֵּי אֶלְעָזָר וְרַבֵּי אֶלְעָזָר וְרַבֵּי אֶלְעָזָר וְרַבֵּי אֶלְעָזָר**

1 сентября еврейскую общину Днепродзержинска посетил главный раввин Украины Азриэл Хайкин. Его визит не был случайным: недавно в городе открылась синагога и еврейская школа «Ор Авнер», появился свой раввин.

Рано утром раввин Хайкин вместе с женой и руководителем аппарата Мойше Вебером приехал в синагогу на утреннюю молитву. Почетных гостей встречали главный раввин Днепродзержинска Леви Стамблер, председатель иудейской общины города Довид Тарнопольский, а также исполнительный директор Федерации еврейских общин Украины Игорь Романов.

Главного раввина Украины принял руководитель администрации города Василий Швец, без внимания которого не остаются многие вопросы хозяйственной жизни еврейской общины. Раввин Леви Стамблер отметил полное взаимопонимание и прекрасные деловые отношения с мэром.

Мэр Днепродзержинска и главный раввин Украины обменялись сувенирами: картина с изображением священного города Иерусалима будет висеть теперь в кабинете у главы города, а символ Днепродзержинска, фигура Прометея, уедет в Киев.

Раввин Азриэл Хайкин посетил также праздник первого звонка в местной школе «Ор Авнер».

Поздравления, стихи и песни, звучавшие на русском, украинском, английском, французском языках и на иврите произвели на гостей большое впечатление.

Да и сама школа, уютная, красивая, оформленная со вкусом и любовью, не могла не вызвать искреннего восхищения. Раввин Азриэл Хайкин поздравил детей с новым учебным годом и всех присутствующих – с наступающим праздником Рош а-Шона. Он пожелал всем успехов, счастья и здоровья, добавив, что немного завидует первоклассникам, школьная жизнь которых будет проходить в такой замечательной школе. Главный раввин Украины выразил особое удовлетворение, что возрождается еврейская жизнь Украины, и это хорошо заметно на примере небольшого Днепродзержинска.

FJC

ΘΕΙËÛ ÍÀ ÈΡΑΙË ΑËΟÑ

*ΔΑΝΘΕΔΑΙ ÈΑ ΝÈΝΘΑÌ Û ΑΑΔΑÈΝÈÌΑÌ ÍΑΔΑÇÌΑΑÌ ÈΒ ÍÀ ÍÌΝΘÌΑΑΘΝÈÌÌ
Ì ΔÌΝΘΔΑÌ ΝΘΑÁ*

*1 íáí òÿáðÿ á Δìííè è áðáèð ìððáíáð ΝÌÁ è Αάèðèè íá-àèíÿ ííáíé
ó-ááí ùé ãã á áðáèíèèò ó-ááí ùò çàáááí èÿò.*

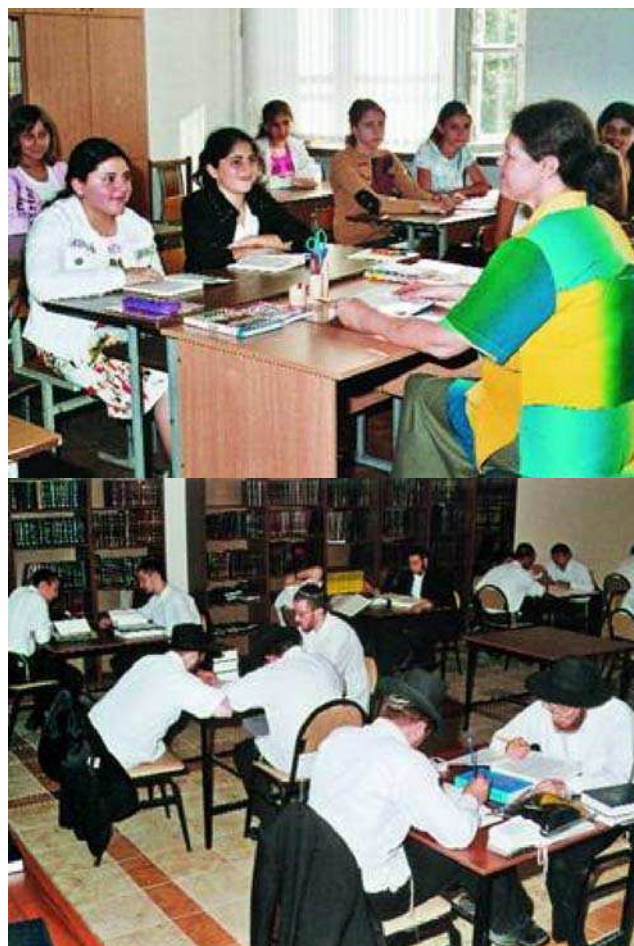

Основной системой школьного образования, как и в предыдущие годы, остается «Ор Авнер», спонсируемая известным предпринимателем и меценатом, президентом Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваевым. Сегодня «Ор Авнер» – это 58 средних школ, 4 ешивы, 4 колледжа и 4 месивты в 55 городах. В этом году открылась еще одна школа, в Тольятти. «Ор Авнер» развивает также систему детских садов, где ребята проходят подготовительный курс к учебе в еврейской школе: сегодня открыты двадцать новых садов в двадцати городах. Всего в системе «Ор Авнер» насчитывается 84 детских сада.

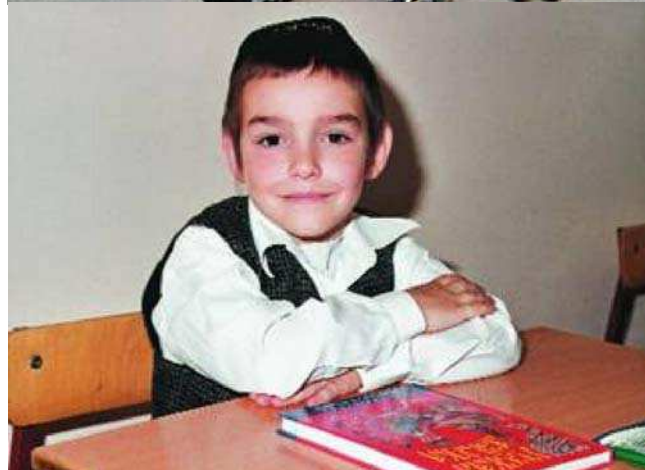
В 2003-2004 учебном году в школах «Ор Авнер» обучалось 12 тысяч детей. В этом году, по предварительным данным, число учащихся приблизится к 14 тысячам. Больше всего новых учеников в Украине – 777, и в России – 743. 74 школьника пополнили учебные заведения «Ор Авнер» в Белоруссии, 110 – в странах Балтии, 296 – во всех остальных государствах СНГ.

«Ор Авнер» не оставляет своим вниманием и русскоязычных детей, чьи родители эмигрировали в США. В средней школе Куинс, штат Нью-Йорк, число учащихся в этом году выросло с 400 до 800 человек. Благодаря высокому профессионализму преподавательского состава школам «Ор Авнер» удастся преодолеть предубеждения многих недоверчивых евреев, которые считают, что детей надо устраивать в «элитные» школы, а еврейское образование, дескать, не может не быть «местечковым».

Успешно развиваются и другие еврейские школы, не относящиеся к системе «Ор Авнер». Правда, они существуют только в самых крупных городах, где еврейские общины насчитывают десятки тысяч человек. Так, пять школ системы ОРТ, где обучаются дети с 5-го по 11-й класс, «подросли» более чем на сто человек и впервые собрали под своей крышей больше тысячи школьников, из них 340 – в Москве. На 45 человек увеличилось число учеников самой старой еврейской школы России – московской средней школы № 1311, в которой сейчас обучается 350 школьников. На 20 учеников больше стало в старейшей еврейской школе на постсоветском пространстве – рижской школе им. Дубнова, на 18 – в московской еврейской школе «Эц Хаим». В общей сложности в еврейских школах, не входящих в систему «Ор Авнер», сейчас обучается свыше трех тысяч человек.

К сожалению, в этом году есть и потери. Объявила о своем закрытии еврейская средняя школа «Мигдал Ор» в Москве. Причина проста – закончились спонсорские деньги из Израиля. К счастью, для московских еврейских детей существует альтернатива на любой вкус: 2 школы, месивта, ешива и колледж системы «Ор Авнер», школа «Эц Хаим» при Хоральной синагоге, школа для девочек «Бейт Ехудит», светская «школа Липмана», техническая школа ОРТ.

ААТ

ÒÐÈ ÁÍΒ - ÒÐÈ ÑÈÍÁÁÍÃÈ

8-10 ñáí òγáðŷ ññòíŷèŷŷ áεçèò áεááí íã ðáááεí à Ðññè Ááðεá Èáçáðá í à Ááεŷŷ èé Áññòíé. Íí íññòéé Áεááεáññòíé, Õáááðíãé è Áεðíáεáεáí - è á εáεáíí εç ÷òεð ñðíãíá í ðεíŷé ó-áñòεá á íòεðíòεé ííáé ñèíáãíε.

Ñèíáãíá á Õáááðíãéá

В столице Приморья состоялась встреча Берла Лазара с губернатором Сергеем Дарькиным. В беседе приняли участие вице-губернаторы края, руководители департаментов краевой администрации, а также раввин Приморья Менахем-Мендл Раскин и председатель еврейской общины Владимир Янкелевич. Как известно, в 90-х годах Приморский край «прославился» в России прежде всего избирательными скандалами и беспрецедентно высоким процентом голосования «против всех». Но в последнее время жизнь здесь налаживается, и это позволяет, в частности, существенно расширить возможности еврейской общины. Сергей Дарькин передал главному раввину России пакет документов, регистрирующих право бессрочного безвозмездного пользования общины на историческую синагогу на улице Прапорщика Комарова. Это здание, построенное на деньги местных евреев в начале прошлого века, было реквизировано большевиками 80 лет назад, и до последнего времени в нем помещался магазин местной кондитерской фабрики. В знак благодарности Берл Лазар подарил губернатору большой шофар на подставке, с металлической отделкой и инкрустацией. Затем стороны обсудили перспективу открытия во Владивостоке первой в Приморье еврейской школы – и здесь также было достигнуто полное взаимопонимание.

Ó ðáááðíáíéíá Áá-í íá íá ý.

После официальной части визита раввин Лазар ознакомился с новым еврейским общинным центром Владивостока, осмотрел учебный класс, библиотеку и компьютерный центр, где еврейская молодежь постигает премудрости Интернета. Под руководством рабанит Ханы Раскиной в общинном центре была организована кошерная трапеза, после чего главный раввин России ответил на вопросы журналистов местных СМИ.

Затем гости из Москвы посетили здание синагоги – там еще не были убраны витрины и торговое оборудование. Но все выразили надежду, что скоро здесь сможет молиться любой еврей, необходимо только время и средства на реконструкцию синагоги. Первые пожертвования от членов общины уже поступили, на часть собранных денег изготовлена бима.

Вечером в Пушкинском театре Владивостока собрались представители всех еврейских организаций Приморья, гости от традиционных конфессий и представители посольств стран АТР, чтобы присутствовать на концерте в честь праздника возвращения Б-жьего дома. Со сцены театра Берл Лазар сказал: «Я очень рад, что сегодня состоялось возвращение здания синагоги. Мы так долго за это боролись – более 10 лет. Трудно было этого достичь, только чудом можно объяснить то, что сейчас это радостное событие состоялось. Благодаря Б-гу в этот раз без особых усилий с нашей стороны удалось добиться возвращения нашей синагоги, единственной сохранившейся в Приморье за время коммунистического правления».

À ôääôîîîîî îîîîîîîîîîî îîîîîîîîîîî îîîîîîîîîîî

«Быть евреем – это образ жизни, – подчеркнул главный раввин России, – и теперь синагога войдет в жизнь владивостокских евреев как неотъемлемая часть нашего еврейского образа жизни».

Глава департамента социального развития Приморья Андрей Норин торжественно вручил символический ключ от синагоги Берлу Лазару, а тот, в свою очередь, передал его раввину Раскину. В память о посещении Владивостока главному раввину России был передан подарок от губернатора – картина с видом приморского города. Затем состоялся праздничный концерт, на котором выступили клейзмерский ансамбль «Ноар», знаменитый кантор Борух Финкельштейн, известные артисты Евгений Валевиц, Александр Левенбук и др.

На следующий день главного раввина России принял Хабаровск – столица Дальневосточного федерального округа. Утром Берл Лазар и сопровождавшие его лица возложили цветы к подножию мемориального комплекса на площади Славы, отдав дань памяти солдатам, погибшим в Великой Отечественной войне, защищая человечество от коричневой чумы. Официальную часть визита продолжила встреча с руководством края. Стороны обсудили широкий круг вопросов социального и духовного развития региона, специфические проблемы еврейской общины. Главный раввин России особо отметил благожелательную межнациональную атмосферу на Дальнем Востоке. «Я чувствую себя здесь, как дома», – сказал он. В свою очередь, помпред президента Константин Пуликовский подчеркнул, что власти «обязаны сделать все для сохранения национальных культур нашего многонационального народа – будь то культура еврейская, якутская или любая другая». На востоке России, сказал он, не существует еврейского вопроса, евреи здесь не боятся и не стесняются называть свою национальность.

Аеааеаііоіе. І ііаіаіеа аіаааіаі і іе сеі ааіа.

Центральным моментом визита главного раввина России в Хабаровск также стало открытие синагоги. Здесь дом Б-жий выстроен с нуля – и стал самой большой синагогой Восточной Сибири и одним из красивейших зданий города: стройное высокое сооружение с белым куполом выросло в престижном квартале Хабаровска, на Уссурийском бульваре. Вокруг архитектурного комплекса уложена брусчатка, установлена красивая ограда. Полы синагоги выложены полированным гранитом: на лестницах – серым цвета, в молельном зале – красным. На торжественной церемонии открытия присутствовало все руководство края, а также раввин города и края Яков Снетков, председатель общины Марк Аршинский, глава попечительского совета еврейского культурно-религиозного центра Павел Минакир.

10 сентября главный раввин России в сопровождении Константина Пуликовского прибыл в Биробиджан, столицу Еврейской автономной области. Это был символический визит – он приурочен к началу празднований 70-летия Еврейской автономии в России. И здесь тоже, как и во Владивостоке и Хабаровске, Берл Лазар торжественно открыл новую синагогу – третью за три дня!

Ἡ ἀνάστασις τοῦ ἱεροῦ Ἰσραὴλ ἐν τῇ Ἀσσυρίῳ.

Перед зданием синагоги и культурно-просветительского центра еврейской религиозной общины «Фрейд» собрались сотни жителей и гостей города. Перед тем как разрезать алую ленту у входа в дом Б-жий, губернатор ЕАО Николай Волков и главный раввин России обратились к публике с кратким приветственным словом. Губернатор напомнил, что решение о строительстве синагоги было принято в ходе предыдущего визита раввина Лазара в Биробиджан, и особо подчеркнул, что здание построено на пожертвования прихожан и взносы еврейских организаций. Такая взаимопомощь, указал Николай Волков, может служить хорошим примером и для других национальных общин России.

В свою очередь, Берл Лазар отметил, что, пожалуй, ни одна страна в мире не гордится так своим еврейством, как Россия: «Мы стали гордиться тем, что мы евреи. Еврей в России уже не чувствует себя человеком второго сорта». Затем он напомнил, что Еврейская автономия была задумана советским режимом как район абсолютного атеизма, – но сейчас, в свободной России, евреи возвращаются к своим корням, к своей богатейшей духовности, высшим проявлением которой служит общение с Б-гом Израиля. «Пусть и с опозданием на семьдесят лет, но Б-жий дом в Биробиджане открылся, – сказал Берл Лазар, – это событие станет этапом в развитии общественной и духовной жизни Еврейской автономной области».

אינא דא-א פראגאנא אד יודי ערעוונע א. איאדעיוו.

Слова раввина Лазара подкрепил главный раввин ЕАО Мордехай Шайнер: «Новая синагога станет не только местом богослужения, но и еврейским культурным центром. В большом, оригинальной архитектуры здании разместятся молельный зал, библиотека, воскресная школа, молодежный клуб и столовая, где будут готовить кошерную пищу».

Главный раввин России и губернатор ЕАО разрезали ленту у входа в синагогу. Затем раввин Лазар прикрепил над входом мезузу. Председатель Совета федерации еврейских общин Дальнего Востока Валерий Гуревич и глава биробиджанской общины «Фрейд» Лев Гойтман вручили памятные подарки большой группе строителей Б-жьего дома. По завершении церемонии открытия Берл Лазар и Николай Волков возложили венки к мемориалу, воздвигнутому в память биробиджанцев, погибших в боях с нацистами на фронтах Великой Отечественной войны.

Новая синагога в Биробиджане.

Дальневосточный визит Главного раввина России по плану должен был завершиться посещением столицы ЕАО. Но 11 сентября Берл Лазар побывал в Иркутске, где встретился с губернатором области Борисом Говориным. Здесь цель визита была также связана с синагогой. В конце июля историческая иркутская синагога, лишь недавно возвращенная еврейской общине и еще не отремонтированная, сгорела в результате короткого замыкания электропроводки. Берл Лазар договорился с губернатором, что она будет воссоздана в первоначальном виде за полтора года. Деревянные перекрытия

заменят на кирпичные, кровлю выложат черепицей, а молельный зал, переделанный большевиками 70 лет назад под спортивный, вновь станет двухэтажным. К зданию также пристроят микву и кошерную столовую. Восстановлена будет и библиотека, сгоревшая при пожаре, а основную часть учебников и молитвенников предполагается приобрести в Израиле. С Земли обетованной привезут и главную книгу – рукописную Тору. Зато алтарь синагоги будет изготовлен в Иркутске. Стоимость проекта – 2 млн долларов, основные расходы берет на себя Федерация еврейских общин России.

ААІ

×ŌĬĀ ĀĀĬ ŌĬĎĬŌĬ ĄĔĔĬŃŮ!

Как вам это известие? Когда в семье проживающих в областном центре Абдимилатипа Карасатова и его жены Гулзады родился малыш, они не нашли ему иного имени, кроме как – Биробиджан. Единственный за 70 лет ребенок с таким именем в Еврейской автономной области. Длинновато имя, правда, но не длиннее, чем Абдимилатип... Скажите, если бы вам не нравился город и его название, разве назвали бы так свое чадо? Я думаю, они настоящие патриоты Биробиджана, эти супруги, раз поступили так в годовщину создания области – тем более что к юбилею ЕАО здесь почему-то не родился Исаак Рабинович.

Памятника Рабиновичу в Биробиджане нет. Зато в городе есть памятник великому еврейскому писателю Шолом-Алейхему, который, правда, в Биробиджане не был по одной простой причине: умер задолго до создания еврейской автономии. Но разве это мешает горожанам считать его своим писателем и цитировать? Нет. К тому же Шолом-Алейхем, если разобраться, и был настоящим Рабиновичем – по паспорту.

Ĭ đāçĭĕĕā ì ĭĕĭ ĭá áúòŭ

Памятник ему открывали про большом стечении народа, а потом вся эта людская масса плавно перемещалась с одной праздничной площадки на другую: то в синагогу, то к набережной, то к филармонии – вместе со мной... На вокзале зажурчал фонтан с еврейской менорой и памятник первостроителям Биробиджана – это в память о временах, когда в 1934 году на станцию Тихонькая прибыли первые искатели счастья. А у филармонии в считанные месяцы была возведена Театральная площадь – почти как в Москве, только, извините, лучше. И тоже кстати, с фонтаном.

В гостинице я обнаружила шампунь в фирменной упаковке "Биробиджан" и разные щетки-расчески, как положено приличному отелю. К юбилею области главный раввин России Берл Лазар открыл здесь новую синагогу, где будет молельный зал, библиотека, воскресная школа, благотворительная столовая с кошерной пищей. Специальным рейсом из Израйля на праздник привезли бывших соотечественников. Я видела, точно видела в их глазах слезы. Только из Китая, с которым у области протяженная граница, прибыло целых пять делегаций!

Брожу я по городу Биробиджану в этой людской массе, с блуждающей улыбкой. И чему, спрашивается, улыбаюсь? И чему улыбаются идущие мне навстречу? Оказывается, мы забыли, когда это делали в последний раз. Устали жить в напряжении, ожидая беды. Всю неделю накануне говорили о террористах. Власти даже подумывали отменить празднества, к которым готовились целый год, ведь многие гости не смогли приехать. Горе в России большое, очень большое. И биробиджанцы, разделяя его, послали в Беслан свою лепту. Но, скажите, разве не бывает так, что люди плачут и смеются одновременно, тем более если эти люди – из Еврейской области?

Ĭ ĭđĭçĭĕ òāđĕĕāŭ

Денег на фонтаны и развлечения биробиджанцам никто не насыпал. Поднатужились сами, помогли коммерсанты. Полпред президента в Дальневосточном округе Константин Пуликовский, замечено, очень любит посещать Биробиджан. Даже в отпуске. Что его туда тянет? Во-первых, здесь не жалуются и ничего у полпреда не просят. А это уже приятно.

Во-вторых, Пуликовский считает ЕАО одним из самых динамично развивающихся дальневосточных субъектов. К примеру, губернатор Николай Волков пообещал жителям области, что к 2005 году валовый региональный продукт вырастет более чем в полтора раза. Охотно верю: темпы роста

инвестиций в экономику области растут как на дрожжах. И это при том, что еще несколько лет назад единственная дымящая труба в городе указывала лишь на работу ТЭЦ.

Последние пять лет экономика области работает устойчиво, хотя не так давно для властей было проблемой выплатить зарплату и социальные пособия. Сейчас бюджет отдает их день в день. ЕАО – одна из немногих территорий, где не слышат о кризисах с теплом, хотя климат такой же, как везде, суровый, и перед энергетиками долгов у города нет.

В области выпускают стройматериалы, минеральную воду, трикотаж, собирают пылесосы, скоро начнут выпускать стиральные машины и телевизоры. Резко выросли объемы строительства и прирастает объемами агропромышленный комплекс. Жилья за год – удвоили. На днях запустили в эксплуатацию телефонную станцию на десять тысяч номеров в Биробиджане и оптико-волоконную линию связи с селом Ленинское. В этом селе население за последний год увеличилось на тысячу человек: народ стал подтягиваться назад. А разве заставишь человека ехать туда, где ему будет плохо? Люди видят, что здесь открыли несколько производств, весьма перспективных, и образовалось сразу две тысячи вакансий.

В Биробиджане есть что-то от социализма есть в городе: здесь сохранили Дворец пионеров, не превратив его в торговый дом, и музеи работают, и библиотеки (их в области 96). Торжественное собрание приветствовали, как в 60-х годах, дети в черно-белом с шариками.

Зато здесь билет в автобусе стоит всего пять рублей, а не десять. И взгляд у людей не затравленный, внутрь себя, как в больших городах, а – наружу – мол, ты кто? Как твои дела? У биробиджанцев нет столичных амбиций, хотя их город и столица ЕАО. Их городок не избалован высокими фигурами. Поэтому для них любые фигуры заметны. Неудивительно, что мэр знает в лицо половину горожан.

І а етєаò аєуò н: а̀ò іу

Итак, встретила нас на вокзале отлитая в металле повозка с первопоселенцами и нехитрым скарбом. Посади меня сейчас в одноконную повозку и отправь искать лучшей жизни, я бы спросила: а есть там телефон? А душ? А интернет? Чтобы сорваться из Украины на Дальний Восток с его болотами и комарами, надо быть или очень бедным, или очень предприимчивым. Земля тут трудная, условий – никаких. В тридцатых годах собирали по всей Стране Советов трудолюбивую гольтьбу, для которой земля приамурская должна была быть если не раем на земле, то хотя бы родиной, местом компактного проживания, чтобы борцы за права евреев замолчали. Кто-то ехал за несбыточным счастьем, кто-то – чтобы увезти мужа на край света от допекающих кокеток, кто-то действительно хотел найти землю обетованную. А где, спрашивается, советской власти создавать еврейскую автономию, чтоб империалисты закрыли рот? Лучшие земли были разобраны, оставался дикий и топкий дальневосточный край, на который никто не заявлял претензий. Так что спешили.

Михаил Котляр – один из таких искателей счастья. Сын кузнеца и домохозяйки из Винницкой губернии, он ехал сюда целый месяц – в 1932 году на товарном поезде. А что встретил вместо земли обетованной? Три фонаря да тучи комаров. Собственную квартиру в Биробиджане он получил лишь спустя 14 лет после победы. Таких, как он, в городе осталось уже немного. В Биробиджане первостроители и ветераны – почти как аксакалы на Кавказе, пользуются особыми почестями. Например, мэр города Винников здороваётся с ними всегда первый – за руку.

Лев Тойтман, возглавляющий биробиджанскую еврейскую общину «Фрейд», получил на юбилее области из рук полпреда Пуликовского именные часы. Часы хорошие, но счастье для Тойтмана не в этом. Он счастлив и незаменим у себя во «Фрейде»: там у него и свой сайт в Интернете, и связь с международной организацией Джойнт, и благотворительные дела для горожан. В его общине действует несколько объединений: узников гетто, инвалидов и участников войны, инвалидов по зрению. Есть и клубы по интересам: интеллигенции, молодежный, недавно созданный клуб любителей еврейской кухни. Будет класс изучения Торы. Лев Григорьевич невероятно радуется тому, что в городе наконец есть своя синагога. И ничего, что он появилась с опозданием на 70 лет.

– Спрашивать, для чего нам нужен дом молитвы, по-моему, все равно, что спросить: «А для чего еврею вообще надо быть евреем?» Биробиджанская диаспора и без того немало утратила.

Ефим Кудиш – тоже один из еврейских аксакалов. Он же – «нештатный областной архив», все про историю, географию, литературу области вам расскажет.

Извините, еврейский вопрос

– Скажите, сколько в Биробиджане евреев?

– А вам скока нада?

Так отвечают некоторым занудам, которые на протяжении десятков лет пытаются выяснить удельный вес титульной нации в области. В самом Биробиджане живут около 80 тысяч жителей, в области – 189 тысяч. Но не спрашивайте, сколько из них евреев. Одни говорят, два процента, другие – четыре, а некоторые вообще: каждый четвертый!

По-моему, каждый четвертый – это гражданин КНР. Китайцы здесь торгуют, работают на полях, строят, немало их в сельских районах. Их с русскими не спутаешь. Остальных – с трудом. В маленьком городе, где давно пережились русские, евреи и украинцы, поди разберись, кто есть кто. Итоги исторического эксперимента и особенности уникальной автономии на Дальнем Востоке с интересом изучают регулярно приезжающие в область западные журналисты. Ведь Еврейская автономная область пережила и борьбу с космополитами, и разгром еврейской культуры. В области есть своя культура – яркая, пышная и очень трудолюбивая.

Фестивали в Биробиджане – это суперкласс, знающие люди подтвердят. Такие фестивали может организовывать только один специалист – Татьяна Кадинская, она же местный радиодиктор. Услышишь в эфире: «Здравствуйте, дорогие биробиджанцы!» – и можно плакать от нежности. Камерный еврейский музыкальный театр, потрясший спектаклями весь мир, родом из Биробиджана. А в сентябрьские дни артисты работали прямо на улицах: «Мазлтов», «Иланот», «Адекс», казачий и русский народный хоры, оркестры, ансамбли... Казачки и еврейские пляски вперемешку. И кто сказал, что еврей с казаком живут как кошка с собакой?

Недавно мэр города Александр Винников посетил израильский город-побратим Нацрат и был там дорогим гостем, потому что биробиджанская диаспора в Нацрате – более трех с половиной тысяч человек. Живут они там, на российский взгляд, припеваючи, особенно пенсионеры. Но не знают, куда деть свою ностальгию. Ведь их семьи разделились, часть осталась в России. Годы реформ отразились на миграции: люди рвались из Биробиджана любой ценой. А вслед за евреями, спешно исправляя документы и вступая в фиктивные браки, рвались русские и украинцы, татары и белорусы. За полгода из Израйля вернулось вдвое больше семей, чем уехало.

– Им не хватает русского воздуха, домашности, потому что Биробиджан – город уникальный, «город одной семьи», здесь все друг за друга, – поясняет Александр Аронович.

В эти дни тележурналисты из Би-Би-Си встречаются со старожилами: их интересует современная еврейская жизнь и образование, межнациональные отношения, причины эмиграции российских евреев в Израиль, и еще более – причины, заставившие их вернуться на родину.

– Здесь каждый русский – немножечко еврей, – говорят мне биробиджанцы, которые умеют готовить рыбу фиш и танцевать «семь сорок». Им просто нравится жить автономно – область вроде и Россия, но какая-то особенная, теплая, домашняя.

Это при том, что основное население живет в области небогато: средняя зарплата немногим более шести тысяч. И дачи здесь держат не столько для отдыха, сколько для пропитания, как мои знакомые биробиджанские интеллигенты, кстати, известные работники культуры. Приличная, устраивающая по всем параметрам работа есть пока далеко не у всех, особенно в селах, где стало невыгодно выращивать овощи из-за большой конкуренции с китайскими. Не избалованы в области и визитами ярких звезд и больших политиков, отсюда – большая любовь к собственным.

И все же статистика неумолимо показывает, что представители титульной нации опять возвращаются в Биробиджан и в этом году их, в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке, вернулось еще больше.

Ведь уровень жизни меряют не только по материальной шкале, но и по духовной. Сейчас Еврейская автономная область пусть не земля обетованная, но воистину уникальная территория, где даже на бытовом уровне не спорят и не выясняют, чей нос длиннее и «кто продал Россию». А раввин Мордехай Шайнер, проживший в области два года, как-то заметил: «Если бы отношения между народами были такими, как в Биробиджане, – мир был бы иным...»

Èðéí à Ñòáí óðà,

«Ðííðéíðáí ãçáò à»

ÀÏÏËÏÙÁÍÍÀΒ Ì Á×ÒÀ

*À Ìá-àèá ñáíòÿáðÿ ñòíé èðááé ìðéíÿèè ó-áñòèá á ìðáçáíé-íúó òíðáèáñòááó,
ííñÿíáííúó íòèðòèèè àíçðáèáííé ñéíááñé Ìá Áíèùóíé Áðíííé óèèóá á Ì ñéáá*

Тоннель длиной более 7 метров под синагогой, сохранившийся до сих пор, – яркое напоминание о давно прошедших событиях. Он был прорыт в 1880-х годах прежними владельцами синагоги – в ожидании грядущих погромов.

Однако времена меняются, и сегодня пожертвования российских и зарубежных благотворителей позволили реализовать грандиозный план реконструкции здания, которое теперь как бы накрыто стеклянным колпаком. «Здесь у нас будут помещения для разнообразных детских занятий, новый свадебный зал, музей, зимний сад», – рассказывает раввин синагоги на Бронной Ицхок Коган.

Жизнь самого раввина Когана является ярким примером многолетней борьбы российских евреев за сохранение своей духовности в условиях советского режима. Он возглавил эту синагогу пять с половиной десятков лет спустя после раввина Мошко-Хаима Гуртенберга, расстрелянного в 1937 году за «антисоветскую деятельность».

Синагога на Большой Бронной – один из первых институтов постсоветского времени, чьей целью стало решение сложной задачи духовного возрождения ассимилированного еврейства.

За прошедшее десятилетие синагогу трижды пытались взорвать. В 1999 году страшной трагедии удалось избежать лишь чудом. Тогда десятки людей собрались здесь на семейное торжество, и сын раввина, в то время еще подросток, нашел взрывное устройство в молельном зале. Именно после этого случая, по словам раввина Когана, у него и родилась мечта восстановить синагогу.

Раввин Коган любил показывать макет нового общинного центра с башней и круглой конструкцией, венчающей здание, – все это напоминало ему подводную лодку. Сравнение с подводной лодкой ему нравится: в советские времена Ицхак Коган, по образованию инженер, работал в конструкторском бюро на одном из ленинградских заводов, где строились отечественные атомные субмарины.

Его ленинградская жизнь протекала как бы в двух измерениях: в одном была работа и учеба, в другом же, скрытом от бдительных властей, – он пытался, вместе с небольшой группой евреев, следовать тысячелетней еврейской традиции. **ЛТА**

Í ÀÍ ÁÐÁËÏ Ð ÑÒÈÕÈÈ

Í úíáσίεί έαóñ ñòèðý áñèà íáí èéññáðáíá é Èðèóóñéíé íáèáñðè. Í á ïðíóγαáí èé óáèíá ï áñγóá èèáíé ñ áíγέññí óðááí áí è, óðááí ú - áí íáí èèáíγí è è íááíáèíí. Áèáñóγí óáèííá ïðèðèíñí ï íáèèèçíáóó ïñá ñèú è ñðááñðáá, ÷òíáú ðáí ïíðèðíáóó ï ïñóú è èèí èé γéáèððíáðíáá÷, ïñí ïáóó ïðáγí, ó èíðíðúð ïíáðííèéí áñí à èèè ááððí ñðááèí ÷áðáí èóó ñ èðúè. Í áñíèáèòáèíñí, ÷òí íá áñá ñèè è ñðááñðá íá óááòááð. Á ÷áñòíñðè, áñí èíèñððáòèγ íá óñí áááð èèèáèèðíáóó ïñíèááñðáèγ ñòèðèéí íá áááñðáèγ íá èèááèèúáð

Но для еврейской общины города забота о порядке на кладбище является одной из важнейших. Во-первых, еврейское кладбище Иркутска – памятник истории, источник сведений о том, что евреи жили в Сибири еще в XIX веке и играли важную роль в становлении и развитии края. Во-вторых, порядок и чистота на кладбище – дань уважения предкам. И, наконец, объекты, за которые несет ответственность еврейская община, должны находиться в чистоте и порядке вне зависимости от капризов природы – это дело чести.

Поэтому 22 августа 50 активистов вышли на «воскресник» по уборке кладбища. В совместной акции еврейской религиозной общины города и иркутского отделения еврейского агентства в России приняли участие молодые евреи города и области. Они убрали упавшие деревья и ветки, расчистили дорожки, поправили покосившиеся надгробия. Работа длилась с утра до вечера, зато за день удалось привести в порядок старое еврейское кладбище.

ÿ. Õèèí áí

Ì ÁÇÈ ÕÏÁ!

Ááðíèèáγ íáñíèíá áðíáá Èíòèáð-Íéá поздравляет с 75-летием **Хазина Самуила Абрамовича**, президента строительно-промышленной компании «Марагропромдорстрой». Для нас он – цвет нации и лицо еврейской общины.

Желаем здоровья и счастья!

Ááðíèèáγ íáñíèíá áðíáá Ñóðáè Áðγíñéíé íáèáñðè поздравляет с 90-летием **Ошелерову Иду Марковну**. Желаем ей в здравии и спокойствии дожить до 120 лет!

Поздравляем **Валентину Матвеевну** и **Бориса Абрамовича Гальпериных** с 50-летием супружеской жизни. Здоровья и счастья вам на долгие годы!

Ááðè, áí óèè, ðíáñðááí í èèè

АСАР ЭПШЕЛЬ: У МЕНЯ ВСЕГДА НЕТ ВРЕМЕНИ

Аאאא אאאא אאאא אאאא אאאא

– Асар, ну наконец-то вы выкроили для меня часок-другой – ни одного писателя я так долго не просила о беседе...

– А я терпеть не могу интервью. Всегда однообразные и бессмысленные вопросы... К нашей встрече это, конечно, не относится. Но где взять время?

– Понимаю... Как вы впервые сели за свою прозу, как оно началось?

– В 79-м году. Я тогда тоже был занят и заморожен. Так уж складывалась жизнь... Не то чтобы какие-то катаклизмы – просто бытовые обстоятельства. Но и потрясения случались... Однако было и замечательное время – житье в дубултовском Доме творчества, куда я попадал глухой осенью, когда не было проблем с путевками. Между прочим, я двадцать два года ездил в одну и ту же 75-ю комнату на седьмом этаже. Она стала моим литературным обиталищем, и я пребывал в ней срок или два. А один раз целых пять подряд... Срок составлял двадцать шесть дней. Это были еще советские времена. Однажды я приехал в Дубулты без переводческой работы – я тогда в основном переводил, – просто решил сосредоточиться. Еще я писал в те годы стихи, которые, между прочим, до сих пор не опубликованы, хотя появление их, как мне кажется, могло быть замечено. Сейчас у меня с ними отношения двойродные, так что не считите мои слова похвальбой.

– Не жалеете теперь, что не осуществились как поэт?

– Скорее всего, не жалею. Переводя стихи и кое на кого в поэзии ориентируясь, я вовремя догадался, что для стихотворчества необходима особая жизнь. Особая мужская вольная жизнь... Я же и тогда, и никогда потом таковой не располагал.

Словом, приехал я в Дубулты безо всякой работы. И решил чем-нибудь заняться, скажем, теми же стихами. Ни о какой прозе я тогда не помышлял. Написал два стихотворения, за которые по тем временам вполне можно было получить лет десять, и подумал: «К такой жизни я не готов». И тут мне пришло в голову, что было бы здорово составить что-то вроде переписи населения тех мест, где я жил в

детстве и юности. Дом за домом, квартира за квартирой. Это представлялось несложным: у нас там были бараки, одноэтажные дома (бывшие дачи), и я знал всех наперечет.

«Βαράκι ἰ ἀεὶ-εἶ, ἃ Ἰπὸἀϊεἶἃ εἰὸἰ ...»

– В вашей прозе это называется Травяная улица. Она и в реальности была Травяная?

– Нет. Моя улица называлась 5-й Новоостанкинский проезд. Между прочим, на месте моего жилища сейчас школа. А писать я решил так: дом такой-то, квартира такая-то, тут жил инженер, тут газировщик, жена, дети... Там занимались тем-то... Фигурировали детекторные приемники и так далее.

Похожий прием был замечательно использован Андреем Сергеевым в «Альбоме для марок», я же исписал всего-навсего страничку – перечислил объектов двадцать возможного описания. Безо всяких сюжетов. А потом ни с того ни с сего сочинил «Бутерброды с красной икрой». Причем даже не понял, хотя давно был профессиональным литератором, что написал прозу и что проза эта – рассказ.

– Почему не поняли?

– Потому что самое сложное и трудное литературное занятие (а я вроде бы работал во всех жанрах) – перевод прозы. Так что сочинение ее представлялось мне делом вовсе сверхъестественным. А тут – взял и написал.

Я тогда чуть ли не ежедневно виделся с режиссером Р. Он ставил в Рижском театре русской драмы спектакль «Убивец» и на ночь приезжал ко мне в Дубулты, потому что ночевать ему было негде. Делалось это втайне от директора Баумана – человека яростного и несправедливого... И вот я говорю режиссеру Р.: «Послушай, я что-то тут насочинял (а насочинял я это “что-то” за пять дней), а что – не пойму». И прочитал. Он выслушал и говорит: «Так. Но это не рассказ...»

Если вам попадалось указанное повествование, вы, наверно, согласитесь, что для 79-го года оно было, мягко говоря, неосмотрительно. Например, пугающее описание сортира, которое даже не метафора. И вообще, реалистическое изображение нашей убийственной жизни.

Но я отвлекся. Итак, Р. мне говорит: «А еще можешь что-нибудь?» «Конечно!», – отвечаю. И написал «Одинокую душу Семена». И прочитал ему снова. Он говорит: «На рассказы все-таки не похоже. А еще можешь?» И я написал «Темной теплой ночью». Всё – в один срок. И никакого не было у меня

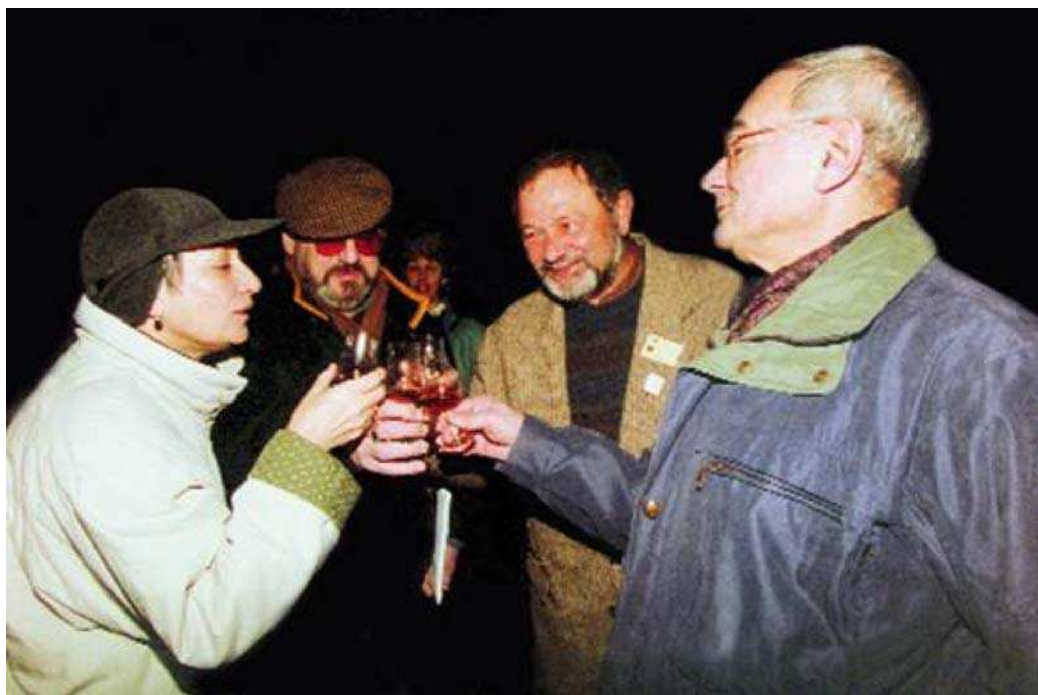
ощущения, что это «что-то» – рассказы. Не говоря уж о том, что все мои шокирующие откровенности и описания были для тех времен неслыханны. Ничего подобного, по-моему, ни у кого не наблюдалось. Когда я читал эти тексты своей жене, она, стесняясь моих откровений, просто ужасалась. А когда в Дубултах посвящал в свои сочинения Риту Райт, то Рита Яковлевна, усевшись поудобнее и укрыв ножки пледом, то и дело вскрикивала: «Ой!»

Все, кому я читал, говорили, что, мол, да, интересно, но что оно такое – непонятно... Наступила осень. В очередной приезд в Дубулты я написал «Aestas sacra», которым сейчас заканчивается сборник «Шампиньон моей жизни», и вот тут-то понял, что пишу рассказы. А то, что они небезынтересны, – это подтверждалось вот чем. Вы отлично знаете, что в Доме творчества давать кому-то рукопись и просить, чтобы прочитали, – злодейство. Человек приехал трудиться, сосредоточиваться, а ему навязывают черт-те что... Я же рукописи свои никогда никому не давал. Прятал под бельем в шкафу: были нормальные советские годы. Но по многим просьбам стал читать рассказы вслух... И пошло: «Когда считаешь?» Герману Плисецкому я читал подряд десять вечеров. Егор Яковлев (его тогда отовсюду уволили, и он писал документальные сценарии) взволновался: «Пойду в ЦК! Буду о тебе говорить. С этим надо что-то делать», – и называл какие-то недостижимые фамилии. А я, между тем, понял, что свободен и так могу писать обо всем. И очень удивлялся неожиданной этой свободе и безоглядности.

Впрочем, есть темы, которых я никогда не коснусь...

– Например?

– Например, отношения родителей. Еще разное другое...

Épāi eēā Ōēēōēāy, Áñāō Yīīāēū Áāēā Ī āēēō ē Nēi īī Ī āēēō āī ōōāīōōñēīī āōīāā Éīīūyēā

Ā āīēāēāō īyōī āōōāōēēāōīēē ēīīūyē.

– Вы по многу раз переписываете одно сочинение?

– Поскольку всё было начато поздно, я очень спешил и сочинять законченные фразы так и не научился. Я и тогда и теперь сочиняю сперва некий набросок. Эскиз. Затем уходят месяцы на обработку и перепечатку.

В те годы компьютеров еще не было. На машинке же я мог перепечатать в день страниц двенадцать. То есть за один дубултовский срок перепечатать максимум три рассказа. Сейчас у меня количество правок двадцать – двадцать пять. Да-да, я распечатываю свои рассказы раз по двадцать. Без

компьютера их бы не было. А пишу – торопливо. Страниц пять в день. До начала работы почти не знаю, о чем будет сочинено...

– Как бы вы сами определили свой стиль? Конечно, не критический реализм и не натуральная школа, но, быть может, магический (или романтический) натурализм?

– Понятия не имею. Мне просто хочется зафиксировать подсознание. Отголосок, скажем, этого, который сейчас за окном, дождя. Поскольку языковой единицы, которая бы исчерпывающе передавала именно этот дождь и этот воздух, то есть состояние погоды и природы в данный момент, наверняка не найдется, словесность прибегает к метафоре. А убедительная метафора не всегда приходит в голову. Чтобы писать, как писали прозаики одесской школы и прочие наши предтечи 20–30-х годов (тот же Хемингуэй), надо быть молодым и пылким. И впереди иметь целую жизнь. Ничего подобного в моем распоряжении уже не имеется и остается писать длинные рассказы неопределенного стиля. И я длинно описываю состояния, ощущения и мысли, которые мне желательно зафиксировать.

– Фиксация подсознания – само собой, но вы, как мало кто, любите мир вещей. Да, будничных вещей, вещиц, предметов, мелочей, и вы выписываете их с редкой скрупулезностью... Чем вас так притягивает это вещественное ретро?

– Вещь сама по себе уже сюжет. Она драматична. А кроме того, располагает своим качеством, своим веществом, которые сами по себе необыкновенны и примечательны, потому что являются продуктом человеческих усилий, мыслей, ремесленного приема, времени. Время всегда отдает предпочтение ладным, хорошо работающим и добротнo сработанным вещам. За ними обязательно стоит творческое усилие. Кстати, мастеровой-ремесленник всегда может определить результат своих действий и позволить себе перекур или решить, что работа завершена, а человек искусства еще сто раз подбежит к рукописи, к картине. Его труд никогда не кончается. Я пишу истории из старого времени, и мне нужны свидетели. А вещи – свидетели отменные.

Ἡ αἰό-εἰς ἰ εὐχρηῆ Ἀεὶ ἰδεῖ Ἀεὶ ἰαῖα (ἡεῖα) ἐ αἰ-αἰφ Ἀαααῦ Ἐεεεε Ἀαααῦ (ἡ ὀαα).

– Вы в своей прозе описываете исключительно ретро (причем в форме фантазмагории будней) – почему?

– Не всегда. Сейчас любое «нечто» быстро становится «ретро», потому что время очень торопится. Раньше оно длилось мешкотно и обстоятельно. А сейчас? Ведь вот же отслужили своё пишущие машинки. Отменились большие, громоздкие телевизоры и компьютерные мониторы, и куда-то миллиарды этих экранов должны деться. Отменились паровозы и отменились в свое время парусные суда. Прежде время шло неспешно, одни и те же предметы могли обслуживать и четырнадцатый век, и двадцатый. И девятнадцатый, и пятнадцатый. Оно, время, хранилось в бабушкиных сундуках.

Вообще-то, словом «ретро» для обозначения чего-то позавчерашнего, как мне кажется, удобно обслуживать масскультуру, но главное преимущество «ретро» – быть безотказной декорацией вечным человеческим страстям... Вот я и обзавелся прекрасными декорациями, в которых живут и действуют обескультуренные, оторванные от корней, разноплеменные люди. Этакое полиэтничное сообщество. Поскольку страсти, постель, еда, санитарно-гигиенические необходимости – всегдашняя и неотвратимая «злоба дня» и этому «дню» довлеют, они, эти мыкающиеся люди, должны изобрести новую этику, новую историю и новый мир вещей взамен потерянных. Управиться с этим умело они, конечно, не умеют, поэтому проявляют себя максимально эксцентрическим и буффонадным манером. Я не осмелюсь примоститься даже на краешке дивана, на котором сиживал Платонов, но его персонажи тоже выныривают из хаоса (например, в «Котловане» или в «Чевенгуре») и обалдело живут, и трактуют предметы, обстоятельства, идеи самым невероятным и чудным образом, скособочивая по отношению к общепринятой речи и жизни всё, что их озадачивает по дороге.

Кстати, можно попенять литературе почти всего XIX века, что она ограничивалась тихими дворянскими гнездами и тургеневскими барышнями... А вот где в распутицу стаскивал сапоги Пушкин, когда приезжал по дождю и бездорожью за пять верст в гости? Ведь предстояло ступить на сверкающий паркет? Как все делалось, как было придумано?! Это же каким-то образом производилось!

– Да. Ни у Толстого этого нет, ни у Гончарова. Отчасти есть у Лескова.

– Это не было территорией литературы. Перед тогдашней словесностью стояли другие задачи – надо было писать про «главные» и прекрасные чувства: чистую любовь, разочарования... Но вот Достоевского уже занимают чувства «нечистые», разочарования гибельные, жилища отвратительные. Мармеладова, например. Эстетика проходных дворов... Новый мир вещей и декораций. И неизбежное свое «ретро»...

– Вы пишете почти исключительно еврейский мир – и совсем не употребляете слова «еврей»...

– А я не пишу еврейский мир. Я пишу окружавший меня мир, в котором были евреи, – просто их было заметное количество. Для моей в них заинтересованности есть причина. Верней, причинная история. Люди, рванувшие из двухтысячелетнего уклада в столицу, были необыкновенные. Вообще, растиньяки, прорывающиеся в столицы, всегда бывают решительны и безоглядны. С долгим дыханием. Они отрываются от родного и дорогого, и это – самое дорогое – отрывают от себя, чтобы ринуться в неизвестное. Но... даже на своем победительном пути рожают детей (куда от этого денешься?), наскоро где попало оседают... В нашем климате даже одна бездомная ночь – невыносима. Те, например, кто застрял на всю жизнь в наших местах, естественно, сняли квартиры в домишках, похожих на родные хибары. Родственники селились возле родственников. Совершался и особый еврейский феномен бытования (пусть они о нем и не догадывались – срабатывала традиция): священной обязанностью иудея является говорить поминальную молитву. Непроизнесение поминовения – огромный грех, однако совершить молитву можно только в присутствии десяти человек. Одному нельзя, двоим нельзя, троим нельзя. И этническая кучность (кучность гетто, кучность местечка, кучность городишка) во многом определялась тем, что вокруг тебя должно оказаться десять сомолитвенников-мужчин... Вряд ли новые поселенцы впрямую это имели в виду, да и были они уже безбожники, однако инстинкт кучности срабатывал... А вообще-то, у нас там обретались не только евреи. Среди коренных, а также сбежавших от голода из провинции русских – основного и главного населения – проживали и татары, и цыгане, и поляки, и даже французы. В одном рассказе я назвал это «компотом слободы».

– Но все же самые яркие в вашей прозе бытовые проявления и самые выразительные диалоги, они – еврейские.

– Так уж и самые?! Отовсюду это слышу – и к Бабелю меня пристегнут, и на обложку Шагала приспособят. А ведь это совершенная нелепица. Я на одном научном собрании, когда про что-то подобное заговорили, предложил: «Давайте я заменю имена на испанские: Родригес, Педро, Хосе...» И прочитал одну страничку в «испанизированном» варианте. «Пожалуйста, – говорю, – что изменилось?» «Всё равно чувствуется...» Что чувствуется? Где чувствуется?

Вообще говоря, писатель – он писатель и только. Побуждение писать – внационально. Писатель, как это ни парадоксально, безэтничен, хотя пользуется языком, который слышит с рождения, и материалом, который составляет его жизнь. И привержен или не привержен своему племени как человек. А

вот литература, состоящая из писательских произведений, по творческой своей природе «безродных», – обязательно и неминуемо национальна. Это уже потом семь городов спорят о Гомере.

Естественно, я и не думаю открещиваться от своего происхождения (ничего себе игра слов: открещиваться от иудейства!). Ни открещиваться, ни выкрещиваться. Просто материал слободы невероятно благоприятен для творчества. Еврей на окраине Москвы в среде коренного населения, он ведь трижды персонаж. И значит, его жизненные коллизии четырежды благоприятны для словесности. В настороженном по отношению к нему социуме (а это еще не самое худшее!) нашему протагонисту приходится играть ежедневно сто ролей. Его день непредсказуем. Его речь чуть ли не каждым словом производит комический эффект, ибо он машинально переводит на местный идиомы собственного природного языка, да еще картавит, да еще говорит на особый распев. Отсюда, кстати, юмор Бабеля. «Делай ночь, Нехама» – очень потешно. На самом же деле это калька еврейского выражения «Мах нахт». Оно совершенно нормально и означает обыкновенное «ложись спать», «спи давай». А Бабель переводит его буквально «Мах – делай», «нахт – ночь» – и получается смешно. Многие комические бабелевские удаления от нормативной русской речи такого происхождения.

– Ясно... А как получилось, что ваша семья обосновалась в Москве?

– Увы, толком я так и не расспросил родителей. Я о многом их не спросил, поскольку был юным распропагандированным идиотом и, конечно, считал, что лучший композитор – Чайковский, самый лучший писатель – Толстой, самый лучший художник – Репин. И всё такое прочее. Названные знаменитости и в самом деле достославны, но мира и опыта отца и матери (они, между прочим, были люди простые) со всеми их ценностями и оценками я не признавал. Вселенная родителей была для меня незначительна, малоинтересна и даже смешна, при том, что свое троглодитское житье в Останкине я считал куда как необыкновенным. Там для меня была столица мира. Через много-много лет я приехал туда, где когда-то родилась и жила мама, и увидел, что сквозь городские ворота XVII века, которые рядом с ее домом приблизительно того же времени, виден на горе белый королевский замок...

5-é Ī ĩāĩ ĩñōāĩ ēēĩ ĩñēē ĩ ðĩāžā, ēçĩāðāēāĩ ĩ ũē 19-20 ēpĩ ũ 1941 ñāā ĩññāĩ, ĩ ĩēĩāũĩ ðĩāā ñēĩāēĩĩ, ĩ ēēĩēāĩ ĩ ĩñōĩāũĩ.

– Это где?

– Это польский город Люблин. Однако расскажи она мне про сказочный этот замок и про остальное, я в лучшем случае пропустил бы всё мимо ушей, а в худшем бы не поверил. Я был жителем другой страны и другого мира. Внешние проявления родителей я оценивал скептически. При этом я их без памяти любил. Взрослеющим детям вообще нет нужды в родительском авторитете. Было о чем спросить, а я, дурак, почти ни о чем не спросил и ничем не попользовался.

– Но после их смерти вы раскрыли какие-то их секреты? Было такое?

– Было. Одна, например, дальняя родственница просто обожала мою маму. Виделись они в Москве нечасто: родственница хромала и поэтому редко выходила из дома. Когда я стал ее спрашивать – как? что? почему она так тяготела к маме? откуда такое сердечное чувство? где они подружились? – она ответила, что нигде они не подружились – просто мама по дороге из Польши на Украину (когда отец ее вывозил), на один (всего лишь на один!) день остановилась в доме этой родственницы и такое произвела на нее, маленькую девочку, впечатление, что оно осталось на всю жизнь...

– Мама давно умерла?

– Да. У меня родители были пожилые. Я – поздний ребенок.

– Асар, мы с вами уже поминали Бабеля. Как получилось, что вы стали работать над мюзиклом по его произведениям – «Биндюжник и король» («Закат»)?

– Сейчас мюзиклы сочиняет каждый. А я ко многому подступался раньше других – как-то так получалось. Я, например, в свое время стал писать песни в жанре, в котором осуществились Окуджава, Высоцкий, Галич. Написал несколько и бросил...

– Когда это было?

– В старинные года! Вот когда! – как ответили бы останкинские мальчишки. И даже раньше. Такие стихотворения в виде песен. Почему я их писал, что это было? Как писать стихи, я знал и про стихотворчество понимал всё. Но эти меня озадачивали. Другое дело – сколько там было поэзии, и смог ли бы я в этих странных тогда опытах осуществить то, что полагаю поэзией? Сейчас же у меня многовато скепсиса, чтобы сказать самому себе комплимент по этому поводу.

– А Бабель? Он на вашу прозу влиял?

– Что касается бабелевского мюзикла, им я занялся в 85-м году, а два первых тома прозы закончил писать в 82-м. Однако критики нет-нет и «шьют» мне Бабеля. Созвучие «Эпель-Бабель» приводит их в экстатическое состояние. Еще «шьют» мне Шульца. Литературовед Вайскопф даже написал – Эпель, мол, был прекрасным переводчиком, но с тех пор как стал писать прозу, подражая Шульцу... И так далее. Надо быть столь авторитетным специалистом, как Вайскопф, чтобы углядеть у меня подражание Шульцу. Я ведь Шульцем занялся и стал его переводить через несколько лет после того, как написал двадцать своих рассказов. В моих первых книгах – «Травяная улица» (1994) и «Шампиньон моей жизни» (1996) – под каждым стоит дата. С 79-го по 82-й год. А к Шульцу я приступил в 87-м и напечатал «Коричные лавки» в «Иностранной литературе» в 89-м году. Так что проза Шульца никак не могла повлиять на мою. Если Бабеля я в ранней юности читал, то Шульца прочитывал непосредственно перед переводом той или другой его новеллы. Другое дело, что переводческая моя стилистика явно сродни моей писательской. Всё.

Касательно мюзикла побудительные причины были вот какие. У упомянутого режиссера Р., а также у поэта тоже Р. (оба они близкие мне люди) имелся уже знаменитый мюзикл, и они этим весьма величались. Кстати, заслуженно. А побуждением некоторых моих сочинений и выдумок часто бывало желание помешать коллегам задаваться. Такой вот непочтенный повод. Мюзикл же по Бабелю – был идеей фантастической! Однако надо было сперва разведать: приходила ли она в головы режиссеру Р. и поэту Р. (они по части идей были большие специалисты и, к счастью, такими остаются). Откройся я им, я бы наверняка услышал: «Да, мы об этом уже думали. И многое написали...» Так что были предприняты хитрейшие усилия... А потом я одним духом и одним махом написал и пьесу, и стихи. Кстати, в Риге, а всё писалось опять же в Дубултах, ни в одной библиотеке тогда не нашлось так называемого «сормовского» Бабеля, где был напечатан «Закат», и тамошний литератор Владлен Дозорцев – драматург и очень хороший человек – одолжил мне своего.

Между прочим, всех в Доме творчества интриговало: чем это я так увлеченно занят? Явно не переводами. Гуляем мы как-то с Григорием Кановичем, и я говорю: «Гриша, как тебе нравится строчка: “Жилье – берлога, а жизнь – дерюга”?» Он сразу: «Ты пишешь что-то по Бабелю». А у Бабеля такой фразы нет. Так что – интуиция.

И еще вот что. Бабель в связи с моими рассказами поминается многими людьми потому, что «про евреев» они читали у Бабеля. Однако «про евреев» писали и другие писатели, как к евреям расположенные, так и нерасположенные. Сол Беллоу, Маламуд, Шолом-Алейхем... А еще – это уже касается изобразительного ряда – многие тотчас поминают Шагала. Опять же потому, что «про евреев». Но мое Останкино – это не Витебск Шагала и не Молдаванка Бабеля. Останкино – заштатная российская слобода с заметным в некий момент еврейским населением. Моря за околицей тут, как в Одессе, нет. Украинского чернозема, как в Подолии, тоже... Шульцевская Галиция не при чем... И, значит, я тоже не при чем...

– А вам никогда не хотелось написать автобиографическую вещь – этакую «Жизнь Арсеньева»?

– А у меня нет автобиографии.

– Ну, «детство – отрочество – юность» у всех есть.

– Детство у меня препротивное. То, что я считал примечательным, использовано в рассказах. Я не лукавлю – у меня нет биографии, как у любого советского человека, если только он сам ее не создавал, не был авантюрен по натуре и не сидел по навету. А я по натуре не авантюрен и не сидел. Родился, закончил школу, поступил в институт, кое-как – с разного рода безалаберностями – проучился в институте, женился, семейная жизнь складывалась сложновато: мы жили в разных городах семь лет, семь лет строили кооперативный дом... Поступил в Союз писателей... Зарабатывал деньги журналистикой и переводами, хотя переводами занимался всерьез (до сих пор считаю переводное дело одним из самых интересных и сложных литературных занятий). Что же касается автобиографии, то в автобиографическом тексте пластических достоинств, какие достижимы в рассказе, добиться вряд ли возможно.

Как вы, кстати, полагаете, сколько у Бабеля «бандитских» рассказов в известном нам изводе?

Ἡ Ἀσπὶς εἶναι Ἡεῖν ἰσῆ-αἰ (ἡεῖα) ἐ Ἀσπὶς οὐεῖν Ἀσπὶς εῖναι (ἡεῖα) ἰὰ Ἀσπὶς οὐεῖν ἰσῆ-αἰ

– Не знаю. Рассказов двадцать?

– Четыре. Похоже, он опасался самоповторений. Хотя Антонина Николаевна Пирожкова, вдова, сказала мне, что можно только гадать, что у Бабеля конфисковано при аресте... Так или иначе, при его жизни были известны четыре рассказа: «Король», «Как это делалось в Одессе», «Любка Казак», «Отец» и пьеса «Закат». Всё!

– Наверное, они такие насыщенные, что кажется – написано больше...

– Насчет насыщенности и яркости приема вы правы. Но дело, вероятно, и в другом. Они – баллады. На территории четырех повествований Бенья женится на двух женщинах, а Двойра, сестра Бени, дважды выходит замуж...

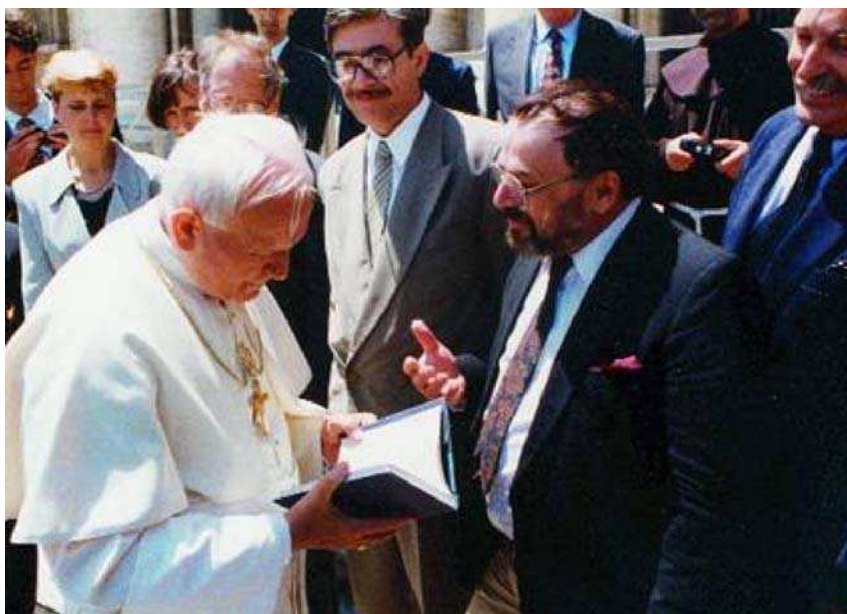
Однако вернусь к вопросу, почему – рассказы. Когда есть время, можно писать вещи длинные и обстоятельные... Я же бегун на короткие дистанции. Я не стайер – это другое литературное дыхание. И еще, оттого что я в той или иной форме занимался поэзией, выработалась привычка к компактности... Короткое замыкание, которое происходит в стихотворении, оно, соответственно, если можно так выразиться, «многообразясь», остается коротким замыканием и на территории рассказа.

– Однажды в одном из них вы себя назвали «своевольным автором» – дескать, «я ведь могу повернуть куда хочу». Всегда ли вы это ощущаете, выстраивая сюжет, и бывает ли, что план рассказа сначала таков, а потом сюжет сворачивает в неожиданную сторону?

– Бывает. В Дубултах я обычно работал до часу дня, а потом с кем-нибудь из коллег шел гулять к морю. В какой-то из дней я заканчивал «Одинокую душу Семена» – оставалось максимум минут пятнадцать, чтобы начерно записать придуманную концовку. А из вестибюля все время звонят по внутреннему телефону Солонович с Азерниковым, с которыми я собрался гулять: «Ну ты, Толстой... Давай выходи!» – и тут я написал совершенно неожиданное ужасно грустное завершение, которое так меня расстроило, что со мной случилось что-то вроде истерики. Коллеги звонят, а я не могу подойти к телефону. Пришлось умыться холодной водой и выходить в темных очках. И сейчас, когда этот рассказ читаю, мне как-то не по себе.

– В последнее время в вашей прозе возник такой прием – в художественном, вымышленном тексте вдруг без всяких объяснений возникает конкретный, реальный персонаж: раз – Андрей Сергеев, два – Герман Плисецкий...

– Что ж. Они оба для меня реальны. Даже для вымысла. Если раньше я удивлялся, что сочиняется что-то аморфное и, как мне казалось, не относящееся к понятию «рассказ», то теперь я чувствую себя куда вольней и решительней. Я – свободен. Почему Андрей Сергеев? Вроде бы и абзац лишний и легко изымается. То же самое Герман Плисецкий. А ведь это ориентиры для самого меня – участники того, что возникает по ходу работы.

Ἰὰ ἀσέει ὅσῃ ὁ δὲι πῆγᾱ ἰ ἀδᾱπῆυτᾱί ἰ εἶᾱ Ἰ αἰ ᾱ δᾱξῆυαἰ ἁμῶ εἰ εἶᾱ ἡτῆ ὅ ἰ ὀτῆ σᾱμᾱί εἶ, ἰ ἀδᾱπῆυτᾱί ἰ ὁ ἰ ᾱ δᾱπῆεἶ.

– Я у вас вижу сыновье следование традициям и интонациям Андрея Платонова. Или мне оно мерещится? Слушайте, например: «Несмотря на то, что отец фактически ушел из жизненного устройства, все продолжали жить, принимая во внимание его обязательное присутствие в домашнем бытовании...» Это ваше, но как близко к платоновской прозе!

– Ну уж! Хотите рассекречу платоновскую стилистику? Испорчу чтение Платонова?

– **Хочу. Не испортите – восстановлюсь.**

– У Платонова фраза по преимуществу двухчастна. Между левой и правой частями явный водораздел. Слева – обычный литературный язык, справа – личная платоновская речь. Допустим (я не цитирую, а примерно импровизирую), так: «Пухов шел по улице, – и (идет вторая часть фразы, внимание!) тяжелое вещество воздуха упрямо упиралось в него...» Так сделано у Платонова почти всё. Похоже по конструкции на силлабический тринадцатисложник с неперменной цезурой...

В приведенном же вами примере у меня безусловное алиби: в нем есть лексика платоновского типа (а почему ей не быть – она ведь победительно вошла в языковую стихию), но нет структуры его фразы. Кстати, Юрий Ряшенцев нашел-таки у меня кое-что «бабелевское»: «Она стаскивала с себя пыльное платье дня, чтобы облачиться в заплатанную пузырями рубаху ночи». И был прав. Это в рассказе «На траве дрова».

– **А мне кажется, что это не Бабель, что тут – поэзия, стихотворный ритм... Кстати, расскажите о своих отношениях с Бродским, вы его хорошо знали?**

– Я его знал долго. Другьями мы не были. Приятелями тоже. Так – давними знакомцами. Но я всегда знал, что Бродскому суждена Нобелевская премия. Это чувствовалось по его руке сразу. Мы, переводчики, неплохо были осведомлены в мировой поэзии, и нам было нетрудно сориентироваться – что и как. Увидел я Бродского впервые, когда ему было восемнадцать или девятнадцать лет. Совершенно случайно. В 1959 году. Я подвизался тогда в кино – нанялся в киностудию московской студии имени Горького, которая снимала в Ленинграде, куда мне была необходимость приезжать по сердечным делам. А еще я пописывал в «Неделе», которая только что возникла и поражала всех новизной и необычностью. Писал о чудаках-коллекционерах. Это сейчас – все коллекционеры всего, а тогда я обнаружил в Питере коллекционера оловянных солдатиков и самоваров. Коллекционировать самовары и солдатиков было в то время то же самое, как сейчас коллекционировать зубные порошки или сумасшедшие дома. Самовары встречались во множестве на всех помойках.

От «Известий» мне придали фотокорреспондента. Звали его Александр Иванович Бродский. Я пришел знакомиться, а он, видя, что я такой молодой и уже – корреспондент «Недели», тихо так сказал, что у него сын тоже немного пописывает. В это время по заднему фону квартиры прошел худенький, рыжий, явно смущавшийся мальчик. И тут я вспоминаю, что в Москве Морис Ваксмахер (а Морис тогда казался мне небожителем) говорил, что в Ленинграде есть молодой поэт Бродский, которого очень хвалит Ахматова. Так что, явно к радости отца, я сообщил: «А я о вашем сыне уже наслышан»...

Ἰὰ εἰεαίτε ῥῆ ἀδὰ ἀτ Ὀδαί εὐοὐδὰ

– **А потом?**

– Потом были у меня с необыкновенным этим поэтом лестные совпадения. Например, такое: в последнем, подписанном Твардовским номере «Нового мира» были напечатаны превосходные стихи Величанского: «...Ведь время не сахар и сердце не лед,/ И снежная баба за водкой идет». Захожу я во двор большого Союза писателей – на каком-то пеньке возле «Юности» сидит Бродский и безо всякого «здрасьте!» говорит: «Асар, наконец я нашел в Москве хорошего поэта». Не успел я рта раскрыть – уж не Величанский ли это, а он мне: «Величанский». И еще похожая история. Прочитал я в полном восхищении набоковский «Дар». Захожу в нижний буфет ЦДЛ. Сидит Бродский. И опять ни здрастьте, ни до свиданья: «Асар, я прочел лучшую русскую книгу». Я собираюсь спросить, уж не «Дар» ли, а он: «“Дар” Набокова».

– **Вам не кажется, что Бродский – залюбленный гений?..**

– Что гений – кажется, а что залюбленный – заслуженно. Я-то его полюбил, когда он был не залюбленный. А вот, скажем, Липкин... А Липкин вообще был человек, неколебимый в оценках... Так вот. Жил я в Коктебеле, когда там был Семен Израилевич. Я относился к нему с трепетным почтением – впрочем, и сейчас отношусь с не меньшим, – но тогда я слово лишнее боялся сказать. И я ему осторожно так признаюсь, что Бродский, по-моему, необыкновенный поэт. А он мне: «Знаете... Я от многих это слышал. Я, – говорит, – с ним встречался в больнице у Ахматовой... И знаете ли...» К его чести, он там же, в Коктебеле, достал ворох самопечатных стихотворений Бродского, а потом наставил меня в следующем: «Видите ли, я разделил для себя поэзию на девять разрядов». Я: «Почему девять?» Он: «Почему-то получается девять, если следовать составу большой серии “Библиотеки поэта”. Попробуйте, и у вас получится тоже девять. Так вот, в первом разряде у меня только Пушкин». Я с ним соглашаюсь. «А во втором у вас кто?» Я говорю: «Баратынский, Тютчев, Лермонтов, Мандельштам». Он: «У меня то же самое, только у меня еще Некрасов, и, хотя мы с вами во многом не совпадем, но девять разрядов получится обязательно, и когда мы дойдем до девятого, то увидим, что там и Заболоцкий, и Бальмонт, и Брюсов...» (Не помню, кого он еще назвал...) «И, знаете, – продолжает Липкин, – Бродский в девятом разряде уже тоже»... Кстати, первую книгу Липкина, вышедшую через сколько-то лет за границей, напутствовал и предварил предисловием Бродский...

– **Кто еще в литературе оставил в вашей жизни след, а может быть, и повлиял на вас?**

– Влиявших вроде бы не было. Побуждавшие были.

– **И учителей не было?**

– Как же! Были! Левик, Шервинский, Аркадий Штейнберг. Последний акмеист Зенкевич. Не сочтите за похвальбу, но характеристики мне в Союз писателей дали Левик, Зенкевич и Тарковский.

– **Хорошая компания.**

– У меня были замечательные наставники.

– **А они с вами занимались как учителя или вы просто разговаривали?**

– И занимались, и разговаривали. И не только со мной. С нами всеми. Штейнберг, вообще, был человек компанейский, свой. Как ровесник. Как-то я к нему обращаюсь: «Аркадий Акимыч, не могу на два слога найти эпитет в падеже!» А он: «И не найдете! Односложное прилагательное, которое в парадигме станет двусложным, имеется только одно – “злой”. Других нет»... Вот так. Кстати, отсюда гениально у Высоцкого: «Что там ангелы поют такими злыми голосами?» И другого эпитета быть не может. И сама собой получилась потрясающая строка.

– **Сами вы занимаетесь преподавательской работой?**

– Некоторым образом...

С братом Давидом Эппелем (слева), женой Региной и приехавшим из Америки Николаем Мостовым, запечатлевшим когда-то 5-й Новоостанкинский (смотри картинку).

– Можно ли научить чему-нибудь в литературе?

– Можно отучить. Например, избегать трюизмов, общих мест, банальностей. Скажем: «Звонок телефона произвел впечатление разорвавшейся бомбы». Сколько людей использовали в своих сочинениях эту чушь! Страшно подумать! Сейчас я веду литературный семинар под названием «Молодой ковчег».

– Вы говорите с участниками семинара о переводческой работе?

– Говорю обо всем – и о стихах, и о прозе, и о переводах. И о драматургии. Народ от среднего до высокого среднего уровня... Заглянул однажды один сложившийся поэт. Аркадий Штыпель. Подарил превосходную книжку. Есть и еще несколько многообещающих. В последнее время приходят студенты Литературного института...

– Мне кажется, вы должны любить Пастернака...

– И люблю, и, конечно, изумляюсь его мастерству. Совершенно безграничному. И навсегда поражен его обликом. Когда я впервые увидел фотографию Пастернака в синем томе Большой библиотеки поэта, я даже оторопел, совершенно не предполагая, что бывают такие лица. И еще поражен его стихами в «Докторе Живаго». Ранние стихи Пастернака не менее великолепны. В них поразительна мощная мускулатура. Впрочем, у многих поэтов того времени она поражает – скажем, у Цветаевой, Клюева, того же Зенкевича. А уж у Маяковского! Однако есть для меня в тогдашних стихах Пастернака некоторая вербальная чрезмерность. Хотя говорить так вне контекста времени и тогдашних поэтических ристалищ – не следует.

– Вас не удивляет, что Пастернак отдал свои гениальные поздние стихи – герою?

– Меня скорее удивляет, что стихи отданы или, если хотите, «приданы» роману.

– А не может быть, что автор подарил герою и роману лучшее, что у него было, – стихи, – чтобы укрепить прозу?

– Пастернак был своим романом вполне доволен. И не полагал стихи «скорой помощью». Опять же, мне не пристало даже сидеть на краешке пастернаковской тахты, но я, представьте себе, тоже вознамерился было «придать» стихи «Травяной улице», а потом решил, что нет, не буду этого делать.

Почему? Не знаю. Очевидно, сработал внутренний регулятор... И еще я не сделал этого – не прикрепил их к прозе, потому что понимал, что это плагиат пастернаковской композиции. А вообще-то, герою дарится многое – и коллизии собственной жизни, и даже собственное имя. Достоевский, например, назвал самого, пожалуй, мерзкого своего персонажа Федором. Федор Карамазов. А еще у него есть Федька-каторжник. Каждый раз, записывая «Федор Карамазов», он же не забывал, что это – и его собственное имя. Пастернаковский же роман я недавно перечитывал. И, надо сказать, не всем в нем убежден. Конечно, сама судьба романа и автора – трагедийна и величественна. Но Пастернак был, по-моему, поэтическим инструментом. Хотя «Детство Люверс»... «Апеллесова черта»...

– Кто вам нравится из современных писателей? Знаю, что Петрушевская...

– Еще Горенштейн. В свое время Саша Соколов. Петрушевская – безусловно. Кабаков. Еще есть замечательный писатель – Анатолий Гаврилов, он во Владимире живет. Превосходен Бакин, но он появился и куда-то исчез. Довлатов...

Я бываю страшно рад чужой удачной книге. Увы, большинство современных текстов полны пустот. Я бы даже сказал, что поэзия у нас в лучшем состоянии. Хотя и проза есть превосходная... Наконец-то русская литература занимается фактурой и веществом текста. До этого она больше учительствовала или была отвлеченной и не «мирской», как в начале XX века. Другое дело, что словесность попала в капкан массовой культуры, в каковом она никогда не бывала...

Вот у вас, Таня, книжка на тумбочке – Юрий Коваль. Поразительный писатель. У меня с ним связана замечательная история. Однажды он мне говорит (опять же в Дубултах): «Я, как вы знаете, собираю всякий писательский сор: черновики, исписанные бумажки, рисуночки, квитанции. Словом, составляю такие альбомы не альбомы... и сейчас, – говорит он, – приступил к очередному под названием “Праздник белого верблюда”. Тарковский, Ахмадулина, Битов у меня уже есть... Сочините и вы что-нибудь...» Сами понимаете – соседство лестное, и я взялся сочинять. Писал-писал (Тарковский! Ахмадулина! – старался ужасно), рисуночки сделал – верблюд, возлежащий в пустыне в виде светильника... И сочинил, по-моему, то, что надо: «Ночью тьму в пустыне Гоби,/ Черную, как фрак во гробе,/ Тот берется одолеть,/ Кто рожден во тьме белеть.../ Эта гордая причуда – (Сноска: Веры свет в потемках блуда.)/ – Праздник белого верблюда».

– Блеск. А Ковалю понравилось?

– Коваль сказал: «Асар! Я вас обманул – в этом альбоме вы первый».

Ἡ Αὐτὴ ἐστὶ Ἰ ἀδελφὴ Ἀλέξανδρου, ἡ ἀδελφὴ ἐστὶ ἰὰ ἐὸ ἀεὶ ἰππεύει «Ὀδῶν ἰφ ὀρέου», ἐ εἰθεῖ ἐ ἰ σίε.

– **О, провокатор... Кажется, у Ковалю-художника был ваш портрет?**

– Да. Я на нем изображен в большой такой папахе. Жена мне тогда решила купить папаху. Кроме позирования, я папахой больше не воспользовался. А еще у меня есть Юрина кассета, записанная в вечера парада планет: он замечательно поет свои замечательные песни, аккомпанируя себе на гитаре.

– **Асар, а вы дневник ведете?**

– Никаких дневников. К сожалению. У меня для ведения дневников была неустроенная жизнь. И до сих пор так.

– **А мемуары?**

– Не пишу и не собираюсь.

– **Почему?**

– О чем? И времени нет.

– **Это всё отговорки!**

– Ничуть! У меня есть статейка про тюленя в зоопарке, плававшего подо льдом, тогда как публика хотела, чтобы он вылез из полыньи. Когда же он, наконец, вылез погреться на островок, все стали кидать в него ледышки, ишь, мол, разлежся!.. Плавай давай! Уныривай! Приблизительно то же самое со мной. У меня почти не бывает двух похожих друг на друга дней, так необходимых для спокойной работы, в том числе для мемуаров и дневников...

Вильгельм Вениаминович Левик – я о нем уже говорил – любимый мой наставник. Мы с женой все время собирались пригласить его в гости, никак руки не доходили. Один раз я по некоторому поводу на него обиделся, и он хотел со мной объясниться. Случайно встретились в ЦДЛ. Я захал купить в ресторане батон. Он говорит: «Я хочу объяснить вам...» А я ему: «Вильгельм Вениаминович, меня в машине ждут – я за батонем приехал...» А он: «Но я же...» Так его и не выслушав, я побежал к машине... А в ночь того же дня он умер. И в гостях у нас не побывал...

Я маюсь, оттого что всегда куда-то спешу или что-то делаю в спешке. Одно обязательно налезает на другое. У жены в театре на собрании по поводу репертуара один выступающий сказал: «Опять “Спартак” налез на “Гаяне”»... Вот и у меня то же самое...

– **Неужели и впрямь всё так сумбурно и торопливо на самом деле?**

– Да, так жизнь сложилась... Отец умер, мама тяжело умирала, мама жены – удивительная женщина – умерла, брата не стало... Это же больницы, уход, переживания, принятие роковых решений. А тут еще и писать надо. У меня есть машина. Машине шестнадцать лет. Вы не поверите: она прошла тридцать с небольшим тысяч километров – столько, сколько обычный горожанин наезжает за одно лето. Обретается она около дома под небесами и, конечно, заржавела. В прошлом году я решил привести ее в порядок. Истратил на это девятьсот долларов. Перекрасил ее, заменил разные детали, привез, поставил... и с тех пор ни разу на ней не ездил. Некогда подойти, разогреть, подлить чего надо... Так живу.

– **Но все-таки вы ухитрились написать замечательные книжки рассказов.**

– За эпитет спасибо! Что-то сделать, конечно, удастся. Каждый день работаю.

– **И с мемуарами бы получилось. Уже то, что вы мне рассказали про Бродского и его отца или про Ковалю, – мемуары.**

– О да! «Былое и думы»!

– Именно: былое и думы о нем. А скажите, нужна ли писателю, на ваш взгляд, профессиональная среда, литературный быт, разговоры с коллегами – или плодотворнее творческое одиночество?

– Разумеется, нужна. Особенно молодому – и желательна высокой пробы. Это суета, которая должна быть неразлучна с пылкостью. Женщины ведь ходят по всяким модисткам и распродажам?.. Это же интересно. Человек искусства – он в каком-то смысле сепарируется от рода человеческого. И есть три формы существования: самоизоляция, общение с себе подобными и общение с себе не подобными.

– У вас недавно вышла в издательстве «БСГ-пресс» книга эссе. Изумительная. Что вы в нее внутренне вложили?

– Опять же спасибо за эпитет. Книга далась канителью. Предыдущая издательница два года ее мариновала (это издательство «Независимой газеты»). И я оттуда рукопись забрал.

– Она расстроилась?

– Она удивилась такому, по ее мнению, капризу. Но два года – это же безобразие! У меня нет запасной жизни... Она потеряла выданный мне небольшой аванс, а я – два года. И тут издатель Александр Гантман мои статьи и эссе издать решил. Мы с ним до этого сотрудничали на двух очень примечательных книгах – Шульца и Зингера... Кстати, последнего я перевел с идиша. Такое впечатление, что по этой части я на российской территории последний из могикан и за мной дверь закрывается. Пока еще есть люди, знающие идиш, но литераторов меж них не наблюдается. А возможно, я ошибаюсь.

– Вы кто по знаку зодиака?

– Козерог. Моя жена Регина – Дева. Полнейшая, как видите, гармония. В свое время, когда знаками зодиака никто не интересовался, я сочинил такое стихотворение:

Í à yòíé èè çàì éá èèè á áðúáé þáíéè
Ñááý í áðúáíéáé, ñááý í ðáí áíéáé,
Áíñò ðááóé áíéáá ñáíáé çàèíí í íé áíéè,
È Çíáéáé ò áíé áóááò Áí áíéáé.
Ñò ðí ááé áí úá:éè è áíñò ðé ñò àí áíéè,
Çà ááðúáíì ò áíéì, í íá ááðúáíì ò áíéì
Ñò íéò è ò áíé ýí ááðúéýýí áò í í-áðáí áéíéè
Èí ðé: í áááò úé í áò ðé áðð ðúáéì .
Á ò ú í á óí úááé è áíñò ðá:è ñí í áéá:áì è
Í á í áé ááé áþ æéçíý á í éí ðéé í á ñ í ò ðé,
Í è ðé ñò è ðé, áéýé è í ù óí áé í éá:áì è
Í í ááéè áí çáóá, í í ñé í éúéó ò ú áí óò ðé.

Оказалось, что в астрологии Рувим соответствует то ли Водолею, то ли Козерогу (Водолей идет сразу за Козерогом) – с каждым знаком соотносятся определенные металлы, драгоценные камни, патриархи... А я, не имея тогда об этом ни малейшего понятия, назвал именно Рувима...

Почему так получилось?

ИГРА ИДЕЙ

(*Εἶς ὁ ἔννοί εἰς ὅλην ἅψιν*)

Ἀδελφεὶ Ἐδάρει κτεεῖτα

*Ἄδελφε ἀγαθὲ ἰσχυρὰ ἀγαθὰ ἰσχυραῖς ἰσχυρὰ εἶναι, ἀποκαταστήσει γὰρ
ἰσχυραῖς ἰσχυρὰ ἀγαθὰ ἀγαθὰ - ἰσχυρὰ ἰσχυρὰ ἰσχυρὰ. Ἄγαθου ἐπὶ ἰσχυρὰ
ἰσχυρὰ ἀγαθὰ ἰσχυρὰ εἶναι, πείθει δὲ ἐπὶ ἀγαθου ἀγαθου ἰσχυρὰ εἶναι».*

28 ἰσχυρὰ 1899 ἀγαθὰ

וְאֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

אֵלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Мне уже не под силу испортить отношения с Львом Николаевичем. Его давно нет на свете, а я еще жив. Пока, разумеется. Так что можно и поговорить. Нет большего наслаждения, чем неспешная беседа с мудрым собеседником. Когда читаешь прозу Толстого – не до разговоров. Наслаждаешься силой, красотой, неотразимостью текста – вот и все. Дневники, записные книжки – совсем другое дело. Для разговора они годятся, для рассудительного спора, для пробы самого себя и полезного занятия – сравнения времен. И, прежде всего, для упомянутой игры идей.

Дозволена ли такая игра в беседе – споре с классиком? А почему бы и нет? Вот знаменитый хасид рабби Нахман утверждал: «В мире есть две ложные идеи. Первая – будто праведник не может ошибаться, вторая – будто, совершая ошибку, он теряет величие».

Если уж о праведнике можно помыслить такое, значит, и грешный человек, пусть и гениальный писатель, способен ошибаться, не теряя своего величия.

А вот еще одно замечание рабби Нахмана: «Мне нужны люди, спорящие со мной. Это позволяет мне расти – я все время меняюсь. Если бы я подумал, что сейчас нахожусь там, где был раньше, я бы не захотел жить в этом мире».

Помню один смешной случай. Давным-давно это было. Ехал с работы в трамвае. Сидел передо мной некто подвыпивший, запах перегара чувствовался даже из-за спины. Работяга, видно. Вдруг он обернулся, увидел меня и сказал равнодушно:

– А, это ты.

Я не стал отзываться. Мало что человек во хмелю бормочет. Минут через пять он снова обернулся, зевнул и пробормотал:

– Опять ты.

Ничего я ему не ответил, но через минуту бухарик снова уставился на меня.

– Ты?!

– Ну я. – На этот раз не выдержал.

– И зря, – сказал малый и больше уже не оборачивался.

Кого он хотел увидеть позади себя, не знаю, но убежден: не одну и ту же физиономию. Значит, было в том русском парне что-то от хасида.

Правнук Бешта, рабби Нахман, ненавидел скуку и больше всего на свете страшился банальности повторений. Он говорил: «Ангелы, возносящие хвалу Г-споду, никогда не остаются теми же. Г-сподь изменяет их каждый день. Кто повторяется, повторяет себя, отдаляется от Б-га и неугоден Ему».

Сознаю, что моя беседа с классиком – бегство от скуки рутинных дел, от повторения своих же горестных, почерпнутых в книгах заблуждений.

Итак, Лев Николаевич Толстой. Передо мной фантастическое издание. Книга эта вышла в начале самого страшного года в истории СССР, в январе 1953-го. Конечно, самого страшного не для всех. Но для евреев, оставшихся в живых после Холокоста, – это уж точно. Впрочем, продлись царствование генералиссимуса еще несколько лет, – неизвестно, что еще натворил бы он и с другими народами советской империи.

Так вот, 53-й том собрания сочинений Л. Толстого, вышедший в зловещем 53-м, оказался, вполне возможно, единственным неподцензурным изданием тех времен, наполненным ярой антисоветчиной. Любой смертный, посмеявшийся тогда сказать даже тысячную долю того, о чем написал Толстой, был бы немедленно приговорен к «высшей мере пролетарской защиты». Но вот она – бессмертная сила гения. Тексты «зеркала русской революции» никто не посмел тронуть.

В топках, на кострах, облитые бензином горели книги «врагов народа», в высшей степени лояльно относившихся к советскому режиму. А вот рукописи Толстого целы. Они могли сгнить в архивах, лежать мертвым грузом, но Лев Николаевич оказался сильнее Иосифа Виссарионовича. Дневники и записные книжки Толстого вышли из печати. Небольшим по тем временам тиражом в 5 тысяч экземпляров, но – вышли. Благодаря чему теперь появилась возможность поговорить с Львом Николаевичем. А почему бы и нет – спрошу я еще раз? Писатель бюрократа из себя не корчил. Принимал в Ясной Поляне каждого, кто хотел его видеть. И не только принимал, но и полюбить гостя стремился. Не всегда, правда, контакт оказывался удачным, но это понятно.

Баал-Шем-Тов (Бешт) был согласен с Львом Николаевичем. И сказал – задолго до появления на свет классика мировой литературы: «Хасид должен уметь слушать. Слушать – значит, получать. А еврей, не умеющий или не желающий получать, – это не еврей. Наш народ стал таким, каков он есть, потому что умел слушать и умел получать».

Итак, слушаем Толстого:

«А́еуау́ іа о́і, ±о́і а́а́аао́іу́ а́і а́іа́о́ іа́а́іа́еу́о́, іа́ о́і, ±о́і а́а́аао́іу́ іа́ іа́а́о́а́ і́і́а́іа́і́ а́і́ і́ і́дее́±е́у́і́ е́ е́ а́а́іа́іа́і́еу́і́ е́, і́ і́а́ і́і́д́а́е́о́а́еу́і́ і́у́і́ а́ і́а́а́а́, е́а́а́а́о́іу́, і́е́і́а́а́ а́іа́ і́а́ і́дее́і́а́е́а́о́у́ і́ і́а́ і́у́і́еу́, ±о́і́ е́о́±а́е́, о́і́е́і́і́е́, і́а́а́а́і́а́і́ а́а́а́а́о́іу́ о́і́еу́і́ е́і́. А́іа́о́і́ а́а́а́а́о́іу́ е́а́а́а́і́ і́о́а́а́еу́і́ і́і́±а́і́а́і́і́ і́і́о́і́і́у́».

15 о́а́а́а́а́еу́ 1895 а́і́а́а́

Какой, к чертям, Нострадамус с его прогнозами! Написал все это Толстой как раз накануне безумного «века толп», века победы зла, а не победы над злом, как думают некоторые.

Лев Николаевич дожил до феномена кинематографа, однако до телевидения не дотянул, а то бы увидел на экране эти самые «кучи» обезумевших людей у подножий тронов правителей, увидел, как они толпятся на улицах и площадях, – при полном бессилии «отдельного человека». Мало того, при подозрительном исчезновении этой категории рода людского вообще.

«Отдельные люди» – хасиды – предвидели наступление подобных времен много раньше, чем великий писатель. Впрочем, они и свои времена не считали лучезарными. Хасид Менахем-Мендл говорил так: «Написано: оглядел Б-г свое творение и нашел, что оно весьма хорошо. Я этого не нахожу. Я разборчивее и требовательнее Его. С существующим миром мне нечего делать – разве что плюнуть на него... Мир этот не заслуживает даже стоны».

Оговорка Менахем-Мендла любопытна. Хасид может быть искренним в гневе, но стонать от отчаяния он не имеет права.

Был у меня один знакомый – очень сердитый человек. Как-то неприязненно и громко он реагировал на любое замечание. Да что там замечание – обычную реплику собеседника встречал в штыки. Криком разговаривал с домашними.

– Боря, – спрашивала его жена, – обедать будешь?

– Да ставь наконец! – орал мой приятель.

Спросил его однажды: «Чего ты орешь все время да сердись без причины?»

Он подумал, потом ответил негромко и спокойно: «Это чтобы не стонать и не плакать».

Судя по всему, в сердитом Борисе тоже было что-то от хасидов.

Толстой:

«Эрбає пò адаòæиїї п̄уæò п̄ау оає, ÷огаї гаєї ÷æгаæ ì п̄ææòòè è è аїї è, иїоїї ааааòò ìò уòтè п̄агає п̄уçаїїтè оїтїу іоаааòò èїò иїгаєї. È æææуòиї, ÷ої èї аоїї. Оаææòæиїтè іаї аї. Эрбає п̄æа-æаарòиї, п̄уçааарòиї п̄аї è п̄аїр іага іїаї іпòиїр æу çаиèòò. Ії иїаї іпòè іаò іææтè, è иїè іòгагæаарò п̄уçааòò п̄ау, è іòаарòиї а оæè оаа, èїòїòга оїòуò æааòаїаòò».

17 èрëу 1898 аїа

Все верно, Лев Николаевич, только веревку люди отдают в руки не только «кому попало», – чаще всего отдают самым гнусным, подлым и безумным представителям человеческого рода... Так, в сердцах, бичуя политиков, вспомнил я о демонах XX века.

Но хасиды, хасиды! Сколько покорности обстоятельствам, но в то же время отчаянной смелости мысли! Говорит Леви-Ицхок Бердичевский: «Я не спрашиваю, зачем нас преследуют и уничтожают везде и всюду, под любым предлогом, но я, по меньшей мере, хотел бы знать, для Тебя ли все наши страдания?»

Не только о евреях задан этот вопрос вопросов – обо всем человечестве, истерзанном теми, в чьих руках оказывается веревка.

От политики перейдем, как и положено, к экономике. Снова слушаем Толстого.

«Іїї-а ааæ ì èїї Ææу è аої æ: п̄ ì æиї èæтèòæиї іааїаїї іææтè іааїòæуòæа çаї аїтїоа èæтèòæ, оаї аїаїаїа: ì аїтїоа ðаїп̄гага Ії èç уòга іææè іа п̄æааòò, ÷огаї, иї І аòтї, èæтèòæèç іòæаè è п̄òææèç а Ігаæòè, иї è іòæааòò, иї оїтїтè è іап̄тїòааїїї а ðааї-èа аааò аїїæаїї ðааїòаòиї аї аїòа, è ðааїòаòиї аааòò ì аїтїоа, è іæаòà аааò аїтїоа, иї аааò ої æа ðааїòаї. Іааї, ÷огаї èрбає п̄агагаїї ðааїòæè п̄гага, аїò-èèèиї ðааїòаòиї аòа іа аòаа, а èæтèòæèç іа іаò-ааò èò уòїї а Іаїòгòèа, іаò-ааò èò çаæпòè, æааї іпòè – уагèç а È иїòїò èç іап̄тїòааїїїа п̄гагагагèу ÷ага èæтèòæèç иїæаò óò-èèòиї іаòаèæиїга

Итїѣаіеа даіі-еѳ, іі іеѳе іа ііѳаѳ оіоаііѳеѳіі еѳ аііѳеііоаі. Аііѳеііоаі ііѳаѳ оіоаііѳеѳіі оіѳеіі і-аѳѳ ііаііаііа іііаііаіеа даіі-еѳ. А ѳеіі іоііа іѳеіі о-еѳііі іаіаѳііі, іѳаііоаі іі ііаѳѳаііоаііѳаѳіі - іѳіоіі ііѳеѳеѳіі аѳѳеі, іа іѳеѳаііі іа оі, і-оі іа аііѳа-ѳаѳіі аііѳі аіѳеі. А о-еѳііі іоіі оі іѳеіі іеѳе іа іѳе еаіѳеѳеііѳе-аіѳі, ііѳаіі іаѳѳеіі іі оіоѳеііѳаѳ а іѳе ііаѳѳаіі іі аѳѳіі».

15 ѳаѳѳаіі 1895 аііа

Каком устройстве? Не знал, судя по всему, классик. И мы не знаем. Вот попробовали двинуться к коммунизму, ничего из этого не вышло. Капитализм, как и во времена классика, тоже не способствует улучшению рода человеческого.

Ныне страны ислама пробуют перестроить мир, сделать его послушным религиозному фанатизму, но и эта революция приведет, да и приводит, к одной лишь крови и страданиям людским.

«Аііѳе аіі аіаѳа ііѳе-еѳііі оіі, і-оі іѳаііѳаііѳаѳаѳ І аѳѳі, оі ііѳе-еѳііі аіі оіѳеіі оіі, і-оі аііі іѳеѳі іаѳіі аііѳеііі аіі. Оі аіаііѳаііѳеіі еаіѳеѳеііѳе, а оіі аііѳо аіаііѳаѳоіі даіі іѳѳаѳеѳеѳе даіі-еѳ... Аіаіі аіі іаііѳаіі аііііѳоіі, іѳеѳеѳаѳ ѳаііѳе І аѳѳі а іѳаіі іѳеііѳаііѳе і оіі, і-оі еаіѳеѳаѳ іаѳѳеііѳе еѳ ѳе і-аііѳііѳеѳе а ѳеіі іѳаѳѳеѳеііѳаѳа, а іѳ іѳаѳѳеѳеііѳаѳа, іѳаііѳаѳѳііѳаіі іаѳіі, а ѳеіі даіі-еѳ. Іѳаѳѳеѳеііѳаѳ іа іѳаііѳаѳѳаѳ іаѳіі, а аііѳі ѳа аііѳаііѳа еѳаѳе, еі аііѳеѳа аіаііѳа іаііѳеііѳеіі ѳаѳе-іііа іѳе еаіѳеѳеііѳе іа іѳе-аііѳе ііаііѳаііѳеііѳеіі е».

3 аіііѳоа 1898 аііа

Напомню, опубликована сия крамола за месяц до кончины «кремлевского диктатора». Впрочем, ужасы тоталитаризма и в голову не могли прийти Льву Николаевичу, и слова «бюрократия» ни разу не встретил я в дневниках Толстого, но именно об этом монстре он и пишет. Что же касается капиталистов, то здесь хасиды высказали любопытную точку зрения на проблему неравенства. Преемник Бешта, Межеричский Магид, сказал как-то одному аскету из богатых: «Я приказываю тебе есть булки и пирожные, а также пить сладкое вино. Видишь ли, если ты будешь довольствоваться черным хлебом и водой, то придешь к выводу, что бедняк может жить, питаясь камнями и росой. Но если ты будешь есть пирожные, то дашь беднякам хлеб».

Человеческий фактор! Без учета этого упрямого «фактора» не обходится ни одно размышление хасида. И как противен революционной патетике этот внимательный «учет» жестоковийности рода людского.

Слушаю израильское радио. Комментатор не без злорадства и зависти приводит цифры фантастических зарплат некоторых граждан еврейского государства. Намек понимает каждый: забрать и поделить! Но как только богач начинает питаться хлебом, бедняку достаются одни камни. Опыт Октябрьской революции только подтвердил мудрость Магида.

«Аііѳѳаѳііѳоіі ііѳеѳеііѳе іа, еѳаіаѳеііа е даііѳѳеіііаѳіа іѳі ііііѳѳеіі аііііѳеѳеііѳаѳоіі іаііѳаѳѳеііѳаѳоіі аіаііѳаѳоіі аіаііѳаѳоіі аіаііѳаѳоіі, аііѳаѳѳаіі аіаііѳаѳоіі іа іаѳіі е ііѳѳі. А аііѳі іѳеі іѳаіі, еіѳіѳѳе іѳѳеѳаііѳаѳ аіі, аііѳе іі ѳаѳе, - іѳі аііѳаііѳе і іѳа а аіаііѳаіі, а іаѳіііаіі - даііѳаѳіі».

26 еѳіі 1899 аііа

Í èèíèæé Áá Ĩ íðòðàò È. Í. Õíèíòíã çà ðàáíòíé.

Все верно насчет социалистов, либералов и революционеров, только не дожил Лев Николаевич до наших времен, когда и религию люди умудрились приспособить для дела разрушения и смерти. Нет в дневниках Толстого слов «фанатизм» и «террор». Но вот Менахем-Менди из Коцка считал, что человек может опьяняться Б-гом, может принести ему в дар свою душу и разум, может впасть в безумие в Б-ге и для Б-га. «Безумие в Б-ге и для Б-га» – вот четкое определение современного исламского террора, данное мудрецом из Коцка 200 лет назад.

Есть еще одна особенность хасидского мышления. Во всем виноваты люди, считал Лев Толстой. Хасиды, помня, что человек – творение Б-жье, напрямую обвиняли Создателя в несовершенстве рода людского. Хасиды защищали человека от Б-га, а не Б-га, как Лев Толстой, от человека.

Рабби Лейб говорил так: «Г-споди, Ты неправ. Ты наполнил книги адом, а сердца – желанием. Разве удивительно, что человек позволяет себе соблазниться злом? Ах, если бы все было иначе... Если ты думаешь, будто сумеешь вернуть народ Свой на правильную стезю, причиняя ему страдания, то я, Лейб, сын Рахели, ручаюсь Тебе, что Ты не добьешься успеха. А раз так, зачем стараться? Спаси детей своих, даруй им радость и избавление. Поступая таким образом, Ты ничего не теряешь, а приобретаешь все... Г-споди, спаси народ Свой пока не поздно. Иначе Тебе некого будет спасать».

Любовь к Создателю в борьбе, в споре с ним. Память об Иакове-богоборце свята для каждого хасида. В этом иудейское, упрямое нежелание превращать Б-га в культ, в икону, в языческого идола. В этом отрицание пользы аскезы, страдания, мученичества.

«Èæ èíèèí íðáíèçàðèý, òæ ííáíæááíèá íò æéíáí:áíèèð, íðáíòááííùð íáýçáíííðæ».

Áæááðí1897 ããã

Çáíèíáý èíèæèà ¹ 3

И здесь не будем спорить, но мощью своего «я» никак не хотел Лев Николаевич примириться с тем, что слабому человеческому существу не по плечу одиночество, что агавистический, пещерный страх остаться наедине с самим собой сильнее советов мудрецов и художников, защищенных силой своего гения.

Хасиды помнили об этом, но спасали человека от отчаяния, проклятия одиночества не самообманом причастности к человеческим сообществам, а возможностью фантастических контактов с Высшей силой – через особую страстность молитвы, то есть через творчество в Б-ге.

Лев Толстой не страдал иллюзиями, и совершенно свободны от них были хасиды. Только классик с большим трудом заставлял себя любить человечество, а хасиды принимали род людской таким, каким создал его Всевышний.

Люди иллюзий, люди надежд на просвещение и прогресс не понимали этого. Точнее, не хотели понимать. Шимон Дубнов, замечательный историк еврейства, писал о хасидах: «Если раввинизм сопротивлялся светской науке активно, как сопернице, оспаривавшей его духовную монополию, то хасидизм сопротивлялся ей пассивно – всем своим естеством, своею неудержимой склонностью к умственному усыплению и “возвышенному обману”. Хасидизм и его неизбежный спутник цадикизм, как продукты мистического мирозерцания, не могли бы устоять против критики холодного разума. Вот почему цадики были еще враждебнее научному знанию, чем раввины. Если раввины погрузили еврейский ум в область мертвой схоластики, то хасидизм в своем дальнейшем развитии совершенно усыпил мышление и на его счет развил до крайних размеров религиозную фантазию».

Бедный Шимон Дубнов. Всю жизнь он видел спасение народа еврейского в покорности общим правилам и законам развития цивилизации, в его собственном, конечно, понимании этих законов и правил. Дубнова, древнего старика, врага раввинизма и цадикизма, нацисты отправили на костер Катастрофы точно так же, как раввинов и цадики со всей Европы. Дубнов был человеком своего века и не хотел, да и не мог понять, что мозг человеческий не развивается в заранее отмеченном, «правильном» направлении, что творчество не знает ограничений. Уверен – откровения современной физики сродни «религиозным фантазиям» хасидов XVIII века. Любой «тренажер» годится для человеческого мозга, если только не служит он культивированию ненависти и уныния.

Наи оеуи Аедоаи аадд

І іаіеэ і іеуіеэіі.

«Хасидизм совершенно усыпил мышление», – писал Дубнов. Но вот слова рабби Нахмана из Брацлава: «Если правда, что истории пишут, чтобы нагнать на слушателей сон, то я рассказываю сон, чтобы заставить их проснуться... Я рассказываю вам о своих мечтах, потому что мечта – не что иное, как рассказ о мечте. Это больше, чем сама мечта».

Вернемся, однако, к Льву Толстому.

«І аіа - і аіуоау - аауі ебрае, іеіеі 20%, нуі ашоаіоау нуі а іі нуаі, іаадкееі а і аіеіе јаіеі а, аіоіауіае аі нуіааіоі: аі еу ашо ашоаіі оо неэ іа нуаі; аоуау - аіеуоау - аауі іеіеі 80% - јаіеіііоеједріаіа іао: іуі, оаііаеаіоаііуі, аііаааіоаііуі е, аеаііа оаеіеісіуі аеііісі е оіае іа ііеуіаіоіуі нуіеі дауі іі. Іò јоіаі ош ао а нуаа аііаа аііааіоіуі нуі ашоаіеі, іаадкееі уі оаі аа нуі ашоаіоаеі, еаеі іаадкееі і аіеуіеііоаі».

18 аіеаауі 1899 ааа

Ну вот, оказывается, и «религиозный гипноз» ведет к безумию. Не всякий, конечно. Лев Николаевич предложил свою, нормальную, как ему казалось, религиозную систему, но должен был признать, что и она плодит сумасшедших, как только становится верой масс.

«Νέεά ά άάί-αι ίάθίάά Αίρε ή ίάηό ήά άά άάάέά όί όίεήί ήόήί ά-όί ή άάήήόέθάά. Αίό άγόή άή άάή - όίέ-όίάέέόύόό άήήή».

3 όάάάέύ 1898 άάά

Замечательно! Но сомнительность именно такой постановки проблемы и здесь очевидна. Классик уверен, что сами люди не мечтают о сладостном состоянии гипноза, мифа, лжи самим себе.

Бешт рассуждал об этом «прозрачнее», терпимее к роду людскому: «Человек не может жить без мечты, без легенды. Вот почему правителем становится тот, кто несет ему и то и другое».

Удивительно близок философии хасидизма несравненный фильм Феллини «Ночи Кабирии». Помните сцену, когда маленькая проститутка видит себя под гипнозом юной, непорочной, любимой и счастливой? Негодяй в зале сразу понял, как поживиться на ситуации и притворился исполнителем мечты. Он не убил Кабрию, но ограбил ее. И финал этой удивительной картины будто подсказан гениальному итальянцу Бештом. Улыбка вопреки всему, – вот как может сопротивляться человек злему року в юдоли печали. Улыбка и вера, опять же вопреки всему, в грядущую радость, в спасительный приход Мошиаха. В обязательный, непрменный приход, ради которого только и стоит жить.

Ну и причем тут это скучное «усыпление мышления» по Дубнову?

Думаю, к месту будет очередная запись Льва Николаевича:

«χάηόί ή άύ ήήάάάέέ άάάή ήάά, έθάήάάά, άί άέέόάέή ήά έί όήήάέέ έθάάέ, άάή άύέέ άέήήόέ. Όάή άή ή άάφ, άόί άά άί άέέόάέήάά, έί ήήήόήάά έ άάέέ έ άάέέήά, όάή ήήόάά έ ήέ-όίάέήά».

28 ήέόύάόύ 1895 άάά

Удивительна прозорливость гения. Не было в конце девятнадцатого века радио и телевидения, только-только возник кинематограф, а Толстой уже знал все о «пустоте и ничтожестве» зрелищ. Впрочем, возможно, я и здесь неправ, следуя за классиком без учета воззрений хасидов. «Звуки и зрелища» были и тогда, и относились к ним хасиды без предубеждения.

Однажды Леви-Ицхак Бердичевский услышал проповедника, который метал громы и молнии в членов общины, вспоминая все их грехи и слабости.

«Г-споди! – сказал Леви-Ицхак. – Да не слушай Ты его. Ведь человек говорит по обязанности. Разве Ты не видишь, это же его ремесло. Проповедями он зарабатывает хлеб насущный. У него, конечно, семья, которую надо кормить, и три дочери-невесты. Дай же ему денег, в которых он нуждается, и пусть он прекратит злословить и клеветать на Твоих детей».

Лев Николаевич тоже много писал о тех, кто говорит «по обязанности». Вот одно из самых красноречивых его высказываний.

«Αή ή όέ Αάή ίάήέά, Αάέήήέά, χάή ή άάήέά, Αίάή έθάήά, ή όήέήάή ήά ά άέέέέά έθάέ, άήέέή ή άάάάάέέόή ή άάέέόάέήόάή έ όάή όόή, άά έί όήόό όή άή άήέέ ήά ή έ ίάάή άόή ή έ όάέήόή έθόάή έ. Η ίάέό άήόή ά ήέό ... έ άήή άόί-ήέάάή ίάήόήύήά, ή ή έ άή ά ήάά άάάέέέέ όάή, άόί άήάάάέέ, άόί έί ίάάή ήέέέόή ίάήάήόά ά όήόή άό ίάήάήόάή ή έ άέήέ, ά ίά ήέέέόή Α-ά έήήάάήέά έθόέή έ ήόήήάάήέά ή άά άά άήέήέ άάήόή ή όήόή άό ίάήάήόάή ή έ άέήέ».

17 ή άύ 1895 άάά

Нет, все-таки великим идеалистом был классик. Очевиден спрос «на служение обществу». Вот они ему и служили, превратившись тем самым из нуля в единицу. Умел бы тот же Чернышевский писать романы на должном уровне, он бы не стал звать Россию к топору. По крайней мере, я так считаю.

Страшится Толстой поднять руку на священную икону «народности», но ничего не поделаешь: каков спрос, таково и предложение. Классик в душе – анархист и атакует то, что атаковали вместе с ним ненавистные ему социалисты и либералы.

«I àœéIà iðàæòæüñòááíIáÿ àñòü ñòðàóIáÿ i àœéIà. Àñèè àü ýñíí iííèIàèè áá iíáñí iñòü, i ù àü íèèIááá íá àííòñòèèè áá íáðáçIááíèÿ... Íæüÿ àIáóí àóü àèÿ æáñòíèèò iñòüèIá áíèèá àIááí üò ñèIáèè, èàè òí ñáíèáíèá :-èIíáí èèIá, èí ò íðIá ññIáñò áñò á áññááñò áá».

26 èþíÿ 1899 ááá

Слишком просто. В книге «Пиркей Овойс» сказано: «Рабби Ханина, помощник первосвященника, говорит: “Молись за благополучие правительства, ибо, если бы не страх перед ним, люди пожрали бы друг друга”». Мне по душе анархические лозунги Льва Николаевича, но точка зрения рабби Ханина, похоже, ближе к истине. Все дело в чувстве меры. Анархия так же способна превратиться в полный беспредел, как и регламентированный государством суровый порядок в собственную противоположность.

Наследник хасидов, превосходный писатель и лауреат Нобелевской премии Эли Визель точно и остроумно описал фатальную неспособность рода людского сохранять в чистоте и порядке свои же собственные идеи: «Горе тому, кто преуспел. Ничто так не развращает революционное движение, как победа. Ибо первое поколение, поколение пионеров, сменяется поколением оппортунистов. Третье поколение продолжает борьбу просто по привычке, а четвертое – по инерции, обнажая изнанку триумфа. В конечном счете, движение расщепляется на враждующие между собой фракции, группы, секты. Существо дела заслоняется мелочными сварями. Личности заменили собой идеи, а лозунги – идеалы. Возвышенные цели утрачиваются, миссия предается забвению. Теперь борьба разгорается вокруг званий и должностей – процесс предсказуемый и необратимый. Ибо изумление и страсть не бессмертны».

Межеричский Магид причину неизбежной гибели любой человеческой идеи видел в необоримости гордыни потомков Адама. «Вы можете соблюдать каждую заповедь Торы, – сказано им, – вы можете очищаться и совершенствоваться, исполняя все предписания, но если в последний миг в ваше сознание проникнет одна-единственная, тщеславная мысль, значит, все будет напрасно. Можете сунуть все ваши добрые дела, все ваши достойные намерения в дорожный сундук и швырнуть его в ад».

Лев Николаевич Толстой ненавидел всякую партийность, и появление толстовцев, стремление своих последователей к организации испугало и разгневало писателя не меньше, чем короткие пачки танцовщиц в современном ему балете. Он понимал, что партийность эта насквозь пропитана тщеславием.

Великий писатель хотел остаться пионером своих идей, а вовсе не стремился к их победе, потому что, как и Эли Визель, знал, до чего развращают эти самые победы.

Значит, идеи ради самих идей. В лучшем случае, ради самоусовершенствования источника мудрых мыслей. Увы, с этим приходится согласиться. Сами по себе идеи людские бессильны, а, овладевая массами, неизбежно превращаются в нечто, противное их пафосу.

«Í áò iðíðIèá áíáíáí íòá:áñòáá”, íí è á :-æèíí íèèòí íáññüèèò iðIáèüüá».

«Áíáí ííá ááèí íá òíèüèí iíæááèü òðüáíá íá òíèüèí æèçIáè, íí iíæááèü áí áðá».

26 èþíÿ 1899 ááá

Боюсь, и здесь прав создатель «Войны и мира». Кровавый XX век, похоже, одержал сокрушительную победу над добром. Впрочем, вполне возможно, что главная схватка еще впереди. Но кто слышит и понимает, страшится этого.

Впрочем, хасиды не желали, чтобы кто-то слышал, понимал и боялся. Иногда мне кажется, что главное свое предназначение они видели в спасении человека, осознавшего все ужасы жизни, но не способного с этой жизнью расстаться.

«*Aladbeÿ íá çíà: èò íòííòíòáéá ó-ðáæááíéé, á òíéúéí íòííòíòáéá òáééò ó-ðáæááíéé, éíòíðíá éðáé çíòááéÿò ííá-éíÿòúÿ íáíééð, è - òáééá ó-ðáæááíéé, éíòíðíá éðáé ííá-éíÿòúÿ ííáíáíí, íí ðáçí ó Èáçáéííí, éíá: á íá í íáí è íá áíéæíí áú áúòú áíòðíáí íáíáíòáí íííáíòá íááðáí íúò ðáçí íí ».*

2 íéòÿáðÿ 1899 áíá

Как это верно насчет «общества существ, одаренных разумом». Но как быть с обществом упрямых глупцов? Кстати, именно этому обществу и понадобился Всевышний и Его Закон. «Одаренным разумом» вроде бы ни к чему Учитель и Судья.

Возможно, так оно и есть, но и подобную вольность в обращении с родом человеческим хасиды себе не позволяли. Шанс есть у каждого, считали они, поддерживая человека на самом краю бездны отчаяния.

«Твой личный опыт не бессмыслен, это часть некоей реальной сущности, которая его учитывает. Знай, что вечность присутствует во всем, что любой стол может стать алтарем, а любой человек – первосвященником. Знай, что много стезей ведет к Б-гу, но самая верная из них – путь радости, а не слез. Знай, Б-г не любит печаль и страдание, и меньше всего Б-гу нравится, что ты намеренно предаешься им. Б-г не так уж недоступен для понимания. Он не ревнует ни к твоему счастью, ни к твоей доброте. Напротив, путь к Б-гу лежит через человека. Спящее дитя, заботливая и нежная мать, старик, прислушивающийся к шелесту деревьев, – Б-г рядом с каждым из них. Б-г в каждом из них».

В этом суть хасидизма.

À áíò éáé «òááòáé» ííáÿ è :áéíááéá á ííáí áíááíééá Èáá Íééíéáááé: «Áéááí íá íááí ííí íéòú è íííéí áòú :òí áíÿéíá áíáóíáá ááéí, éáé áú ííí ááééí íé éáçáéííí áíòú íé: òíæáíòáí, :òí òú í áéáíúéé éðíóá:íúé :áðÿ:íé, íéúæáúéé ááéó Á-æííí ó :òí òú éáé ááéé:éíá áíáóíÿÿ = ááéíéóá, ááéáííé íá ááéííá:ííòú, :òí òú ááéé:éíá òíéúéí á òíé íòáíáíé, á éíòíðíé òú í òíÿáéé á ííáí Á-áá. Í ðéíéóóéáíòúÿ æá è ííáí ó çíà: áí éð áíòú ííáéáçí èç ííáéáçí íá ááéé: áéóéé è ááííí áéóéé ííáéáçí ».

18 í áðò à 1895 áíá

Верно пишет Толстой о смертном грехе гордыни, предвидя изворотливость человеческого существа, способного «проявить в себе Б-га» до самой возможности сравняться с Всевышним. Грядущий XX век станет веком безумных тиранов, возомнивших себя богами, веком особой формы язычества.

«Í é: òí òáé íá ðáçí ÿá: ááò íáðúá, éáé ííçíáíéá ííáéé áéíú, è íé: òí òáé íá íéáí áíÿáò ááí, éáé ííçíáíéá ííáéé í ðááí òú».

3 àààà à 1898 ààà

Замечательно! И верно: Б-г есть любовь, совесть и доброта. Но качества эти имеют не умозрительный, а вполне конкретный характер: есть они в душе человека или же они отсутствуют. Если их нет, никакие призывы к покаянию, сознанию вины не помогут.

Рабби из Коцка восклицал: «Лица, лица, у всех у вас есть лица. Но есть ли среди вас хоть один, кого можно сравнить с Ликом Г-сподним?!»

Да, хасид стремится любить все человечество, но подлинная вера далека от либерализма, особенно в нашем, современном понимании этого слова.

Иной, высший оптимизм был присущ всем, без исключения, хасидам. Наиболее точно его сформулировал Исроэл из Ружина: «Человек не может не исполнять волю Б-жью. Даже грешники повинуются Ему. Если их отрицание обладает какой-то силой, то это Его сила. К их счастью, они этого не сознают. В противном случае, они бы умерли от злости».

«EèòüííÁ-æüè çá-èò ææèàòüòíã, ÷òí ææèàò Á-ã Á-ãæá ææèàò æèàã ì èðà, æèãã æá ì èðà ìðèíáðò ààòíü óæèè-áí èáí áíáí èðáàè».

27 ì àðò à 1895 ààà

Очевидна борьба в душе Льва Николаевича: сознание мизерности человека не уживается с сознанием собственного гения. Вот классик, оказывается, знает, чего желает Б-г. А Он не желает невозможного. Он требует всего лишь соблюдения Закона. Но в 1895 году Толстой не мог похвастаться проникновением в тайны «Ветхого Завета».

Хасиды ставили Закон превыше всего. Мендл из Коцка говорил, что вера не является панацеей, даже истина уязвима и поддается искажениям. И человек должен соблюдать Закон ради самого себя, а не для кого-нибудь другого, пусть даже Б-га.

«Íæí èç ñàí ùð òðááíùð ìáðáòíáá - ÿòí ìáðáòíá ìò æèçíè òíðíøáíüé è æèçíè òíðíøáè».

10 àí ðæý 1895 ààà

Вновь Лев Николаевич свято уверен, что люди должны твердо знать, что есть жизнь хорошая и чем она отличается от «хорошенькой».

Хасид вообще не понял бы классика. Жизнь – она и есть жизнь, со всеми ее противоречиями и разнообразием. Лев Толстой определил бы сразу, что картежники за карточным столом живут жизнью «хорошенькой», а не хорошей.

Но вот одна хасидская история. Рабби Вулфу из Збаража донесли как-то, что евреи общины всю ночь могут резаться в штосс.

– «Не могу осудить их! – воскликнул рабби. – За какое именно преступление я должен сделать это? Они засиживаются допоздна? Но ведь это прекрасно – сопротивляться сну. Они сосредоточивают свое внимание на игре – и это тоже похвально! Рано или поздно на карты они махнут рукой, а дисциплина ума и тела останется. И это время они тогда посвятят Б-гу. С чего же мне осуждать их?»

«Нынче читал мечтания какого-то американца о том, как хорошо будут устроены дороги и т.п. в 2000 году, и мысли нет у этих диких ученых о том, в чем прогресс. И намекá нет, а говорят, что уничтожится война только потому, что она мешает матерьяльному прогрессу».

26 апреля 1895 года

Хорошо устроены дороги в наш век, но по дорогам этим идут танки. Аэродромы прекрасно оборудованы для реактивных истребителей и бомбардировщиков; а еще есть прекрасно оборудованные колодцы для запуска ракет, способных уничтожить весь мир. Много чего интересного придумали люди за последние сто лет. Тем не менее, разговоры о прогрессе не смолкают, как не смолкали они и во времена Толстого.

Но и об этом все сказано хасидами задолго до появления пара и электричества. Исроэл из Ружина воскликнул однажды в нетерпении и гнев: «Почему Мессия не приходит так долго? Не думает ли он, что следующее поколение будет лучше нашего? Или достойнее его? Так я объясню ему раз и навсегда, что он не прав. Оно будет хуже, много хуже».

«Óíðààéÿàò íàøèì í èðíì íàíèèèá ò.á çéíáá, è ííòíí ó íàðíáÿÿíááíÿ áíááá á íáíáíðáá áíèèøèííòáí - íáíáí ííðíÿðáèíí ùá, øàðèèá :-éáí ù: æáí ùèí ù, ááðè, íáíí í ùá áííí è ò ùááðòíÿ çéíáíé è í áðáííáÿð í à ííðíðí ó çéíáí».

2 ÿí áàðÿ 1899 ááá

Если бы так, давно бы не было на Земле ничего живого. Был классик явно не в духе в начале зимы последнего года XIX века. Все-таки не злоба управляет миром нашим, а любовь. Злоба время от времени одерживает победы над любовью, но великий инстинкт любви, правда, из последних сил, все еще правит миром человека.

«È ííðáðííðè ííèááááááðò òí íòááí í ùá íèè ù - ÿòí íáííí íáííí. Ò.á ííèááááááò òí íòááí íáÿ ÿíáðáéÿ, íáíí ÿò ù Í í íáíí í á òí áí ùáááòíÿ - ÿòí èááíáí Á, íáííðíðèáá áíáé:-éáááòíÿ. È ÿòí òáé è áíèèáíí á ùò ù Òí íòááí í ùá íèè ù í ðèííéí í á òí, :-ò íá ù ðáçáè ò ù ò á í ðááááá, èí ò í ðáá í áøááò í ðíÿæáí èá èááè».

15 í áÿ 1895 ááá

В старости вместо одной любви должна в человеческом существе появиться любовь иная, без плотского начала. Однако и здесь не все так однозначно. Я, например, никак не могу утверждать, что сам Лев Николаевич Толстой в старости ослабел умственно и был вынужден «разбить преграды, мешающие проявлению любви». Мне кажется, что все здесь обстояло ровным образом наоборот.

«Обычное явление, что старики любят путешествовать, уезжать далеко и переменять место. Не предвидение ли это и готовность к последнему путешествию».

8 августа 1897 года

Красиво! Но как грустно, по-русски грустно... Я вот тоже начал чаще ездить в дальние края, готовясь... Да нет же! С большим удовольствием сидел бы на одном месте и копался, к примеру, в великом наследии Льва Николаевича. Наверно, еще не очень стар... Или не боюсь смерти.

«Íòáé áíí áò ù í ííáá, í ííèèð íáéááð è íáíáé áíááááé æèçíé è íííí íèèíÿ. È èáé í íá áíðáíðááí í í áíéí íèáçáò ù ííáá: òááá-òí :-òí çá ááéí áí Èíáá Í èíéáááé:-á? È òíðíòí íòáéí - ííðáéí á ùò ù áíð ù ò í ò, èíí ò í áøááò í íáéíé, æéí ùé, ò ùáíáááí ùé, :-áíðááí í ùé Èáá Í èíéáááé:-».

12 áí ðáéÿ 1898 ááá

Два человека в одном. В том и состоит тяжесть характера творческой личности. Легко ли нормальному человеку постоянно видеть перед собой духовных близнецов, находящихся в постоянной склоке и друг с другом и с окружающими?

Í á í á í é:-áíí ííáéáò ù çéðáé í á áíéíáá è í íáé í ðááò. Í á í ò í ááá èé?.. Òáíí áíí áá:-áð Ò íáéí è øèáíí í áíííòíí».

10 í íÿáðÿ 1897 ááá

Какая удивительная сила искренности! Лев Николаевич и... жалоба. Жалоба гения? Какая разница! Так и хочется подойти и обнять, молча обнять старого и больного человека.

«Xaòòeíá ããðeé, ÷òí ÷ãéíãé ï íãeò èíeðáí íá ããðeòú á çãéííííòú ããòãáíííòe è ò.í., ããðeòú á éíãeú Ñ ãóí ãð, ÷òí ÷òí íãeíç. Íí ããðeò: ííe ããðò á Áãòðeé çããò. Íí ííe ããðò á Áãòðeé çããò òíeíeí ííòí ç, ÷òí Áãòðeé çããò íí ðããúããò òí, ÷òí èí íãeíí.»

18 èðíç 1895 ããã

Вернемся к старой теме. Не понимал в 1895 году Лев Николаевич то, о чем брался говорить. Не думал о культе личной свободы, царящей в Торе. Не думал и о том, что без собственности человек – раб. К Собственности и вывел Моисей евреев из Египта, но и здесь не все так просто. Послушаем, как толковал Исроэла из Ружина Эли Визель. «Я подыскиваю загадке этого человека простое объяснение: духовного очищения легче достигнуть в нищете; истинное достоинство состоит в том, чтобы сохранить одиночество в толпе, смирение – на вершине славы и бедность – среди богатства. Возвышенные оправдания материальной выгоды внушают мне инстинктивное подозрение. Декорации могут влиять и на действие, и на состав исполнителей. Средства могут влиять на цель. Игра управляется своими собственными правилами».

Выходит, и Лев Николаевич, вопреки своим представлениям о Ветхом Завете, был учеником хасидов, так как стремился достигнуть «духовного очищения в нищете».

«Íãeãeè ðãeèãéçííá ÷ããòãé ããã:ãò ÷ãéíãeá òíeíeí è ðãçí ííãeíèð? Ííãeãeé, ãíeè ãííííeòú ããããã Íí íeéííãðeá ãããú íðçí íððeãííeíãeíí ðãçí ííãeíèð è áíðíãã Á ííí ãíòããeçãò ííííãò íí:òe ãíãò ðãeèãeé.»

5 ããííò à 1895 ããã

Вновь полное непонимание! В размножении, первой заповеди Б-жьей, единственное упование на победу добра, на приход, рано или поздно, Мессии. Пока рождаются дети, есть надежда. И есть хоть что-то, способное поддержать веру в Творца.

Великий Магид говорил об этом так: «Завтра вы вернетесь на работу – а работаете вы тяжело, я знаю. Если бы я спросил, зачем вы мучаетесь, вы бы сказали мне, что это не ради себя, ради детей, что вы хотите вырастить их хорошими, добрыми, б-гобоязненными. Да, так бы вы мне и сказали. Именно это говорят люди на разных языках тысячи лет. Человек работает и работает без передышки не для себя, но ради своего чада, а я жду... Я жду моего истинного чада».

Толстой, судя по всему, не ждал, не надеялся, не верил.

«Ó í áíç, ãããðçò, ããòãé ï ííã. Ñ ãeç ããòãé. Áã çã:ãí èð ðãíò èòú òãeèð çã íãí:ãíò íúð, èãé òú.»

Ñí ããòú ðããðeú 1897 ããã çãíeíí çç èíeãeá ^{1 2}

Вот оно в чем дело. Он считал себя несчастным. А был счастливейший из смертных! Был и есть. Только позволил печали одержать победу над силой духа. Лев Толстой даже не догадывался, что в этом и есть главный грех жизни нашей. Все это – собственность, похоть, злоба – все пустяки рядом с грехом уныния.

«Íáíá eç ãããíúò íðe:éí çeá á çeçíe ãíòú ãííeòúããú çç á íãeáí òðeííeãííeíí í eðá ããòá á ãðãíã ããðeíeíã Á-ãã èe:ííã; òíããã èãé ãããú úe íðeçíãé (ãíeè ï íãeíí òãé ãíðãçeòúíç) Á-ãã á òíí, ÷òí íí íe:ãí íá íããíe:ãí íúe, ãããíãòãeúí í ÍÁ èe:íúe.»

18 ããeããðç 1899 ããã

Это и вовсе наивная мысль. Евреи с отчаянной храбростью взяли на себя ответственность за идею монотеизма. Отсюда и ненависть к ним языческого нашего мира. Дети Иакова согласились быть «мальчиками для битья», но замена «грубого еврейского Б-га» на нежного христианского, похоже, ни к какому смягчению нравов не привела, в чем Толстой и сознался в более поздней записи.

Итак:

*«I aaaaif ai afoa n faiei daaeifii :eoaē I aafiof I otiiaau I i:oe i iuea eaeatā
noeoa ii iieaiaae i ia iioiaea i affiaae a adaeieie Aeaeeē ē Oaei oia Efaa ea i u afoeē ai neia
“Ia iioieaiū qeō!”, - ii ai afoi fau:ifa: “A Oaei oia iaosai afoū ē Ia yofii” m’oieē i afy n
oeuaieie: “Neaafō ēē odenoēaiā yofē caifaaie?” B afoaao iaieaē ai oie:ai, eaf ei aif i a oā ai ē
oēnoēaiā, aaeēēā fo i iueē i faio aeyouū aduif vaeō, beafo aēē aadaā i i faei ».*

I iū daeēay. 1906 āā

Но вернемся все-таки к личным проблемам, к личной боли.

*«Au neaēioā ai aeāioā oae, eae aeāioā aey aioae. Ca:ai? Ca:ai aīneōuāioū aia
faif iiefaieā daeēō ea faī afoūō daafā, ia cafuēō ca:ai iie aeāio, ē aeāieō oaeif
iadaāno i f aeafp».*

23 daēay 1897 āā

Еще одно доказательство греховности Толстого в старости. Но сколько же в таком отчаянном заявлении гордыни... Откуда нам, смертным, знать, что какой-нибудь потомок наш не станет настоящим свободным и счастливым человеком?

Лев Толстой, мне кажется, боялся даже подумать, что культивировать в себе самом сознание несовершенства мира нашего недопустимо, что единственная возможность борьбы с миром – личное сопротивление тоске и унынию. Впрочем, в художественной своей прозе именно это классик и проповедовал. Он и себя спасал творчеством, и сотни миллионов людей сделал счастливыми. Пусть на месяц, на день, на час, на минуту, но счастливыми же!

Есть обязательная логика заблуждений. Ошибка тактическая перестает в стратегическую ересь. Лев Николаевич Толстой превратился в фанатика своей же мысли, как только стал терять контроль над собой и вдруг забыл, что он «подлый, глупый и тщеславный старик».

«Женщина – так и говорят легенды – орудие дьявола. Она вообще глупа, но дьявол дает ей на поддержку свой ум, когда она на него работает. Смотришь, сделала чудеса ума, дальновидности, постоянства, чтобы сделать гадости, а как только нужна не гадость, не может понять самой простой вещи, не соображает дальше настоящей минуты и нет ни выдержки, ни терпения (кроме деторождения и детоухаживания)... Все это относится к женщине не христианке, нецеломудренной женщине, каковы все женщины нашего христианского мира. О! Как бы хотелось показать женщине все значение целомудренной женщины. Целомудренная женщина (недаром легенда Марии) спасет мир».

Такое наблюдается, спору нет, но читаю эти записи Льва Николаевича и никак не могу отделаться от русских пословиц-поговорок, вроде «Курица – не птица, баба – не человек» или «Бабыя дорога – от печи до порога». В этом, наверно, и беда человеческого гения: от великого до банального – один шаг.

«Λεωταίη ἰδε-εἶα ἡαὶ αἰύο ἰαν-αἰοεε οὐ +οἱ ἐπαε ἀμῆοαίῦ ἁ ἰ ὑκῆ, +οἱ ἀδαε ἀαο ἡ-αἰοῦα. Ἐ ἀδαεο ἰδεἶ αἰεααο ἰἱεἶαἶα ἁε-αἰεἶ ἰδεἶεἶ ἀρυαἶ ἁεἶ ἰαἶαἶεε, ἰαἶαεἶ ἰα ἡ-αἰοῦα, εἰοἶοῦα ἰἱαἶαεεεαἶο ἰαυαἶοαἶἱα ἰἱαἶεἶ εἶεοαδαοοδα, ἰἱ ἀδαε αἰοῦ ἰα οἰεἶεἶ ἰα ἡ-αἰοῦα, ἰἱ αἶαἶα ἡοδαἶαἶεἶ εἶοἶοῦα +αἶἱαε ἰεαοεοἶἱ ἶα οἶαεαοαἶοαἶεἶ ἰἱεἶαἶα ἁεαἶεἶ, ἡοδαἶαἶεἶ εἶ ἁεαἶ ἰαἶεε, οαἶἱοαἶ, ἰδαἶἱαἶεἶ, ἰοαδαἶαἶεἶ, ἀἱεἶαἶ οἶαἶ ἀοἶαἶοῦ εἶ οεε-αἶεεο ἰἱοἶεἶα ἡἱοαἶ, εἰοἶοῦα ἰαἶἱ ἰαἶοε. ἶεἶαἶ, αἶοἶἱοῦ, εἶεαἶἱοῦ οἶαἶεαἶεἶ, ἰἱἱἱοἶαἶ, εἶαἶῦ ἡεοἶἱοῦ εἶοἶἱοἶεἶαεἶ οαεαοο - αἶἱ ἰἱοἶεε, εἰοἶοῦα ἰαἶοε ἰἱαἶἱἱ οἶοαἶἱ ἰα ἁ ἡἱαἶ, ἁ ἀοἶἱἱ, ἁ ἡοδαἶαοῦ ἰο ἰεἶ, εἶε ἰο ἡἱεἶ, εἶ οαεεἶ ἁἶ ἰἱοἶεε οεε-αἶεεἶ αἶαἶαδαεἶ, ἰα-εἶἱἱεἶοἶἱοῦ αἶἱῦ οαἶῦ, ἡἱ αἶοαἶοεἶ.. εἶ ἱδ, εἰοἶοῦα αἶα οἶοαἶἱα ἰαδαἶἱἱεοῦ ἰα ἁ ἡἱαἶ».

2 ἰεοῦαῶῦ 1899 ἁἶἱ

Здесь тоже проблема собственности и еврейского «личного» Б-га. «Да прилепится жена к мужу, и будут они одна плоть». Одна плоть – как форма высшей собственности. Моногамия сменила свальный грех, рабство плоти. Монοгамия, брак, по мысли Б-жьей, – не рабство, а путь к свободе. Другое дело, что творит греховное человечество с этим браком, во что превращает семью. Но виноват ли сам институт, освященный Творцом, в том, что его «студенты» слишком часто предпочитают семейную войну семейному миру?

Впрочем, Лев Толстой время от времени спохватывается и вспоминает о неизбежной слабости своих умозаключений, но и здесь он упрямо ставит позади себя «пособниц дьявола».

«Ἐαῶἱ ἱεε οαεαἶἱἱοῦ ἰεἶεἶαἶ ἰα αἶααο ἰἱεἶε. ἱἱεἶαῦ οαεαἶἱἱοῦ αἶααο οἰεἶεἶ ἰαδαῶἱ ἰαῦ, ἀἱἱαἶἱἱοῦ οαεἶαἶεἶ».

26 ἐπιῦ 1899 ἁἶἱ

«Οἶαἶε ἰδαἶἱοαἶἱἱα ἡἱαἶεἶ +αἶἱα-αἶοαἶ ἁ οἶἱ, +οἱ ἀἱεἶοαῦ +αἶοῦ ἐπαε ἰἱοαεἶα ἁ οαεἶα ἰἱεἶαἶεἶ +οἱ αἶἱἱ εἶοααἶε οεεἶε ἁ οἶἱ, +οἱαἶ εἶοἶεοἶἱ εἶεἶεοἶἱ... Οἶεἶεἶ, ἰἱἱεαεεε ἰαἶ ἁ ἰοἶο ἰεἶ, οδαἶαο ἰο ἰαἶ εοἶἱ ἁ ἡἱαἶοαἶαἶεἶ εἶοἶαἶεἶεἶ αἶ, αἶα εἶ ἰεἶεἶε αἶ οδαἶοῦ».

24 ἀαἶἱοῦ 1898 ἁἶἱ

Есть такая хасидская притча. Никак не мог гость обратить на себя внимание хозяина – мудреца-цадика, тот слишком увлеченно читал Тору (по Льву Толстому – делал нужную Б-гу работу). Так

вот, жена цадика посоветовала гостю сказать ее мужу, что он, гость, голоден. Тот послушался, и цадик сразу же забыл о Книге и стал бегать по дому в поисках пищи.

«Ребенок выше Б-га», – это из Талмуда. «Тень от человека – это и есть Б-г», – говорил Бешт. Нет человека, нет и Б-га, а голодный может умереть от голода и перестать отбрасывать тень. Вот почему цадик забыл о Книге, чтобы накормить гостя.

Впрочем, справедливости ради, вспомним, как сам Лев Николаевич во время голодомора устраивал бесплатные столовые для несчастных крестьян, забывая о своих книгах.

«*Áúáíáèòú áá (íðááíðááíííííííí) èç ííéíáéáíéé ÿáíéþòéííéçí à ðòíéú áé èéé áíéáá ðòðáííí è íá éíáé-íí, ÷áí áúáíáèòú áá èç íðááíéíáíéé, ááííúð ááðáéííééí Á-áíí íá Ñéíáá Íðéáéá èð, ðòíéúáé á òíí, ÷òí ííé íððéóáþò ðíçí áí éá ðáíáá áóííáííá "ÿ" èáé íðéçáááí éé Á-áá, ÷áíðéòú áá, ááç éíòíðíá íá í íáéáð áúòú ðáçúí ííá í èðííçáððáí éé...»*

7 íííáðé 1895 ááá

Нет, Лев Николаевич, «они» и не думают отрицать, что духовное «я» человека – создание Всевышнего. Мало того, «они» это декларируют на протяжении сорока веков. Тут вас кто-то обманул.

«*Áíéé íðíðéòú ÷áéíáéá, òí è ííéþáéòú Íðíðéòú áááíçí á-èò íáðáíðáòú íííéááòú è íáí ááéááòú.*

9 íííáðé 1895 ááá

Тогда, в конце XIX века, оставалась надежда, что не совершит в будущем человек тех преступлений, которые нельзя будет простить. Счастливое неведение непротивленца злу, не знающего до конца, на какое зло способны дети Адама. Впрочем, возможно и мы, люди века XXI, еще не знаем этого.

«*Í áíéééá ðáéáçí èðáéúíí, ííòíí ó ÷òí ííí íííáíáéáááð íò áíéééé áí èí áí éé, íò ðááíòú ðáçúí à Í ááí ííòðáéòúíí, ÷òíáú ðáçéçáðòú ççé, - íáíðááòú éíðí-á.*

7 ááéááðé 1895 ááá

Точнейшее замечание, раскрывающее природу зла: «оборвать короч». Вот мы и живем в мире кровавых лохмотьев и обрывков, в мире террора.

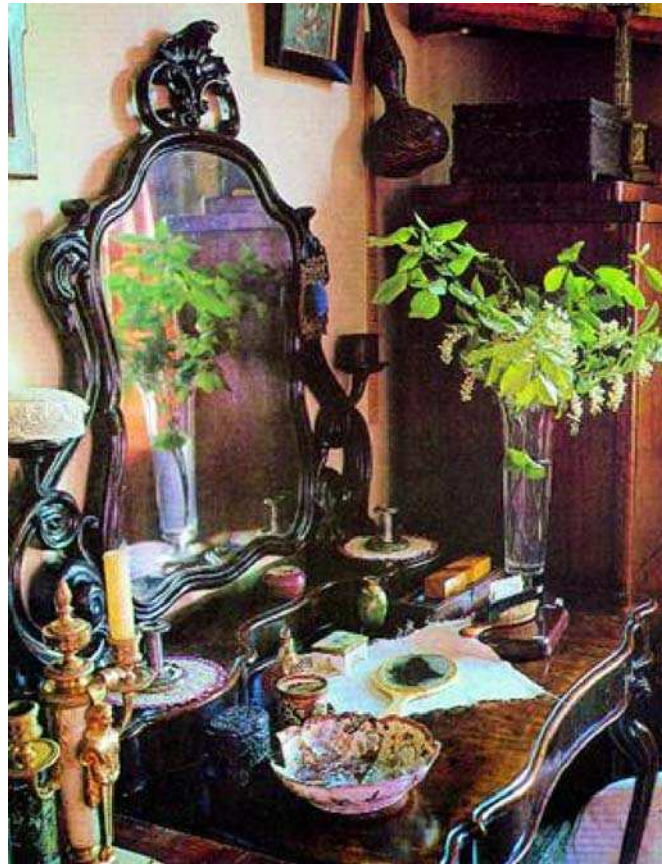
«*«Ðáéé éþáéò, ÷òíáú èð ááðééé áéáíí è». Ýòí íá óóéá Éáé ÷áíðí ðéúðéòú áá è ðáí ááíðéòú èéé ááíðéé òí áéá ×áéíáéé èí ááò ðáíéíðáí íá áéááòú ðòðááí éé, éíòíðáá íí íá ðí-áð áéááòú Á íí íá ðí-áð áéááòú ðòðááí éé, íðé-éíéáí úð èí ðáí èí.»*

24 íííáðé 1897 ááá

Ничего не поделаешь. Мучительство растворено в природе. Что мы знаем о муках травы, вырванной с корнем черными козами, червя, проглатываемого рыбой? А человек, прежде всего, – ученик природы, ее порождение. Для того и возникла Высшая сила, чтобы научился род людской «видеть страдания, причиняемые им самим». Знал ли Лев Толстой о древнем табу на мучительство в иудаизме?

«*Íííáíííáð òí èðáþúéé (ðòáðáþúéééíí) ÷áéíáéé èííúòúáááð òí, ÷òí áíéáíí áú èííúòúááòú íððáíðáþúáá çáðíí, íá íáðáíáíéáá ðáíá ðíçí áí éá èç çáðí à á ðííòíé. Íí ÷áíðáááð, ÷òí óáúáááð, íí íá ðíçí ááð ðáéú òáí, ááá íðéáúáááð, - á áðóáí é áéçí é. Β íá-éíáþ èííúòúááòú ýòí.»*

17 í áé 1895 ááá

Ὁυααοί τὴ πῶτῆε Ν. Α. Ὁτῆοίε

Толстой, сам того не подозревая, повторяет хасидскую мудрость о зерне – умирающем и дающем росток другой жизни. Так что дело не только в раввине, находящем истоки Нового Завета в Талмуде.

«Αἶ:αδ ε̇ εδαιπῶα, π̇:αῖουῖ, ἀαπ̇ ἰά αῖαῖ. Α̇ α̇ ἰεδῖ ἐρᾶαε? Ααῖῖῖῖουῖ γέῖαῖ, γὰαῖουῖ ααῖοίεῖῖουῖ ἰῖῖοῖ δαγᾶῖο. Εῖαῖα αῖαῖο α̇ ἐρᾶγῶ οῖ αεᾶ ÷οῖ α̇ ἰδεδῖαῖ? Οαῖ αῖδῖαῖ, ἰῖ ÷αῖοῖαγ̇, ἰῖῖοῖαγ̇, εδαιπᾶγ̇. Α̇ οῶ ἰῖαῖαγ̇. Β γῖαρ̇ αῖ ε̇ ἰαῖαῖαεῖ, ἰῖοῖ ὁ÷οῖ ῖαῖ ÷αῖῖαῖ».

19 ἐπίγ̇ 1895 αῖαῖ

Снова Лев Николаевич что-то путает. Умудренный своим временем поэт Николай Заболоцкий писал: «Жук ел траву, жука склевала птица, хорек пил мозг из птичьей головы и страхом перекошенные лица ночных существ смотрели из травы». Какая уж тут честная и красивая борьба!..

«И опять молюсь, кричу от боли. Запутался, завяз, сам не могу. Но ненавижу себя и свою жизнь».

19 июля 1895 года

Все от уныния, как говорили те же хасиды. Вот слова Бешта: «Человек обязан сохранить верность своему “я”. Человек, любящий Б-га и в то же время ненавидящий или презирающий его творения, в конце концов, возненавидит Б-га».

Нельзя ненавидеть себя, женщину, ребенка... Нельзя – и все тут. Бешт не проповедовал утопию «непротивления злу насилием». Он призывал к отказу от ненависти, разрушающей всё и вся.

«Αῖῖῖῖοῖα γὰαῖοαῖαῖεᾶ αῖοῖ αῖουῖ ÷οῖ δαγῖ ᷆:αῖῖαῖα πῖαῖοαῖαῖ ε̇ ἰῖαῖο ἰοεδῖοῖ αῖ ο̇ αῖα ἰαῖαῖε÷αῖῖῖῖοῖ δαγῖ α̇ ἀαῖα ἰ÷αῖαῖαῖα αῖαῖ α̇ οῖῖ, ÷οῖ ÷αῖῖαῖ ἰᾶ ἰῖαῖο δαγῖαεῖοῖ (ε̇ ἰῖῖῖῖ αῖαῖο, ÷οῖ ἰᾶ ἰῖαῖο) γὰαῖε̇ αῖαῖῖῖῖαῖῖῖῖοε̇: γᾶ αῖῖῖῖεῖ αῖαῖ αῖαῖ αῖουῖ αῖα αῖαῖ γ̇, γᾶ αῖῖῖῖεῖ

«Или познаваемо бесконечно. И в этом разница между пессимистом и оптимистом. Увы, человек, давший людям столько радости своим творчеством, сам был печален, как небо над Россией в ноябре. К счастью, инстинкт великого художника, инстинкт правды, не давал Льву Николаевичу испортить свои книги сомнительными теориями. Как прекрасны образы женщин в его романах. Элен Безухова – скорее исключение из правил, чем само правило.»

3 аааааа 1898 аааа

Или познаваемо бесконечно. И в этом разница между пессимистом и оптимистом. Увы, человек, давший людям столько радости своим творчеством, сам был печален, как небо над Россией в ноябре. К счастью, инстинкт великого художника, инстинкт правды, не давал Льву Николаевичу испортить свои книги сомнительными теориями. Как прекрасны образы женщин в его романах. Элен Безухова – скорее исключение из правил, чем само правило.

Одно то, что человек способен осознать бесконечность Вселенной, дает ему возможность радостного созидания и приближения к Всевышнему – вопреки всему, что увлекает в бездну ненависти к миру, его породившему.

ДОРА И СОНЯ

Áëääèì èð Øëÿöòàðì àì

Ííá ÿòèì è èì áíàì è ñàà-àëèíí á áááí Áàëèéé Íòá-áíðááííé áéíó èááí-ááðíóá ñááòíëéá ðáçáá-èéé Øáí-áíð-Ðááí è Øðíëá Èó-èííëé.

В свое время два французских журналиста издали книгу с сенсационным названием «Война была выиграна в Швейцарии». Невольно умаляя заслуги нашей армии, авторы отводили ведущую роль в борьбе с фашизмом советской разведывательной группе, действовавшей на швейцарской земле. Результаты ее действий были и вправду впечатляющие, а руководил группой венгерский еврей, ученый-географ Шандор Радо.

Я сижу в кабинете Радо на площади Святого Стефана в Будапеште. Небольшая комната от пола до потолка завалена картами, атласами, журналами, газетами на разных языках. Я уже прочел вышедшую в ту пору в Москве книгу Шандора «Под псевдонимом Дора». Мне не терпится расспросить автора о работе в Швейцарии, о судьбах соратников. Но я корреспондент «Советского спорта», поэтому беседа со спорта и начинается.

Øáí-áíð-Ðááí (Áíðá). 1930-á-áá

Оказывается, мой собеседник еще гимназистом учредил на родине футбольный клуб, что в Австро-Венгерской монархии было запрещено. Его даже хотели исключить из гимназии, но вступилась общественность. Юношей он занимался и легкой атлетикой (бег и прыжки), греблей. В эмиграции, в Германии, играл в теннис. В Швейцарии полюбил лыжи.

Øðíëá Èó-èííëé (Ñííÿ). 1927-á

– Мои внуки (им 17 и 15 лет) тоже увлеклись горными лыжами, получают призы, – с ноткой гордости говорит он.

Шандору – восемьдесят, но он и сейчас плавает в бассейне, играет с приятелями в шахматы – у него первый разряд. По телевидению любит смотреть футбол. Встреча наша происходит в 1977 году. Венгерские футболисты и шахматисты тогда блистали, и Шандор говорит о них с удовольствием.

Еще он любит пешие прогулки. Маршрут один и тот же. Сначала с цветами на кладбище, где покоится Лени, жена и боевой товарищ (советская разведчица, звавшаяся в войну Марией). Оттуда – в геодезический институт на площади Святого Стефана. И так каждый день.

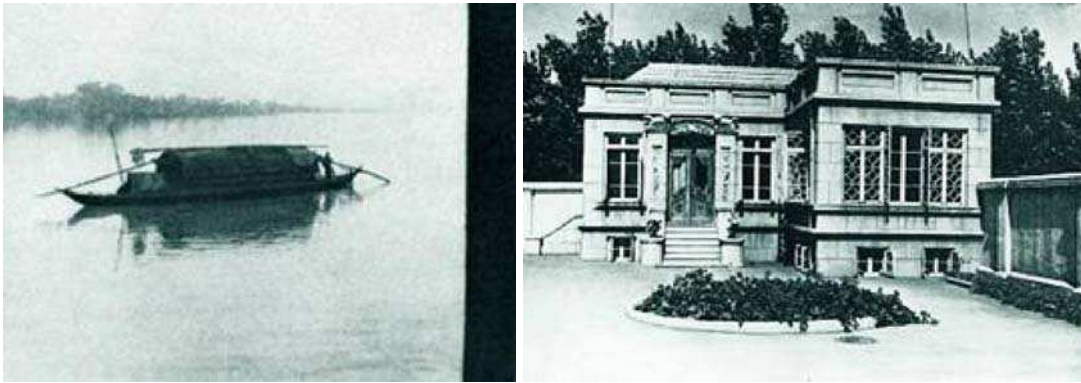
Я расспрашиваю его о нынешней работе. У доктора географических и экономических наук она весьма разнообразна: он – советник министра сельского хозяйства, председатель венгерского географического общества, редактор журнала «Актуальная география». Радо владеет восьмью языками, потому так обширна почта со всего света. Часты зарубежные командировки, самые последние – в Нигерию, Панаму, США.

– В Соединенных Штатах немного похулиганил, – улыбается Шандор. – В нью-йоркском аэропорту прохожу паспортный контроль. Замечаю: чиновник изменился в лице, видимо, в каком-то списке значусь советским разведчиком, хотя уже более тридцати лет разведкой не занимаюсь. Через минуту появляется еще один сотрудник аэропорта, смотрит мне в лицо немигающими глазами. Но документы в порядке, я иду своей дорогой, меня встречают, везут в отель. Тотчас подъезжает еще одна машина, из нее выходят двое. Как в плохом кино: в одинаковых плащах, в шляпах, во рту – жвачка.

Встреча с коллегами назначена на вечер, можно погулять по городу. Выхожу. Следом шествует один в шляпе. Я в подземку, он за мной, я в универмаг, он туда же. Захожу в большой магазин, демонстративно смотрю на часы и направляюсь в туалет. Оттуда появляюсь вместе с каким-то общительным американцем, жму ему руку. Он в одну сторону, я – в другую. Филер растерян – не знает, за кем идти. Я – на третий этаж, там опять в туалет, быстро меняю куртку, очки, спускаюсь по другой лестнице, на улице останавливаю такси. «Хвоста» вроде не видно.

Шандор заразительно смеется. А у меня отличный повод перейти к его прошлому, к разведывательной деятельности. О ней он и написал книгу воспоминаний «Под псевдонимом Дора». Незамысловатый псевдоним – вчитайтесь: Ра-до, До-ра. Но сработало. Воспоминания советского разведчика были изданы в Москве на русском языке стотысячным тиражом и имели огромный успех. Читатели получили возможность из первых, так сказать, рук узнать о фантастической работе Шандора. Кстати, в отличие от большинства коллег, он разведшколу не кончал.

В 1936 году в Швейцарии открылось картографическое издательство «Геопресс». Возглавлял его известный ученый-географ Шандор Радо. Это было отличное прикрытие. Правда, приходилось отдавать немало времени издательским делам. Но основная деятельность Радо с картографией прямой связи не имела. В июне 1940 года он отправил в Москву сообщение о том, что Гитлер принял решение напасть на СССР. Шли месяцы, и донесения Доры становились все более конкретными. Уже в феврале 1941-го Москва узнала, что на западных рубежах нашей страны сосредоточено 150 немецких дивизий. В сообщениях из Швейцарии постепенно уточнялась и дата вторжения. Не вина разведчика, что к его данным не отнеслись с должным вниманием.

Ἰαθῆα: ἐ ἀ Ὀαί ὀδ οῦ ἐ ἐς Ἐὲ ὀαῖ, Οἰεὶ ὀαδὲ, Αἰ ἰεὲ...

Сведения, поступавшие от Доры, всегда были архиважные. Он, например, проинформировал Центр, что с помощью Ватикана союзники пытаются установить контакт с немцами для заключения сепаратного мира. Это происходило в январе 1942 года. Летом того же года Москва узнала о ведущихся в германских лабораториях работах по расщеплению уранового ядра. Радо установил, когда начнется немецкое наступление на Курской дуге, выяснил, что собой представляет новейший германский истребитель, сколько дивизий выставят союзники Гитлера, как идет строительство «Восточного вала», получил и передал точные данные о потерях вермахта и о том, что Италия накануне краха...

В советских архивах хранятся сотни (Радо считает – около шести тысяч на самом деле!) его сообщений из Швейцарии.

Спрашиваю: можно ли сейчас сказать в открытую, сколько человек было в группе?

– Можно. Около восьмидесяти. Информаторы имелись у меня в Германии, в Италии, в Австрии, во Франции. Это были не только граждане названных стран, но еще и англичане, евреи, испанцы, венгры, швейцарцы.

– А русские?

– Русские? Русских, как ни странно, не было. Разумеется, ко мне приезжали курьеры из Москвы, отличные парни, но такое случалось редко. В группу входили коммунисты, социалисты, беспартийные. Кто-то потом сменил убеждения, но тогда все были антифашистами. Это главное.

– Восемьдесят человек... Не слишком много для разведгруппы?

– Чудовищно много. Но получилось так, что мне пришлось принять под свое крыло несколько швейцарских групп, оставшихся без связи с Москвой. Тем не менее, благодаря отлично налаженной конспирации нам удалось продержаться довольно долго. Меня, например, знали всего несколько человек. Я тоже не всех агентов знал в лицо. Некоторые псевдонимы были раскрыты только после войны.

– Но кое о ком теперь уже можно сказать? Вот вы очень тепло пишете в книге о Соне. Это, наверное, не подлинное имя?

– Конечно, псевдоним. Зовут ее Рут Вернер, она писательница, живет в ГДР. Я встречался с ней в Берлине, она приезжала в Будапешт. Соня очень дружила с моей Лени в Швейцарии. Тогда она мне здорово помогла, подготовила радистов. Я возражал против ее отъезда, но Центр приказал.

– А Сиси?

– О, и это замечательная женщина. Рашель Дюбендорфер родилась в еврейской семье в Варшаве. В Швейцарии она руководила самостоятельной группой разведчиков. Связь с Москвой поддерживала через курьеров, но после захвата Франции немцами связь прервалась. Тогда Центр включил членов ее группы в мою резидентуру. Это Рашель рассказала мне о Рудольфе Ресслере.

– Его псевдоним Люци?

– Да, это от названия швейцарского города Люцерн, где он жил. Люци поставлял из Германии ценнейшую информацию. Работал с нами с конца 1942 года, но я с ним так и не встретился. Он связывался со мной через человека, знавшего только Сиси.

Ресслер-Люци поставил условие: он ни в коем случае не раскроет свои источники в Германии. Центр, естественно, насторожился, опасаясь дезинформации. Но сведения от Люци оказались настолько точными и важными, что, по рекомендации Центра, Радо пошел с ним на тесное сотрудничество. Когда немцам все-таки удалось расшифровать переписку Доры с Москвой, германские контрразведчики были ошеломлены: в Москве получали не только правдивую информацию, но и оригиналы секретных документов высших правительственных учреждений, включая ставку Гитлера!

Дорога в Италию 12 декабря 1931 г

Я не удержался и спросил Шандора:

– После Победы прошло более тридцати лет, сейчас, видимо, что-то удалось узнать об источниках Люци?

– Именно – что-то. Скажу, что мне известно. Из узла связи верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) ежедневно в войска уходило несколько тысяч директив и других сообщений. Они не шифровались – набивались на бумажные ленты и по линиям связи передавались адресатам. Однажды немецкий офицер Берндт Руланд заметил, что две девушки-телеграфистки не уничтожают эти ленты, как было положено, а прячут. Он вызвал телеграфисток, побеседовал с ними и... промолчал. После войны Руланд стал журналистом, издал книгу «Гроза Москвы» – так она, кажется, называется, – где рассказал и об этих девушках.

Позже, работая над статьей, я узнал из книги бывшего сотрудника внешней разведки, полковника КГБ Владимира Пещерского «Красная капелла», что книга Руланда называется «Око Москвы». И что, кроме бумажных лент, был и другой канал. Сведения, пишет В. Пещерский, передавались по служебному телефону из Берлина в Милан в штаб немецких войск в Италии. И уже оттуда информация от верных людей поступала к Люци. Кроме того, у Ресслера-Люци были информаторы в правительственных кругах Германии. Имена их неизвестны. Разведчики-профессионалы, убежден В. Пещерский, умеют хранить молчание.

Но вернемся к рассказу Радо.

– Книга Руланда вышла несколько лет назад в Цюрихе. Вскоре после этого я получил по почте конверт, отправленный, судя по штемпелю, из Будапешта. В конверте – вырезанное из немецкой газеты объявление: некие люди выражают соболезнование родным и близким Берндта Руланда, погибшего в автомобильной катастрофе. Мы знаем, как происходят такие аварии. Я думал, этот текст – просто информация, а друзья утверждают, что он больше похож на предупреждение: тоже, мол, много знаешь. Но я, – смеется Шандор, – хожу пешком. Судьба телеграфисток точно мне неизвестна. Одна... Впрочем, пока не будем о ней говорить.

По сути, антифашист Ресслер в одиночку создал весьма эффективную разведывательную сеть, а многие тайны, с ней сопряженные, унес в могилу. Умер он в 1958 году, похоронен близ Люцерна.

Àíàòíèèé Áòòíàè- (àááí ò Éáí ò). 1939 á

Говорю Шандору:

– В книге вы пишете, что после войны в течение нескольких лет были лишены возможности выяснить, как сложилась дальнейшая жизнь ваших соратников. Потом кое-что прояснилось. А сами-то вы чем занимались в первые послевоенные годы?

Радо с некоторым удивлением поглядел на меня, помолчал, потом усмехнулся:

– Не стоит об этом.

Я кивнул головой: дескать, понимаю, негоже спрашивать человека с такой биографией о подобных вещах. И только много позже понял, какой бестактный вопрос задал...

По одним сведениям, события развивались следующим образом. В начале 1945 года Радо и еще несколько разведчиков-нелегалов вылетели из Парижа в Москву. Война в Европе продолжалась, поэтому маршрут выбрали круглой – через Египет, Турцию, Иран. Опытный разведчик, Радо понял, что ему не доверяют. В Каире, где самолет приземлился на сутки, Шандор объявил, что приболел и идет к врачу, а сам направился в английское посольство. Англичане, судя по всему, ему не поверили.

После неудачной попытки Радо со

вершить самоубийство египетские власти выдали его советским представителям; в Москву он был доставлен под конвоем.

Другие источники утверждают, что еще в Париже Радо арестовала военная контрразведка (СМЕРШ) и переправила в Москву.

Дальше все свидетельства совпадают. Особое совещание в конце 1946 года приговорило Радо к десяти годам заключения за шпионаж и предательство. Вот о чем не захотел говорить Шандор! А мне и по

сию пору стыдно за свой грубый журналистский промах. Плохо, видно, подготовился к встрече. Я знал книгу Радо, в беседе с ним свободно оперировал именами, датами, фактами. Но не ведал о страшном периоде его жизни. Не знал и о том, что та же участь постигла и некоторых его сподвижников. К десяти годам заключения были приговорены Сиси (Рашель Дюбендорфер, девичья фамилия Гепшнер) и ее муж, тоже советский разведчик, Пауль Бетхер. До этого Рашель арестовали в Швейцарии, и тамошнему суду, дабы не «подставлять» Москву, она сказала, что работала на англичан. На Лубянке это посчитали серьезным аргументом для ареста. В 1956 году Рашель наконец получила свободу. Военная коллегия прекратила дело «за отсутствием состава преступления». Разведчица с 1935 года, она только через 30 с лишним лет была награждена орденом Красного Знамени. Полностью реабилитировали и Пауля Бетхера.

Но вернемся к Радо. Отсидев почти весь срок, он в 1954 году вышел из заключения. Дело прекратили, он вылетел в Будапешт и попал... из огня да в полымя. В дни венгерского восстания 1956 года его дом окружили повстанцы: Радо был в списке коммунистов. Ему бы не избежать расправы, если бы кто-то не вспомнил, что он сидел в застенках НКВД.

Mit herzlichen Wünschen

Koehn Werner
7. Oktober 1985

Είτε, ἴλασθαι τὰ ἀποδοκίμασι καὶ ἰατρῶν Διὸς Ἄδρια: «Ἄ ἰαεὺσσι ἐ ἰταεῖαι ἐγὶ ἐ. 7 ἰεὺγῶν 1983».

Разноречивы и сведения о наградах Радо. По одним данным, он награжден орденом Красного Знамени, по другим – орденом Отечественной войны I степени. А в уже упоминавшейся книге В. Пещерского говорится, что 7 ноября 1942 года «Директор» (так в донесениях Радо именовался начальник разведуправления) сообщил Шандору, что он награжден орденом Ленина. Награду не вручили, и до сих пор неизвестно, где она.

И еще об одной несправедливости. Я спрашивал Радо о разведчиках, которые не входили в его группу, но были с ним связаны: о Соне, Кенте, других. О Соне он немного рассказал, а вот о Кенте в книге написано не слишком благожелательно. Примерно так: чересчур самовлюбленный, мне подобные люди не по душе. И даже сказано, что после ареста Кент, смелодушничав, кое-что рассказал в гестапо и тем нанес тяжелый удар швейцарской группе.

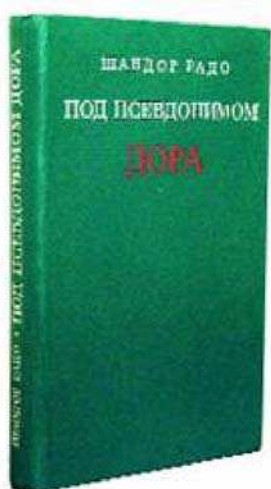
Я поинтересовался у Шандора, известно ли ему, откуда взялся Кент и какова его послевоенная судьба. Тот ответил, что расспрашивать о человеке у них было не принято, но припомнил, что Кент неважно говорил по-французски, зато великолепно владел русским.

То, что ленинградец Анатолий Гуревич – он же Кент – прекрасно знает русский язык, неудивительно. Но, думаю, Радо немного слукавил, когда сказал, что потерял его из виду. Как и Шандор, Анатолий Маркович по возвращении в Москву был несколько раз арестован, просидел в лагерях много лет и полностью реабилитирован аж в 1991 году. Напомню: книга «Под псевдонимом Дора» вышла в 1976 году, а готовилась еще раньше. Встречался я с Радо годом позже. В то время клеймо «предатель» с Гуревича-Кента не было снято. И Доре, видимо, «дали понять» это.

Неведомо, знал ли Шандор всю правду о Кенте, о том, что тот не назвал гестаповцам ни фамилии, ни адреса Радо, не упомянул о новом шифровальном коде, который привез в Швейцарию. Можно предположить, что Шандор не знал и о последнем подвиге Гуревича. Брошенный в фашистскую тюрьму, Анатолий Маркович сумел завербовать (!) гауптштурмфюрера СС и еще двоих сотрудников гестапо и доставить их в Москву с документами. Невероятная история! Знай ее Шандор Радо, он, полагаю, отозвался бы о Кенте более дружелюбно.

А.М. Гуревичу, единственному оставшемуся живым до наших дней руководителю знаменитой антифашистской группы «Красная капелла», сейчас девяносто. Как пишет газета «Известия», его признали участником Отечественной войны и даже воином-интернационалистом – за участие в войне в Испании. Посчитали уволенным из рядов Вооруженных Сил с 1960 года. Помилуйте, а как же годы, проведенные в советских лагерях? Живет Анатолий Маркович в Петербурге. По праздникам не выходит в пиджаке с орденскими планками: нет у него наград.

Горько писать об арестах и лагерях, о чудовищной несправедливости. Но из песни слова не выкинешь. Что было, то было...

prof
Владимиру
Шибину
На память
Шандор Радо
Торонто, М. К. 1977 г.

Ét'èè ñààòíààóíì Oáíáí àà Dááí.

* * *

«Имей мы в Англии пять Сонь, война кончилась бы раньше»... Связному из Москвы дали поручение передать эти слова «Директора», начальника разведуправления Генштаба Красной Армии, советской разведчице Соне.

Осенью 1983 года я собрался в командировку в ГДР. Из книги Шандора Радо, из разговора с ним я уже немного знал о Соне. К тому же основательно проштудировал автобиографические записки Рут Вернер «Соня рапортует». Попросил коллег из германского шахматного журнала договориться с ней о встрече. Мне было известно, что Рут работала в Китае вместе с Рихардом Зорге (вероятнее всего, именно он дал ей псевдоним Соня), что она закончила разведшколу в СССР, работала в Польше, Швейцарии, Англии, что она – мать троих детей. Любопытно: Соня дважды уезжала на задания на длительный срок вместе с другими разведчиками; по безупречно изготовленным документам каждый числился ее мужем, но со временем действительно становился таковым – по любви.

Впрочем, был и смешной казус. С первым мужем, Рольфом, Рут провела три года в Китае. Он и понятия не имел, чем на самом деле занималась его жена, слыхом не слыхал о Зорге. Потом Рут и Рольф развелись. То ли Центр не ведал об этом, то ли хотел склеить разбитое, но в командировку в Польшу вместе с Рут – в качестве законного супруга – отправили... Рольфа! Правда, в это время он уже тоже стал работать на советскую разведку.

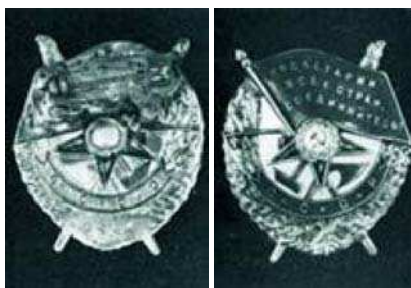
Ēāī (Ēāī Āāō īī). çāīī āī ó 25 ēāō.

Я знал, что Рут награждена несколькими орденами Красного Знамени. Первый ей вручил М.И. Калинин. Носила она его один день, сдала куда надо, и орден возвратили ей через четверть века. Знал и о том, что за двадцать лет работы она ни разу не попала в лапы контрразведчикам. Редчайший случай в практике разведслужб!

Рут встретила меня очень приветливо. Никак нельзя было предположить, что ей сильно за семьдесят: быстрая, подтянутая, с живыми глазами. А память какая! Первым делом показала мне ухоженный садик, окружавший ее двухэтажный коттедж на окраине Берлина. Затем мы перешли в дом. Удивило, что Соня не говорила по-русски, хотя некоторое время жила в Москве.

– Забыла, – лаконично объяснила она, – нет практики.

Но это было только началом моих «открытий». Оказалось, что Рут Вернер – тоже псевдоним, уже литературный. Настоящее имя Сони – Урсула Кучински. Родилась она в еврейской семье статистика Рене Роберта и художницы Берты. Первый ребенок в семье был мальчик, Юрген, он, кстати, потом активно помогал сестре в разведработе. Урсула стала вторым ребенком, а затем родились одна за другой еще четыре девочки.

Ī āāāī ē īōāāī Ēōāīī īāī çīāī āī ē Đōō Āāōī āō āōō-ēē Ēāēēī ēī.

Āōīōēē īōāāī Ēōāīī īāī çīāī āī ē Đōō Āāōī āō

Рассказываю Урсуле о встрече с Радо, говорю, что он высоко оценил ее работу в Швейцарии, но думал, что Рут Вернер – ее подлинное имя. Она смеется:

– И у великих разведчиков случаются проколы.

Урсула тоже тепло отзывается о Шандоре и Лени Радо, говорит, что благодарна судьбе за то, что та свела ее с легендарными разведчиками Зорге и Дорой.

– Меня направили в Швейцарию, – рассказывает она, – руководить небольшой разведгруппой еще перед войной, направили с заданием работать против Германии. О группе Радо я тогда ничего не слышала, хотя и предполагала, что я не одинока в этой стране. Когда же Шандор лишился связи с Москвой, Центр приказал мне встретиться с ним и подготовить для него двух радистов. Что я и сделала. Но первое время, пока занималась с радистами, сама садилась за ключ, передавала сообщения Радо, принимала для него радиограммы.

– Почему вы покинули Швейцарию? Ведь дела у вас шли хорошо.

– У нас была информация о том, что в высших германских кругах вынашивается идея оккупации Швейцарии. Представляете, что они сделали бы со мной – еврейкой, эмигранткой-коммунисткой? Я очень боялась за детей и была благодарна Центру за понимание ситуации. К тому времени отец, мама и сестры уже перебрались в Англию. Центр приказал мне выехать туда же. Но у меня не было английского гражданства. Тогда я оформила фиктивный брак с одним из моих помощников – англичанином Леоном Бертоном.

– Лен! – позвала она. – Журналист из Москвы хочет с тобой познакомиться.

Со второго этажа спустился высокий мужчина в спортивном костюме, мы обменялись рукопожатием. Узнав, что я воевал, он разговорился и вообще был очень приветлив. (На какой-то юбилей Октябрьской революции Урсулу пригласили в Москву. А Лену приглашение не прислали. Забыли? Не хватило денег на билет? Ох, как некрасиво!)

– После оформления брака я не без труда получила английское гражданство и вместе с детьми поехала в Англию. (Лен остался помогать Радо.) Это было тяжелое путешествие. Прибыла я измученная, а потом еще несколько месяцев не могла встретиться со связным из Москвы. Все было условлено: место, время встречи, пароли, запасные варианты. Оказалось – связник попал в автокатастрофу и не мог прийти в назначенные дни. Наконец, когда я уже потеряла всякую надежду, наша встреча состоялась. О, какая это была радость!.. – Урсула вдруг засмеялась. – Центр этого знать не мог, но улицу, где мы должны были встретиться, облюбовали лондонские проститутки. Они бросали на меня откровенно враждебные взгляды: усмотрели конкурентку! А тут еще клиента увела... К тому времени я потихоньку приобрела все детали для радиоприемника.

– Когда это произошло?

– В мае 1941 года. А уехала я из Швейцарии в декабре 1940-го.

– Разведчик в стране-союзнице...

– Понимаю, о чем вы. Во-первых, в то время Гитлер еще не напал на СССР. А во-вторых, и это главное, мы – как и в Швейцарии – работали против нацистской Германии. И если бы, предположим, англичане задержали меня, у них не было бы повода обвинить советскую разведку в нанесении ущерба Великобритании. Хотя, как известно, союзники не всегда делились с СССР своими сведениями о противнике. Потому наша информация о намерениях вермахта, положении в рейхе была полезной.

Скромничала Соня: ее сообщения в Москву были не просто полезны, а очень важны. Информаторы Сони служили даже в Бюро стратегических служб (БСС) – разведке США в Европе. Сверхсекретные обзоры БСС о выпуске военной продукции в Германии составлялись дважды в месяц всего в нескольких экземплярах – для Рузвельта, Черчилля и Эйзенхауэра. Но почти одновременно оказывались у Сталина. Разумеется, благодаря не БСС, а Соне.

Или, скажем, американская разведка стала вербовать немецких эмигрантов для подпольной работы в рейхе. Список будущих нелегалов практически готовила Соня, согласовывая его с Москвой. Все кандидаты, кроме двух, были одобрены БСС и после подготовки сброшены на парашютах в разные районы

Германии. Можно предположить, что информация от них поступала в Москву даже раньше, чем в Вашингтон.

Őai ői ő ői. 1970-á ő

Я попросил Рут рассказать еще что-нибудь о работе в Англии. Она подошла к книжной полке, достала книгу «Соня рапортует» и сказала, что здесь написано все, о чем стоит вести речь. Тем не менее, нашлось все-таки кое-что, тоже интересное, про что в книге было сказано вскользь или вовсе не говорилось. В только что изданном исследовании историка Валерия Кочика «Разведчики и резиденты ГРУ за пределами Отчизны» (изд-во «Яуза», Москва) повествуется о том, как немецкий физик-атомщик Клаус Фукс, эмигрировавший в Англию, связался с Соней. Произошло это летом 1942 года. Именно в том году начались интенсивные работы по созданию атомной бомбы в Англии, США и СССР. В 1943 году Фукса направили в США для участия в проекте «Манхэттен». Перед отъездом он получил у Сони инструкции для установления контакта с советскими разведчиками в Соединенных Штатах. Из Англии и США Фукс передал советской разведке, по словам В. Кочика, 1018 листов разных сведений, 116 фотокопий и 5 образцов. Не надо быть специалистом, чтобы оценить важность этой информации.

Я помогаю Урсуле поставить книгу на полку. Смотрю на корешки, – ба, тут десятка полтора ее сочинений – романы, повести, рассказы. Она вынимает книгу Радо с дарственной надписью.

– Шандор умер в прошлом году, – говорит Рут. – Я узнала об этом уже после похорон.

Для меня это печальная новость...

По моей просьбе Урсула достает из шкафа китель с погонами полковника Советской Армии. На нем два ордена Красного Знамени, без орденских лент. Из женщин, пожалуй, только летчицы женского авиационного полка удостоивались таких наград.

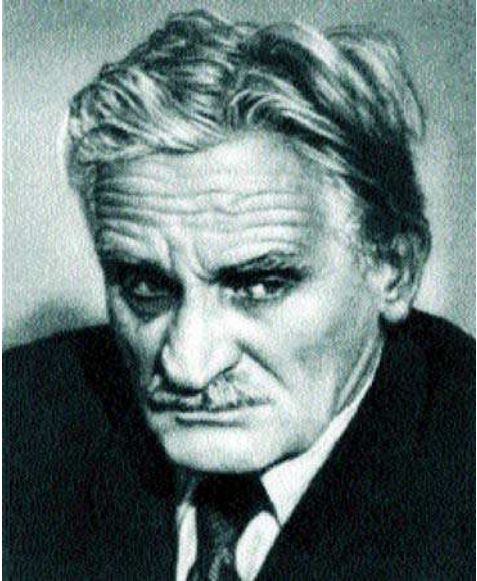
Мы пьем чай. Урсула рассказывает о детях – у них свои семьи, она уже бабушка и скоро станет прабабушкой.

15 мая 2000 года Урсуле Кучински исполнилось девяносто три. А почти через два месяца – 7 июля – она скончалась. Похоронена легендарная Соня на маленьком берлинском кладбище. Там же, где тремя годами раньше обрел вечный покой Лен.

Нет, он не станет заниматься этим недостойным самообманом. Он знает: Джойс тут очень даже при чем. Джойс сложен, элитарен, а следовательно, пренебрежителен к черни уж никак не меньше, чем Шостакович. Значит, рано или поздно обязательно дойдет дело и до Джойса. Если он не расправится с Джойсом сейчас, потом ему будет это сделать гораздо труднее. Нет уж, лучше заблаговременно вырезать и этот кусок зараженной ткани.

«Ὅτι αἰεὶ ἐὲ ἀἰεταί ἀἰατεοῦ - αἰεταεὶ «Ἄα, ἄα, ἄα», ἃ Ἀεἰτεῖν ἀἰατεοῦ: «Ἴαδ, ἱαδ, ἱαδ». Ἀἷα ἱεῖσι ἱά και εἶα - ἀἰατεοῦ Ἀεἰτεῖν Ἐ ἱῖγῶσι ὁ αἷα αἷ αἷ εἶαεῖν ἱπῶσι αἷα ἱ αἷα ἱά ἱαεἶα.. Β ἱ δεῖαῖο ἱ δεἶ αδ ες Ἀεἰτεῖν. Ἰοῖο ἱεῖαοἶαεῖν ἱεῖαεῖ: «Νῦθ - γοῖ οῖοῖ ἱ ἱεῖεἶα». Ἀῖο, οῖαδευε, εἶε ἱοδῶσι. Ἰεῖαοἶαεῖν ἱαἱαἱα εἶεἶαεῖ ἱπ ἱοδῶσι ἱεῖεἶα. Νεῖαεῖ, -οῖ ἱεῖεῖ ἱ ἱεῖαο αἱοῖ ἱ ἱοδῶσι. Ὅῖοῖοῖ γοῖ ἱεῖαῖοῖ? Ὅῖοῖοῖ. Ἰοῖ ἱεῖαῖοῖ ἱοδῶσι, ἱ ἱ ἱ ἱ αἱ οῖοῖ οἶεῖ ἱοδῶσι. Ἰ ἱ οῖοῖ οἶαεῖαῖοἶαἱ ἱεἶεἶαεῖοῖ-αἱεῖεῖ ἱοδῶσι. Ἀ ἱ οῖοῖ-εἶ οἶαεῖ γοῖε ἱοδῶσι ἱεῖεῖαἱ ἱα ἱ ἱεῖαο αἱοῖ οῖοῖοῖ, ἱἱ οἶαεῖ ες αἱεῖε ἱ οἶαεῖ α ἱοδῶσι εἶα, ε ἱῖγῶσι ὁῖοῖ αἱεῖ αοδῶσι».

Ρ δεῖ Ἰεῖαο: «Ἀἱεῖ γ ἃ - αἱ - ἱεῖαῖοῖ ἱ αἱεῖαοῖοῖ ἱπ ἱοδῶσι, οῖ αἷ εἶαοῖα εἶεῖεῖ ἀἱεῖαἱ αἷα ἱ αἷα ἱῖοῖεἶαοῖ..»

Олеша и не думает скрывать, что метафора Джойса его восхищает своей поразительной точностью. Не скрывает он и того, что мир, из которого вдруг исчезли бы метафоры, представляется ему самым страшным из кошмаров, какой он только способен вообразить. И вот он утешает себя тем, что метафоры останутся. В конце концов, – успокаивает он себя, – ведь фраза Сталина об «экспорте революции» – это тоже метафора! Задача, таким образом, заключается не в том, чтобы научиться жить совсем без метафор (это было бы слишком ужасно!), а всего лишь в том, чтобы разлюбить одни метафоры и полюбить другие.

Вот такая сложная была проделана работа. И вот что самое интересное: в отличие от ситуации, придуманной Оруэллом, в реальной жизни оказалось, что палачу вовсе не нужно было быть умным, проницательным, всезнающим. Интеллигент сам выдумал своего палача, усложнил его, наделил несуществующими свойствами. Интеллигент сам убедил себя в том, что палач что-то знает. Он уверил себя, что палач знает нечто такое, что ему, интеллигенту, неизвестно и недоступно.

«Глубоко и упорно думал о Сталине; как художник – впервые», – потрясенно признавался Пастернак. И испытал непреодолимую потребность встретиться со Сталиным и поговорить с ним «о жизни и смерти».

Зачем это ему понадобилось? Что нового мог сообщить питомцу Марбургского университета, ученику Когена человек, который развлекался плясками под баян и украшал стены своего кабинета цветными фотографиями, вырезанными из «Огонька»?

Предполагалось, что этот человек может сообщить интеллигенту очень много нового и интересного, потому что он знает главное, потому что ему ведом «смысл философии всей».

А интеллигента хлебом не корми, только укажи ему какого-нибудь ублюдка, который научит его – как жить. Особенно, если упомянутый ублюдок будет сделан из какого-то другого, не интеллигентского теста.

Удивительная это черта у интеллигентов – искать смысл жизни где угодно, только не в своих интеллигентских занятиях.

Впрочем, странность эта возникла не зря, она имела свои основания.

* * *

Интеллигент всегда сознавал свою неспособность устроить жизнь. Интеллигент способен только размышлять о жизни, думать о ней, сомневаться, колебаться, взвешивать, искать. А устраивают жизнь, организуют ее, как правило, – другие, не обремененные ни лишними знаниями, ни грузом сомнений, но наделенные зато энергией, силой, деловой практической хваткой. И надо ли удивляться, что они устраивают жизнь по образу и подобию своему. И жизнь в результате оказывается устроена так, что интеллигенту в ней нет места.

Интеллигенту, разумеется, очень хотелось бы, чтобы талант устроителя жизни, эта деловая практическая хватка сочеталась с высокой жизнью духа, с остротой ума и мягкостью души. Недаром Гончаров, осудив своего Обломова за неспособность участвовать в устройстве жизни, наделил его антипода Штольца всеми лучшими чертами, свойственными прекрасной обломовской душе. Штолец и умен, и образован, и добр, и тонко чувствует музыку, и любит живопись. Одна беда. Откуда взять таких Штольцев?

Осознав свою неспособность принять участие в устройстве жизни, интеллигент стал заниматься самоосуждением. С гневной иронией, с презрением и даже ненавистью стал он вглядываться в наиболее характерные черты своей интеллигентской натуры.

Сперва предполагалось, что осуждению подлежит не интеллигент как таковой, но лишь определенный тип интеллигента.

Осуждению подлежал тип Гамлета.

С наибольшей отчетливостью и ясностью эту концепцию выразил Тургенев в своей знаменитой речи о Гамлете и Дон Кихоте. О характерных свойствах гамлетовской натуры, о склонности его к анализу, о его постоянном стремлении представить себе последствия, а значит – смысл каждого своего шага, Тургенев говорит с таким несправедливым запальчивым уничижением, что просто диву даешься.

«Ἐὸί, ἀδόξαίη μάϊρ, ἀγαί ἀέ αὐ μάδα δαίη-εὐάαοῦ ἐ ἀγαεάοῦ αἶν ἰπῆαῖοαεῦ, ἀφ ἀδύοἰπῶῦ ἰεῖαῖ μάαῖ ἰπῶοῖεα, οἶο αἶαῖ ἐε ἢ ἰπῆαῖ ἰα ἢἰ ἰἰαδοαῖαῖεα Ἰ Ἀαἰ εἶοἰ ἰε-αῖ ἰἰαῖαῖ ἰἰ ἢο-εὐοῖῦ ἰα ἰ ἰαοῖ: αἰ ὅ ἐε, ἢ αῖ ἰοἰεοῖοαεῖῦ ἰἰ, οἰεεἰ, ἢαἰ ὅε-αἰεἰ οἰ ἰἰ, αἰ ὅ ἐε αἰαῖοῦ ἰ οαεφ ἀλαφ ἰσεαεῖ! Ἰαο, ἰἰ ἰα αἶαο ἢλαεοῖῦ ἢ αοδῦἰ ἰἰ ἐ ἰ αεῖἰ εἶοαἰ ἐ, ἰἰ ἰα αἶεο ἰ αἶεεαἰἰά.. Ἰἰ ἰἰ αὐ ἐ ἰα ἰαἰαε ἰα ἰεῖ, ἀπὲ αὐ ἰἰ ἐ οἰ-ἰἰ ἢἰαῖοαἰαεε».

Тургенев искренно полагал, что он лишь противопоставляет два разных типа интеллигента, что речь идет о том, интеллигенту какого типа следует отдать предпочтение.

А между тем речь шла о другом, и выбор был уже сделан. Речь шла об отказе интеллигента от главного своего достояния – стремления к истине.

То обстоятельство, что Дон Кихот в отличие от Гамлета вовсе не занят поисками истины, Тургенева ничуть не смущало. Это не казалось ему таким существенным.

È.Ν. Όδάκι άά «Έοί ήάάο? Ϊ ίάάο άύού ή έηδέιύ όίάά ίάο, όάέ άά έάέ άάέέάί ίά?»

«Έοί ήάάο? Ϊ ίάάο άύού ή έηδέιύ όίάά ίάο, όάέ άά έάέ άάέέάί ίά?.. Έοί έή ίάή ί ίάάο, άίάόηάάόίί άί όίηέά ηάή, ηάηέ ί όίόάάέά, ηάηέ ί άήόίυηέά άάάέάί έή, έοί άάέέόή όόάάέάάόύ, +οί ίί άήάά έ άί άήέί ηέ-άά άάέέ-έό έ άάέέ-άέ όέθβέή έ-έέ ίέίάήίύέ όάή ίό άίέάάί άά ήέίόίά έέάί ά?. Ϊ ίόί ό ίάί έάάέόή, +οί άάάί άά έί ά έήάί ίήέ έ έέά ηά ίά άάάέάί ύ... ά άάέέόάό - ά όέά ηάάά. Ϊ έ ίά έ ί ίάό ίίέάάόύ ίάί, η ί όέήάέάί έ έέ ί ύ άί όίέέή η άάέήόάέόύ ύί έ έέ άάάί έ, έ έάέί ίόάέάί ίίέόήέ ί ύ ίάέέ άί έί άί... Ϊ άά άάέ άί ίόάέέόύ έ άί όί όύή».

Интеллигенты приняли эту прекрасную программу. Они следовали ей долго и упорно. Они боролись не щадя сил. Они пролили моря крови, не помышляя об истине, доверяясь только собственной искренности, силе и прочности своих убеждений. И надо ли удивляться, что они не нашли в себе сил сойти с этой кровавой колеи, когда оказалось, что впереди – вместо верного великому идеалу безумного Рыцаря Печального Образа – в роли их вождя и учителя оказался совсем другой персонаж.

Этот другой персонаж интеллигентам сперва не понравился. Но поскольку он вел их по тому самому пути, который, как это было им доподлинно известно, обязательно должен был привести их в землю обетованную, интеллигенты решили, что они во что бы то ни стало должны победить свою ни на чем не основанную антипатию.

Интеллигенты новой эпохи не имели уже никаких иллюзий насчет тех, кто прочно взял в свои руки дело устройства жизни по новому, идеальному образцу.

Андрей Бабичев у Юрия Олеши, в отличие от гончаровского Штольца, не испытывает ни малейшей потребности ни в музыке, ни в стихах, ни в цветах, ни в листьях. В его душе нет и тени нежности и любви. Да и вообще, можно ли с уверенностью сказать, что у него есть душа – у этого, как сказали бы мы сегодня, кибера, у этого бесчувственного думающего устройства.

Кавалеров, о котором Олеша честно сказал «он смотрел на мир моими глазами», ненавидит и презирает Андрея Петровича Бабичева всеми силами своей души. Но однажды Андрей Петрович взял с собой Кавалерова на аэродром, где должен был состояться взлет советского аэроплана новой конструкции. Кавалеров слегка зазевался, и часовой перед самым его носом закрыл калитку, ведущую на взлетное поле.

«Военный сказал “нельзя” и положил руку на верхнее ребро калитки. – Как это? – спросил я.

Он отвернулся. Его глаза устремились туда, где разворачивались интересные события...

– Пропустите меня, товарищ! – повторил я, тронув военного за рукав, и в ответ услышал:

– Я вас удалил с аэродрома.

– Но я же там был. Я только на минуту уходил. Я с Бабичевым!..

Конечно, меня никак бы не огорчило, если бы я и не попал на поле. И здесь, за барьером, было отличное место для наблюдения. Но я настаивал. Нечто более значительное, чем просто желание видеть все вблизи, заставило меня полезть на стену. Я вдруг ясно осознал свою непринадлежность к тем, которых созвали ради большого и важного дела, полную ненужность моего присутствия среди них, оторванность от всего большого, что делали эти люди, – здесь ли, на поле, или где-либо в других местах.

Сцена эта глубоко символична.

Интеллигенту, при всей его антипатии к тем, кто творит «большое и важное дело», мучительно, нестерпимо сознание своей оторванности от них, непринадлежности к ним, непричастности к «тому большому», что они делают.

Книга называется «Зависть».

Кавалеров завидует Андрею Петровичу Бабичеву. Но зависть эта не так уж мелка, как это может показаться с первого взгляда.

Кавалеров завидует не льготам, не привилегиям, не тому, что Андрей Петрович Бабичев находится «у власти», получает большую зарплату и т.п. Он завидует тому, что Андрей Петрович Бабичев в отличие от него, Кавалерова, «творит большое и важное дело».

«Большое дело», которое творит Андрей Петрович Бабичев, – это строительство гигантского пищевого комбината, гигантской фабрики-кухни под названием «Четвертак». Это будет нечто неслыханное, не имеющее никаких аналогов. Сверкающий чистотой автомат, выдающий вкусные, дешевые, питательные, калорийные обеды.

«Колбасник!» – кричит в раздражении Кавалеров Андрею Петровичу Бабичеву. Это не метафора. Андрей Петрович действительно колбасник. Он сияет при виде нового сорта колбасы. Самая большая мечта его жизни – наладить производство такой колбасы, которая была бы дешевле, вкусней и питательней всех колбас мира.

А Кавалеров – поэт. Как бы ни был он жалок, смешон, даже ничтожен, все-таки ведь не зря именно ему Олеша подарил свое удивительное зрение, редкую способность глубоко и тонко чувствовать мир.

Поэт и колбасник. Зачем они противопоставлены друг другу? Разве поэт может конкурировать с колбасником? Завидовать ему?

У колбасника – свое дело в жизни. (Очень почтенное, кстати говоря.) А у поэта – свое. Они живут в разных сферах, в разных плоскостях, в разных измерениях. Как могло случиться, что их пути пересеклись?

Случилось это потому, что Андрей Петрович Бабичев строил не просто фабрику-кухню, не просто столовую-автомат, где чисто и дешево должны были готовиться вкусные и питательные обеды. Он строил хрустальный дворец, о котором веками мечтали люди. Он строил то самое здание, о котором говорил Иван Карамазов своему брату Алеше.

*«I dānōānū ÷ōī ōū... ārcāāēōū cāāēā nāūāū ÷āēīāā-āīēē n ōāēp ā ōēīāēā
īn-ānōēēāēōū ēpāāē, āāōū ēī, īāēīāā, īēō ē īīēēē, īī āēy yōīā īāīāōīāēī ī ē īāī ēīōū ī
ī dānōīyēī āū cāī ō-ēōū āīāā ēēōū īāī ōīēūēī ēdīōīōīā n cāāīūōā, āī ō ōīā īāī īā dāāī ī-ēā,
āēāōāā īāy ēēā-āī ēī ā āāū, ē īā īāōīī ūāī īūō nācāāō āā īn īāōū yōī cāāēā n āāēēy ēē
āū ōū āūōū ādēōāēōīōīī īā yōēō āēīāēyō?»*

Алеша, как известно, ответил на этот вопрос отрицательно. Но мир стоит не на Алешах Карамазовых.

Архитектор нашелся. И строительство началось. И в фундамент строящегося здания пролились моря детских слез и океаны человеческой крови.

«Çàæñòó» Ρδέγ Τέσσε πωδύτε ιδρέγγουέ αιδόν Αίνολάσεία όιδι όεοδράσέγγ όεά πδάζι πδόν ίαί Ιί όιδι όεοδράσέγγ όαε:

- **Ί δάινδάαί :οί ου άζαίάεου çáí éá πνύύύ :άείάα:άείέ ή όάέυρ ά όείάεά - ίά ήν:άνδέεάεου έβάάε, ίάδ, γοί όάά ίά άάί, - άύά έέου ίάείδ έού έό. Ίάείδ έού άύά πείάίύ, άύά ίάεάβύέέγγ. Ίί άέγ γοίά ίάά ίόεάçòύγγ ίό μίμáίήδε :çáñòáíáòú è ήήεί άού ίδεδράó, έμύούάάού αάείήδύ ίάείήδύ έβάίάί Είά:ά πάίδγ, ίάά όέου ήγγεβ. Νίάάέέγγ άύ όú άύού άδδεδάέοίδύ ίά γόέό άείάέγ?**

Ά όό ήδύ έίάά Τέσσε ίέπé πύρ «Çàæñòó», όάέγγ ήήνδάίάεά αιδόνά άύέα ή:άύ άέόάέύύ ή. Όίάά άύά έάçέήύ :οί ίά γόέό άείάέγ çáí éá άάπύέίάί ήήνδύγ. Όάεά ήγγεβ, :άείάα:άνδάί, έίά:ίί, ίά ήν:άνδέέγγ, ή ίάείδ έού-οί ίάείδ ή. γοί όε όή:ίί!

Έόάε, ίά ήήέ :άσά άύά - άδόνή:έα είόάέέέάί όίά ή ήήεί è όήέεί è :çáñòáí è. Ά ίά άδύάέ - ή έέέήύ άείάίύ, έάεάύέ εç έίόίδύ ί ίάέό ήήέ:έού ή άέόσάέή

Άπό ή:άί ό ίάδπéέή ή όέ ήγγά è έίέάή έεά Άπό ή:άί ό είόάέέέάί ό ίδεδάε έ άείάέού ή έ άάçέήύύ πδρέόάέγγ «χάόάδδάέά», è γόεί ά όύάάί ήέ:άά ίάίάέήόύύ, ά έέ:σάί - ήάάέάί ή :άέεί ά έβάγγ. Ίδεδάε ήάείήδάί ή έάέυρ - πεάçòúεί : «β - άάσ!»

* * *

Очень наглядно изобразил в одном из своих рассказов эту коллизию Михаил Зощенко.

«К партизанам пришел пожилой человек, по облику похожий на какого-то интеллигента старинной формации. Длинные волосы и борода подчеркивали это сходство. Недоставало лишь старомодного пенсне со шнурком. Впрочем, именно такое пенсне и оказалось у него в кармане...

Партизаны отвели его к комиссару отряда, и тот стал допрашивать его... Оказалось, что он пенсионер, инвалид, экономист по образованию Константин Сергеевич Х.

– С какой же целью вы явились к нам? – спросил его комиссар.

– Я пришел поговорить с вами, – ответил Х. – Поговорить обо всем, что я передумал за эти военные годы.

Комиссар с удивлением посмотрел на него, сказал:

– Ну, знаете, для этого у меня нет ни времени, ни охоты.

– Но это очень важно для меня, – с волнением сказал профессор. – Я прошу у вас об этом как о драгоценном даре.

Профессор говорил витиевато, непросто, приподнятым тоном. Комиссар не без досады глядел на этого старомодного человека, выкинутого военной бурей на поверхность жизни.

Волнуясь и дергаясь, профессор сказал комиссару: – Я пришел сказать вам о своем духовном и моральном перерождении. У меня нет больше колебаний и нет больше сомнений. Я теперь целиком ваш...»

Рассказ кончается так:

«Ά çáí έγγίέό άίσάέ δάάέήδ. γοί άύέ ή ήήάήέ :άείάάé - πδύάάί ό όδδούάά έούή έίήέόόόά πγγε Άέέόίδ Β. Ίί ήδεδάé ή έέέού. Ίδεδάé ά ήήήέ άεί ίάήδάέά ά άύήέέό ήάίήάó, άάç όόδάεέ. Νέγγέα ή ήήάήήδε è çáíδράγγ ήήάάέή άά ήήήήήά έέόί, :όού όδδύόόά έάέεί δύ ήίόάί.

- Βαλέϊάϊ ι ά, - νεάçæ δαεήñ, ιϊάααγύ εήι εήñδó εεήñóτê áúí ááê. - Ιδέεάçαόά ιϊάτæάάóúιόάάòά?

- Ιδέηγáúòά, Άεéοιò Ιέετέααéε, - νεάçæ εήι εήñδó δαεήñό - Νάé:áñιáιέθóιόάú.

Éήι εήñδó ñóæ ιεήñóú Ιά ι εήιόó çáúú áéñγ. Δáñγύιιι áçæγύóé ιά δαεήñόá Ιίòιι ιάδúáé áçæγá ιά ιδιόáññδá.. Éáéιé ιϊδáçεóáéúúúé εήιόδúñò. Ááá ι εδá ιάδúá ιέι. Νòáδúé, θóááθéé ι εδ, è ιíáιé - ñιέιέιúé, ááδúáιúé á ñáιέθ ñεéáð, òι:ιι çíáβúéé, ÷òι ιááñ ááéáóú áéγ òιáñ, ÷òιá æéóú

Éήι εήñδó ιέéééιόé ιδιόáññδá, áéçá εήιòιδιá áúéé ñι εήιόóú:

- Ιό, á áñáιé ι ιέíáññòé, ιδιόáññδ, áú æá ιά áúéé òáéèι, éáé ñé:áñ?

Ò. Ιóέδúé áéçá. Éðιòéι áçæγύóé ιά εήι εήñδá Νεάçæ:

- Ά ι ιέíáññòé? Ιάó, ιϊæáéóé, γóι áúé ιæáίέáá òδúáιúé ιάδéιá á ι ίáé æéçíé - ι ιέíáññóú Óιόáéιññ áéγ ñáγý δáçéóú áιιðñι ñ ùñéá æéçíé, ιά ιóιιθáίéé è ñ áððé..

Δáεήñò ñ áééáéáíéáι ιññ ιόδáé ιά ιδιόáññδá. Ιόááδιόéñγ, æáçáγ ñéðúóú óéúáéú éήιòιδáγ ιδιόáçæáé ιι áá áúáι. Νεάçæ, ιάδáúáγññι é éήι εήñδó:

- Óáééá áιιðñι, òιááðéú éήι εήñδó, ι ú ιδáçéòé:áñéé δáçúáçááι ιά òðñι óá è á òúéó.

Казалось бы, Зоценко демонстративно избегает резких контрастов. Профессор, пришедший к партизанам, сталкивается не с темными бородатыми дедами, а с людьми вполне подкованными. Специально оговорено, что молодой радист – студент 3-го курса института связи. И радист, и комиссар говорят вполне литературным, гладким, «интеллигентным» языком (а это не так уж характерно для персонажей Зоценко).

Автор как бы специально подчеркивает: интеллигент старой формации пришел к интеллигентам же, но – нового типа. И тем поразительнее, тем страшнее возникающий контраст. Автор предусмотрел решительно все, чтобы у нас не возникло никаких ложных предположений о природе этого контраста. Словно бы нарочно для того, чтобы мы не думали, будто контраст обусловлен столкновением представителя гуманитарной интеллигенции с представителем интеллигенции технической, сказано, что профессор по образованию экономист (а не художник, не поэт, не артист). Специально оговорено, что дело не в разнице возрастной: профессор и в молодости был непохож на четкого, подтянутого радиста.

Собеседники говорят на одном языке, но они органически неспособны понять друг друга. Один говорит, задумчиво глядя вдаль:

– Хотелось решить для себя вопрос о смысле жизни, об отношении к смерти...

Другой бодро отвечает:

– Такие вопросы мы практически разрешаем на фронте и в тылу...

Тут поражает странное совпадение. Коллизия, изображенная в рассказе Зоценко, с поразительной, почти текстуальной точностью воспроизводит известный нам телефонный разговор Пастернака со Сталиным.

Так же, как зоценковский профессор, Пастернак выразил желание поговорить со Сталиным «о жизни и смерти». И точь-в-точь так же, как зоценковский комиссар, Сталин дал понять Пастернаку, что у него нет для таких разговоров ни времени, ни охоты. И уж совсем точь-в-точь так же, как зоценковский радист, Сталин мог бы недоумевающе отреагировать: «Такие вопросы мы практически разрешаем на фронте и в тылу». Зоценко, быть может, и знал о разговоре Пастернака со Сталиным, но вряд ли он сознательно хотел пародировать этот разговор в своем рассказе. Пародия эта непреднамеренна. Но, в известном смысле, она и не случайна.

Зощенко изобразил интеллигента, готового прийти к саламандре, жаждущего вступить с саламандрой в духовный контакт, получить от нее руководящие указания по поводу того, как жить.

Насколько глубок и точен его рассказ, можно судить хотя бы по тому факту, что на Западе многие рафинированные интеллигенты с искреннейшей симпатией и сочувствием относились к деятельности хунвейбинов, возглавляемых Мао, вообще к маоизму.

Возможность такого парадокса еще в тридцатые годы предвидел Чапек. В его романе «Война с саламандрами» интеллигент по имени Вольф Мейнерт приходит к выводу, что люди должны добровольно уступить место саламандрам, что только саламандрам дано утвердить на нашей планете счастье, создать цивилизацию, свободную от тех трагических заблуждений и уродств, которых не смогла избежать цивилизация людей. Чапек так объясняет это странное завихрение:

***«Αίτιο ἡ ἀείαδὸ - εἰ ὁ ἀεεεεεεεεεεεε. Αἰὸν ἔε ε-ὄτ-ἰεάααα αἰπὸ ἀὸτ-ἰἰ ἰάααἰ ἰά, πὸ δαοἰἰά ε
ἀαἰἰ ὑπἑαἰ ἰἰά, ε-ὄτἰαἰ ἰά ἰαεἰἰἰ εἰ ὁ ἀεεεεεεεεεεε εα, εἰ ὄτἰδἰε εαὸτἰαε αἰ π ἰἰ ἰ ὑὑφ ὁ ἀεἰἰἰ πἰαἰἰ ὁ α
αἰ εἰ ἰαεεεεεεεεεε εδ?»***

Если даже западный интеллигент удостоился такой ужасающей характеристики, так что уж тогда говорить о русском интеллигенте, далеко обогнавшем на этом безумном пути мещанский, филистерский, сытый и самодовольный Запад.

***Ἐὰ δἰε × αἰ ἰαε: «Αἰὸν ἔε ε-ὄτ-ἰεάααα αἰπὸ ἀὸτ-ἰἰ ἰάααἰ ἰά, πὸ δαοἰἰά ε ἀαἰἰ ὑπἑαἰ ἰἰά, ε-ὄτἰαἰ ἰά
ἰ αεἰἰἰ εἰ ὁ ἀεεεεεεεεεε εα, εἰ ὄτἰδἰε εαὸτἰαε αἰ π ἰἰ ἰ ὑὑφ ὁ ἀεἰἰἰ πἰαἰἰ ὁ α αἰ εἰ ἰαεεεεεεεεεε εδ?»***

***

В учебниках истории, по которым мы учились, говорилось, что Ленин открыл советы, открыл советскую власть как высшую форму демократии, неизмеримо более истинную, нежели буржуазный парламентаризм.

Эта ленинская мысль пала на исключительно благодатную почву.

Лживую буржуазную демократию в России на дух не принимали люди, которым идеи Ленина и его соратников были совсем не близки.

Вот в высшей степени характерная запись из дневников Блока:

«Почему “учредилка”? Потому что – как выбираю я, как все? Втемную выбираем, не понимаем. И почему другой может быть за меня? Я один за себя. Ложь выборная (не говоря о подкупах на выборах, которыми прогремели все их американцы и французы).

Надо, чтобы маленькое было село, свой сход, своя церковь (одна, малая, белая), свое кладбище – маленькое. На это – Ольденбург: великая культура может быть только в великом государстве. Так было всегда. О, это было, было, проклятая историческая инерция. А должно ли так быть всегда?..

Инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям и пр. Потому, что рано или поздно некий Милуков произнесет: “Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством”.

Это ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу, m-lle Врангель тренькает на рояле (бл... буржуазная), и все кончено...

Ī āāāāū ī ā ōōī. Ī ōūēā āā ā āā ōōēī ōū ī ōīēēyōūā?

Āēē āū yōī - āāīēēōū, ēīīāīēēē, āōōēōā! Ā āāūyōī - ēī ōāēēēāū ōēy!

Ēēē ē āōōīāī ūā ōāīīīīōē - āōōēōāī ū? Āāōē - āā

Ī ī “āīāāāōōōāī” (āāōē ō: ōāāēēēē) - ī ā āīā

Āōōū āūā āīāōō

Ē ōū, īā āāyī ōōēōēy,

Āāōū ōōāē, īēēāāy ī āīy:

Ēīīēy, Ēīīēy, Ēīīēy,

Ī āīēy āyāōōāā āīy!..»

(Ā. Āēīē. Nīāā ōō. ā 8 ē ōīī āā Ū. 8 Ī.-Ē., 1963 N. 315)

***Ι.Β. Ιλιάδης: «Αὐτὸς ὁ ἑαυτοῦ ἀποεἰρήνη ἰπποδράτης ἱατρίκῃ, “ἐπὶ τοῦ Ἐλῆνα”, ἐὰν τί
выразился в статье о Чадаеве...»***

В этой неприязни к западным формам, к буржуазной пошлости, к готовности принять всё, любой хаос, любой мрак, только бы не сытое, пошлое буржуазное благополучие, Блок дошел до предела. Он выразил это чувство острее, сильнее, безогляднее, горячее, чем кто бы то ни было. Но в этом своем безумии он был не одинок.

Примерно так же рассуждали тогда многие куда более спокойные, сдержанные, хладнокровные люди.

Вот что писал почти в это же время (3 апреля 1919 года) Владислав Ходасевич.

«Пусть крепостное право, пусть Советы, но к черту Милюковых, Чулковых и прочую “демократическую” погань. Дайте им волю – они “учредят” республику, в которой президент Рябушинский будет пасти народы жезлом железным, сиречь аршином. К черту аршинников! Хороший барин, выдрал на конюшне десятка два мужиков, все-таки умел забывать все на свете “среди вин, сладостей и аромат”. Думаю, что Гавриил Романович мужиков в Званке дирал, а все-таки с небес в голосах раздавался. Но Россию, покрытую бюстом Жанны Гренье, Россию, “облагороженную” “демократической возможностью” прогрессивного выращивания гармонических дамских бюстов, – ненавижу, как могу».

***(Ἄ. Οἰασηῆς. Ἰατρὶς τοῦ Ἀἰῶνι ἐλάτῃ. Ἐξ ὀδοῦ ὁδῶ ἐ
ἀετοῦ Ἰεῖν ἂ Α.Α. Νῆα ἄρῃ ὁ Ἰ., 1966 Ἰ. 362)***

Русский интеллигент – радикал или консерватор, славянофил или западник – всегда был твердо убежден, что мы во всем пойдем дальше Запада. Именно мы укажем этим прогнившим западным демократиям новый, истинный путь.

Надо сказать, что иногда в этом традиционном русском мессианизме брезжило предчувствие, что эта самая «огневая стихия» может вместо неслыханной демократии, указывающей путь всему миру, обернуться неслыханным деспотизмом. Но даже и это предчувствие русского интеллигента не обескураживало, не сбивало с тех привычных позиций, на которых он так прочно утвердился.

Мандельштам тоже отдал дань настроениям этого рода.

«Девятнадцатый век отталкивал его бедностью, даже убожеством социальной архитектуры... В демократиях Запада, высмеянных еще Герценом, О.М. не находил гармонии и величия, к которым стремился.

Ему хотелось отчетливого построения общества, “лестницы Иакова”, как он выразился в статье о Чаадаеве и в “Шуме времени”. Эту “лестницу Иакова” он почувствовал в организации католической церкви и в марксизме, которыми увлекался одновременно еще школьником... И в католичестве и в марксизме он почуял организационную идею, связывающую в целое всю постройку. В Киеве в 19 году он как-то сказал мне, что лучшее социальное устройство мерещится ему чем-то вроде теократии. Именно поэтому его не отталкивала идея авторитета, обернувшаяся диктаторской властью».

(Г. Г. ἀγαθὸν οὐκ ἔστιν ἐπισημαίνει)

Лишь много лет спустя, понюхав как следует, чем пахнет эта самая «идея авторитета», Мандельштам изменил свое суждение о бедности и убожестве социальной архитектуры XIX века и еще Герценом высмеянных западных демократиях, заметив, что именно XIX век, по-видимому, и был настоящим золотым веком, но «мы этого не знали».

Они не желали этого знать. Само предположение это было им отвратительно. Оно оскорбляло их эстетическое чувство, их жажду гармонии:

«...не ужасно ли, не обидно ли было думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арабеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы “индивидуально” и “коллективно” на развалинах всего этого прошлого величия?..

Стыдно было бы за человечество, если бы этот подлый идеал всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы восторжествовал бы навеки!..»

(Ε. Εἰς οὐρανὸν Ἄνωξεν, Διὶ δὲ Νεαγῆν οὐκ ἔστιν, 1996 Ν. 373)

Другие мыслители, не столь оригинальные, не думали, что Россию надо подморозить. Иные из них даже наоборот хотели как можно скорее ее «подогреть», «растопить». Но и они тоже искренно полагали, что именно Россия имеет шанс спасти мир и что преимущество России перед Европою именно в том, что она так долго была «заморожена».

«Ï ù óεá íáíáεáεé áñá íáðáðáðáñéíá éíáá ñáñkó Ááðííú, ííñéá 1948, áíááðεéí áíñéðáíéá; ì ù íá íáá áçæýíóεé ñ òíé æá ááñííúááííñðúð. È òíáá òíεúéí íííýéé áííéíá ÷òí çá ááçíáðáçí íá áíñúááðñð áí Ðñíñééñéáý èì íáðéý è ÷òí çá ñ-áñòúá, ÷òí ííí òáéíá ááçíáðáçí íá áíñúááðñð áí!

Í á áòí áεðá, ÷òíá ÷òí áúéá εáá ñéíá».

(À. Ááðòáí. Ñíáð ññ÷. á 30-òé òíí áá Ò. 14 Ì., 1958 Ñ. 45)

Это ни в коем случае не было игрой слов. Это была продуманная, законченная историософская концепция.

«Ááðííá εááð éí áíó íòðíá, ÷òí íá í íæáð íòááεáðúñý íò ñáíáá áðçá, á íáí ááçáíá áðááñòáííñðáé, íááðáííúð á ááεúñ áí ííáñíí íéáááíéé - ó íáñ ÷òí éíñéóñð ááííúé ááééáñð, çá áíðð ááí - è íá áíñó íáðñúáð á ðεðíéíá í íðáí..

...Í íáíé ì εð í íæíí òíεúéí òáíðεòúéç ðáíñá. Á ñòáðúé ì εð áúá εðáííé, éííí íðááεòíñý, áðúáé á íðéáíééé è íáí á..

Ó áááðéíá áñòúí ñáý íí-áá, ñáý íáεáðéá, ó íááí áñòúí ñáíé áúð, íí áíðíðεòíñý è íáí ó, íí íòáíðíáð á íáí. Ó ááðý - ó ÷òíáí íáðáíçááííáá éçáí áííééá, ó ÷òíáí áíííòííííáá ÷í εáðáíðá - áñòúí ééáíð, íá éíòíðíí íí-éáð ááí ááðá, áí éí ÷ éíòíðíáí íí íðéí éðýáðíñý ñ ñáíéí áúðíí. Ðñíñééé áááíáá áááðéíá, áááíáá ááðáý - ó íáá íé-áá íáð, íá ÷-áí áú íí í íáíðéí éðεòúñý, ÷òí áú ááí òááεéí. Ì íæáð, á ÷òíí-òí è éáæéð çáðíáúε ááí ðááíéððéííííá íðεçáíéý.. Ì ù ñáíáíáíú, ííòíí ó ÷òí íá-éíááí ñ ñáí éð ñáý.. Ðñíñééá çáéííú íá-éíáðòíñý ñ íñéíðáεðááéúñíé éñðéíú - “ðáðú íðééáçæ” è íáðáíé-éááðòíñý áéééí “áúðúíí ñáí ó”. Á ááðé óεáçú ííñýð á çááíéíáéáð ááíááðéíð éíáú - áðíí íáíé ðáííóáéééáíñééé áááεç è éí ÷ óðáíðóçñéíá íáðíáá. Ñáíá çáéííá òí-íí òáé æá íáíðááéáí íðíðéá ÷áéíáéá, éáé ñáíá Í áííéáííá, íí ì ù çíááí, ÷òí íáε ñáíá ñéááðáí, á áú íá çíááðá ÷òíáí. Áíáíéúñí ííñéí ì ù óáíáé íáñéúñí, ÷òíá íðéáááéýðú áúá áíáðíáíéúñí úá íòðú..

Ðñíñéý íééíáá íá áúáð ÷úñé-milleum. Ííá íá áíñúááíáð òíεúéí áéý òíá, ÷òíáú íòááεáðúñý íð òáðý Íééíéáý è ííéó-éòú á íááðááó íðááñðááεðáé-ðáðáé, ñúáé-éí íáðáðíðíá ííééðéð-ááñíðíá».

(À. Ááðòáí. Óεáç ñíáð ññ÷. Ò. 5 Ì., 1955 Ñ. 220, 223)

À.È. Ááðóáí: «Díñééé áááí áá áááéí á, áááí áá áááðý - óí áá íé: áá íáò, í á ÷áí áú íí í íáí ðéí éðéòúñý, ÷òí áú áá óááééí».

Константин Леонтьев, Герцен, Ленин, Блок, Мандельштам...

Казалось бы, ну что общего может быть у столь разных людей?

Общим был тот чисто русский максимализм, о котором говорил Бердяев в связи с моральной проповедью Толстого. Вот этот самый русский мессианиззм, эта русская гордыня: «РОССИЯ НИКОГДА НЕ БУДЕТ JUSTE-MILIEUN !» (Довольствоваться золотой серединой).

Говоря, что европейский корабль несет в своих трюмах слишком много драгоценного груза, которым нет сил пожертвовать, а у нас, мол, это все искусственный балласт, от которого мы готовы избавиться, Герцен вряд ли представлял себе, как далеко готов зайти русский интеллигент в этой своей готовности выкинуть за борт все лишнее. Вернее, как далеко готов он пойти в пересмотре всех привычных представлений о том, где проходит граница между лишним и необходимым.

* * *

Литературовед, заметивший, что антисталинское стихотворение Мандельштама представляло собой «выход непосредственно в биографию, даже в политическое действие» и что в этом проявилась «тяга к внеэстетическим сферам, устойчиво свойственная Мандельштаму», выразил этим своим замечанием традиционно западное представление о роли и месте художника в мире.

«Óááí áéí ééá, ííýóó éááéí íðíáééòú áñ æéçíú íðááí áòíí ííééíáí éý ñáðáí áííééíá, ííòíí ó ÷òí íí - "Íá:òí íñáíá" í áæáó éþáúñ è, è íðíéçáááí éý áá í á èí áþò íðýí íáá íðííóáí éý é ááéíðáéòáéúñ íé æéçí è... Í áíáíðíò, ýòéé, íðíííááí éé íðááíðááí úó éááéíá, áíéæáí áúòú áííèí, éíá:á íí íéíòíé ýòéé».

(N. Èúñðéááí ð Èç áí ááí ééíá 1833 - 1855)

В России это всегда было иначе. У нас в первых рядах гонимых неизменно оказывались именно поэты. И происходило это именно потому, что пресловутая «тяга к внеэстетическим сферам» была свойственна не одному Мандельштаму, а едва ли не всем сколько-нибудь известным русским художникам.

Но дело даже и не в особом складе души русского художника, а в самом типе российского интеллигента.

Европейский интеллигент (будь он не то что марксист, а хоть бы и сам Маркс) в сходной ситуации ведет себя совершенно иначе.

«Ὁ δὲ ἄλλος οὐκ ἔδειξε ἀδελφικὴν συμπεριφοράν ἀλλὰ καὶ ἀποδοκίμασε τὴν ἐπιθυμίαν αὐτῆς... Ὁ δὲ ἄλλος οὐκ ἔδειξε ἀδελφικὴν συμπεριφοράν ἀλλὰ καὶ ἀποδοκίμασε τὴν ἐπιθυμίαν αὐτῆς... Ὁ δὲ ἄλλος οὐκ ἔδειξε ἀδελφικὴν συμπεριφοράν ἀλλὰ καὶ ἀποδοκίμασε τὴν ἐπιθυμίαν αὐτῆς...»

«Ὁ δὲ ἄλλος οὐκ ἔδειξε ἀδελφικὴν συμπεριφοράν ἀλλὰ καὶ ἀποδοκίμασε τὴν ἐπιθυμίαν αὐτῆς...»

Ἐν τῷ ἀποστομωτικῷ ἐπιπέδῳ, ὁ δὲ ἄλλος οὐκ ἔδειξε ἀδελφικὴν συμπεριφοράν ἀλλὰ καὶ ἀποδοκίμασε τὴν ἐπιθυμίαν αὐτῆς.

Ἄλλος ἔδειξε ἰσοτιμία.

(Ἰσοτιμία ἰσοτιμία ἰσοτιμία ἰσοτιμία, 13 ἰσοτιμία 1906 ἄ.)

В теории Маркс, как известно, был коммунистом, следовательно, последовательным сторонником женской эмансипации, может быть, даже – защитником свободной любви. Во всяком случае, он был сторонником полной независимости любящих друг друга мужчины и женщины от золотых цепей низменных материальных интересов, от всех этих мерзостей пошлого буржуазного брака (условий о приданом, о материальной обеспеченности будущих молодых супругов и проч.). На практике же, когда дело шло о предполагаемом замужестве его любимой дочери, он, как видим, повел себя совершенно иначе. Не погнушался даже потребовать от жениха «разъяснений по всем пунктам», в том числе и насчет того, обладает ли его семья «известным достатком» и готова ли она нести ради него какие-либо материальные жертвы. Он даже счел нужным предупредить влюбленного юношу (в самом начале того же письма), что если тот окажется «не в силах проявлять свою любовь в форме, соответствующей лондонскому меридиану», ему придется «покориться необходимости любить на расстоянии».

Легко можно себе представить, сколько крику было бы, окажись на месте Поля Лафарга наш неистовый Виссарий.

– Где тут ваши последователи? Все эти так называемые коммунисты, интернационалисты, марксисты? – задрожав и смертельно побледнев, воскликнул бы он. – Пустите меня к ним! Я скажу им, что они обмануты! Я скажу им, что их кумир – самый обыкновенный, самый пошлый буржуазный филистер, раб чистогана! На одну вас доску со всеми царями, попами и плантаторами!

Говоря, что европейский корабль несет в своих трюмах слишком много драгоценного груза, которым нет сил пожертвовать, а у нас, мол, это все искусственный балласт, от которого мы готовы избавиться, Герцен вряд ли представлял себе, как далеко готов зайти русский интеллигент в этой своей готовности выкинуть за борт все лишнее. Вернее, как далеко готов он пойти в пересмотре всех привычных представлений о том, где проходит граница между лишним и необходимым.

«Ἐπιθυμία: ἔστιν ἡ ἐπιθυμία, ἡ ἐπιθυμία ἡ ἐπιθυμία ἡ ἐπιθυμία ἡ ἐπιθυμία... ἡ ἐπιθυμία ἡ ἐπιθυμία ἡ ἐπιθυμία...»

(Ἐ. ἐπιθυμία. Ἄλλος ἔδειξε 1901 – 1929 ἰ., 1901. ἰ. 114).

Естественным образом этот моральный (да и не только моральный – всякий) максимализм стал сопрягаться в сознании российского интеллигента с его пониманием (восприятием) большевизма.

«Ἰὰ ἐὰεῖν -ὀὶ ζῆνῆαι ἐε - ὀὶ ἀγὺ ἁ δὲαὸ ἀνῆεῖν ἐεε ἀόθιαε, ἐ οὐαὶ ὕ ἀεεῖαε πὸαὸυρ ἰ ἰαδῶαῖα «Ἄαῖααὸαὸε» Ἀεῖεᾶ - ἰῖᾶ ζῆεῖααεᾶι: «A Bolshevik Poem». Β ἰῖεαεᾶε Ἀεῖεὸ πὸαὸυρ. Ἰῖ ὀμῖ ἀὸὶ ὀεῖνῖ.»

Ἐ ἰῖὸῖι - δαζῆαῖθ ἰ ἀεῖυαᾶεεζι ἁ

- Ἀεῖυαᾶεεζι ἁ ἐ δῶαῖεῖρὸεε - ἰαὸ ἰε ἁ Ἰ ἰπῆαῖ, ἰε ἁ Ἰ ἁὸαδῶαδῶα Ἀεῖυαᾶεεζι - ἰαῖνὸῖγῖυεε, δῶπῆεε, ἰαῖῖαεῖυε - αῖα-ὀὶ ἁ αῖὸε δῖπῆεε, ἰ ἰαεὸ αῖυὸυ ἁ αῖαδῶαῖ ἁ Ἀα, ἰαῖαδῶῖᾶ, ὀαὶ ...»

(Ἀ. ζῆι ὕοεῖ. Ἀῖμῖ ἰι εῖαῖεῖ ἰ Ἀεῖεᾶ Ἀ εῖ.: Ἀαῖῖ ἐε ζῆι ὕοεῖ. Β ἀῖπῆῖ Ἰ ., 1999 Ἰ. 121)

Речь шла, как вы понимаете, не об идеологии. Идеология тут вообще ни при чем.

Вот, скажем, Михаил Зощенко. Он сам признавался, что всегда был бесконечно далек от исповедования каких-либо определенных политических или философских доктрин:

«Ἐὰεᾶγ, πῆαεεὸα ἰ ἰαεὸ αῖυὸυ ὀ ἰ ἀγὺ «ὀῖ-ἰαγὺ εᾶῖεῖῖᾶγ», αῖεε ἰε ἰαῖᾶ ἰαδὸεῖ ἁ ὀαεῖν ἰ ἀγὺ ἰ ἰα δαεῖαεᾶαὸ?»

Ἰ ὀῖ-εε ζῆαῖεῖ ἔῖραε ἰαδὸεεῖῖῖῖ, ὕ αᾶπῶεῖῖὸεῖῖῖῖῖ ἁεῖῖᾶε. Ἰ ὀῖῖῖ Ἰαῖ αε ὕ ἰθῖ ἰαῖῖ πῆαεα ὕ ἰ ἁ εῖῖ ἰ ὀεῖῖῖ, ἰ ἁ ὕῖ-αδ, ἰ ἁ ἰῖαδὸεῖῖῖ, ὕ ἰθῖῖῖ ὀμῖπῆεε. Ἐ ε ὀῖῖ ὀ αε - ἰῖεεὸε-αῖεε ἀαζῖ δαῖῖῖῖαῖῖῖῖ.

×αῖνὸῖῖᾶ πῆῖᾶῖ ἁαῖρ - ἰ ἁ ζῖᾶῖρ ἀῖ πῆὸ ἰῖδ, ἰὸ αῖὸ ὀῖῖῖ πῆαεαῖ, Ἀὸ-εῖᾶ.. Ἀ εᾶεῖε ἰαδὸεε Ἀὸ-εῖᾶ? Ἀ ἁδὸ αᾶ ζῖααὸ, ἁ εᾶεῖε ἰῖ ἰαδὸεε. ζῖᾶῖρ: ἰ ἁ ἀεῖυαᾶεε. Ἰ ἰ ὕῖ-αδ ἰῖ ἐεε εᾶᾶαὸ - ἰ ἁ ζῖᾶῖρ ε ζῖαὸυ ἰ ἁ ὀῖ-ε ἁ αῖεε ε ὀζῖᾶῖρ, ὀῖ Ἰ ὀεεεῖᾶ αῖαὸ ἔῖραεὸυ ἰῖ-ἰδῶεῖᾶῖ ὀ

Ἰ ἰῖᾶᾶ ἰ ἁ ἰ ἀγὺ ζᾶ ὕοῖ ἰ-αῖῖῖ ἰαεᾶγὸμῖ. (ὕαεᾶγ, πῆαεαὸ, ἰαεεῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ εᾶᾶῖῖ ἰῖῖᾶ ὀδῶ δῶαῖεῖρὸεε.) Ἰ ἰ ὕοῖ ὀαε..

Ἰ ὀ ἁ αῖᾶ ὀῖ-ἰαε? Ἀαῖ ὀῖ-ἰαε - ἰῖαεεὸεῖῖῖῖ Ἰ ἰ ἰαῖᾶῖ ὀ δαζῖ ἀὸ ἰ ἰ ἁ ἀεεαᾶ αῖαᾶ ἀεῖυαᾶεεε. Ἐ ἀεῖυαᾶε-εὸυ ὕ ἰῖεῖ ε πῆαᾶᾶῖ. Ἀα ε εῖῖ ὀ αῖυὸυ ἀεῖυαᾶεεῖῖ, εᾶε ἰ ἁ ἰ ἰ ἁ? Β «ἁ Ἀ-αῖ ἰ ἁ αᾶῖ». Ἰ ἰ ἁ ἰ αῖῖῖ ἁαεᾶ ἰ ἁ ἰῖῖῖῖεαεῖ ἰ, εᾶε ὕοῖ εῖ ὀαεεεᾶῖ ὀῖῖῖ ἁεῖῖᾶε εᾶαὸ ἁ ὀαδῖεῖᾶῖ Ἰ ἁδᾶῖεαῖ Ἰ ὕοῖεὸυ ἐ οὐαὶ ἰ ἰεεὸμῖ δᾶῖῖῖῖαῖῖῖε εᾶδὸεῖᾶ..

Β ἰ ἁ ἰ εῖῖῖῖ. Ἰ ὀαδῶ ἰ ἁ ἔῖραεῖρ. Ἐδῖᾶῖῖᾶ ὀῖᾶῖῖᾶ ἰ ἁ ἰ δεζῖᾶῖρ. Ἐ δῖπῆεῖρ ἔῖραεῖρ ἰ ὀεεὸεεῖρ. Ἐ ἁ ὕοῖ ἰ ἰ ἁ ἰ ἀεῖυαᾶεεᾶῖ ἐ ἰῖ ἰ ὀεε. Ἰ ἰ ὕ ἰ ἁ εῖῖ ἰ ὀεῖῖῖ... ἐ αῖῖ ἁῖρ, ἁ-ὀῖ ἰεεῖῖᾶᾶ εῖ ἰ ἁ αῖαῖ.

(Ἰ. ζῖῖᾶῖεῖ. Ἰ ἰῖᾶ, ἰ ἁ εᾶῖεῖῖᾶε ε αῖᾶ εῖᾶ ἰ ἁ-αῖ. Ἐεὸαδῶαὸδῖ ἰ ἁ ζῆι εῖεε. 1922, ¹ 3)

Зощенко не ошибся, предрекая, что многие на него за это очень обидятся. И в самом деле, обиделись сильно. Не обиделись только те, кто не придал этим его высказываниям серьезного значения, решив, что все это – обычное ёрничество, обычная маска, которую он напяливает на себя во всех случаях жизни. Но ёрничеством тут и не пахнет. Скорее наоборот. В этом признании чувствуется подлинная искренность и какая-то глубокая серьезность. Вот хотя бы эта фраза о Пушкине, которого он не перестанет любить, даже если точно узнает, к какой именно партии принадлежит Гучков.

Ι.Ι. Ζηζουάκης: «Έλαएं, ηέαεεδά ι ίεαδ άυόυόι άύ “δφ-ίάύ εάάείεαύ”, αέε ίε ίάίά ίάδδεύ ά άάεί ι άύ ίά ίδεάίεάάδ?”

Но если все это сказано не для красного словца, не для эпатажа, а совершенно искренно и всерьез, то какая же, черт возьми, каша в голове у человека!

«Мне смешно даже, nepocтижимo, как это интеллигентный человек идет в церковь Параскевы Пятницы...» И тут же: «Россию люблю мужицкую». Не Россию интеллигентов, стало быть, а Россию тех самых людей, которые как раз и ходят в церковь Параскевы Пятницы, чтобы молиться там раскрашенной картине. «Кому быть большевиком, как не мне?» И тут же: «Но я не коммунист... и думаю, что никогда им не буду». Не знает он, что ли, что большевики и коммунисты – это одно и то же? И почему он решил, что если любит Россию мужицкую, так ему по пути с большевиками? Тем, кто любил мужицкую, то есть крестьянскую Россию, скорее было по пути с эсерами...

Это уж даже не «каша в голове», а прямо безумие какое-то! И, однако, есть в этом безумии, как говорит шекспировский Полоний, своя система. Во всяком случае – своя логика.

Утверждая, что он большевик и «большевичить» согласен, хотя и не считает себя коммунистом, Зошенко был не оригинален:

«Ίάδ ίεεάεία έίόάδίαού ίάεά ά άνού ίαδίαίάύ άηηεάύ άάίερεέε, άόίό - ε άίεύοά ίε-άά. Ίί ίάδάρο Νοάίάί ά όεί ίόάάε-ά “Ά Έάδεά Ί άδενά?” - η άεεεάεε. - Ί άί άό, ά άίθφ, ά ηόάεί άύόύ άόάε. - Ά Έάί έί? - Έάί έί, ά άίθφ, ές ι άεεείά, άίεύοάάε, ά άύ, άίεάίί, έί ι όί εηόύ...»

Это говорит один из героев романа Бориса Пильняка «Голый год».

А вот – из «Несвоевременных мыслей» Горького.

«Έίάά ύ ηεάεέ έί ίάάεό ίόό ό άάι άάύ, φδφ ηεάεεεηόύ άίθφόηύ, φάάί ηόάί άηάό ίάδίαίά ίί άίφάεε»

- Ίέάάόύ ίάί ίά ηεάεεεηόίά, ηεάεεεει - ύοί άηίάηεάύ άίάόι εά, ά ι ύ άάί-εά άίεύοάάεεε...»

Кондуктор трамвая, конечно, не Б-г вещь какой авторитет. Но то-то и дело, что совершенно так же, как этот кондуктор, поняла и приняла это слово чуть ли не вся Россия.

Вот, например, Сергей Есенин, этот «последний поэт деревни», готовый «отдать всю душу Октябрю и Маю», но с одним только единственным условием: чтобы не отобрали у него, сохранили ему его «милую лиру». Стал бы разве он называть себя социалистом? Коммунистом? Марксистом? («Ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал...») А большевиком – пожалуйста! С дорогой душой.

Ί άάί - εάε έίέίέέέ,

Ί άύό - ύφέ,

Ī àòúì ĩŷ - ðĭăëĭà

B - áĭëüòáëè

Вот и ему тоже показалось, что с большевиками ему по пути. Вот и он тоже согласен с ними «большевичить».

«Большевичить» – это значит во всем дойти до конца, до последнего предела, захватить как можно больше в своем отталкивании от прошлого, от старой, прежней жизни.

Не раз задавались у нас таким простым вопросом: что было бы, если бы на втором съезде РСДРП в 1903 году сторонники Ленина получили хоть на один голос меньше, чем сторонники Мартова? Ведь тогда – страшно подумать! – ленинцы назывались бы меньшевиками, а большевиками стали бы называться мартовцы.

Но почему, собственно, страшно подумать? Казалось бы, не все ли равно? Дело ведь не в названии, а в программе... Так-то оно так. Но не исключено, что случайно возникшее название крайней левой фракции русских социал-демократов было далеко не последней в ряду причин, приведших эту, сперва такую малочисленную группу к власти.

Āĭ ĩăĭ ĩé

ĭ óæè-üèé

çàĭ ëŷĭ ĩé áàòëè

ăĭéàòúáëáñĭ ĩĕááà, -

éèéñĭ

è ĩĕúĕà,

÷òĭ áñòü

çà ĭ óæéĭá

éàééá-òĭ

«áĭëüòáëè»

- Ū-ó-ó!

Ñĕèà!

(Ī àŷĕĭáĭéé)

Природное языковое чутье не обмануло поэта.

В народном сознании слово «большевик» слилось в своем значении со старым русским словом «большак».

«Áĭĕüòëé, Áĭĕüòáë, Áĭĕüòĕĭá (ĭ.), Áĭĕüòáò, Áĭĕüòóòá, Áĭĕüòĕòá, Áĭĕüòĕòá, Áĭĕüòá×ĕòá (æ.) - ĩòáðòéé á äĭĭ á óĭçŷĕĭ é óĭçŷĕéà, ĩòáðòĕĭá á ĩăĭ üă; áĭĭáüá ĭááĭëüòéé á ĭáüĕĭá éèè áððáëè; ĭáðŷá-éé, ðáñĭ ĭðŷáëðáëü, óéàç-éé...»

(Ā. Áăëü Ūĭéĕĭáĭé ĩĕĭáððüæéáĭă áæééĭðĭĭĕĭă ŷĭĕĕá)

Иными словами, «большаки» – это те, кому власть принадлежит по праву, подлинные, законные хозяева (У-у-у! Сила!). С другой стороны (это уже в сознании народолюбивого русского интеллигента), большевики – те, кто как можно больше хотят дать народу, больше сделать для народа. Наконец, это те, кто представляет интересы большинства, выражает мнение большинства. «Положим, мне вся эта вакханалия не совсем по душе, – размышлял совестливый русский интеллигент. – Но ведь все это творится не для меня, а для них, для большинства. Пусть мне даже станет хуже, пусть я проиграю от всех этих перемен. Но разве счастье сотен тысяч не ближе мне пустого счастья ста? Важно, чтобы на этом выгадало большинство народа!»

Строчку Мандельштама «Я должен жить, дыша и большевая» Надежда Яковлевна в «Книге третьей» комментирует так.

*«I. I. eae-oi deotiuet neacae i ia :oi a ifaaa a 17 aao ntaaei deui oaa-ifa ei y -
ateuoaee - oaeai oeeat faeai ia neiat. E aeai ia ia ateuoei noaa a faei aein.. Ayoi neiaa aey
ladraia noaa - ifeiae oaeiu ue cae: nai-ateuofe, ateuofe :aeiae, ateuoa, oi aou noieafay
atdia. "Ateuoaou" - if-oe :oi oi laou noaia oiu ateuoei ...»*

А.А. Аееиее: «В аеа if ia oaa e noeeeno ei efi ai e ca faei noiein aouia i fa!»

Конечно, человеку, не отягощенному знаниями (скажем, тому же кондуктору трамвая), легче отделить понятие «коммунист» (социалист, марксист) от понятия «большевик». Интеллигенту это сделать труднее. Но вот интеллигент Зоценко отделял же: «Кому быть большевиком, как не мне?.. Но я не коммунист...».

Отделял и Мандельштам.

Надежда Яковлевна в своих воспоминаниях рассказывает, что чекист, арестовывавший Мандельштама, был поражен отсутствием среди их книг марксистской литературы.

«А где вы держите своих классиков марксизма?» – спросил он.

Осип Эмильевич, расслышавший этот вопрос, шепнул жене: «Он в первый раз забирает человека, у которого нет Маркса».

К тому времени, когда Мандельштама «забирали», его увлечение марксизмом было уже делом далекого прошлого. Однако, как свидетельствует та же Надежда Яковлевна, в юности его «большевизм» (максимализм, неприязнь к западным демократиям, стремление увидеть наилучшее социальное устройство «в чем-то вроде теократии») опирался на острый интерес к марксизму. Признание, что XIX век, некогда отвращавший его «убожеством социальной архитектуры», – это и есть истинный золотой век, было, таким образом, связано с разочарованием в марксизме.

Да, в марксизме, в котором он некогда «почуял организационную идею, связывающую в целое всю постройку», Мандельштам разочаровался давно. Но из этого еще вовсе не следует, что он разочаровался в «большевизме» – этом исконном свойстве русского народного и интеллигентского сознания.

«Я должен жить, дыша и большевея...» – это было сказано с полной искренностью. Всерьез.

ЭТА СТРАННАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Давид Шраер-Петров. «Эти странные русские евреи».

М. : «Радуга», 2004. — 318 с.

У поэтов не так уж часто получается удачная проза – поэт и прозаик, мне кажется, по-разному видят мир. Д. Шраер-Петров, судя по списку изданий автора на задней странице обложки, – профессиональный поэт: проза его представлена главным образом мемуарами. Поэтому, честно говоря, в руки предлагаемый сборник я брал с определенными опасениями. Но первая повесть – «Странный Даня Раев» – приятно удивила. Интересно. Просто. Читается на одном дыхании.

«Странный Даня Раев» – автобиографическое сочинение о еврейском мальчике из Ленинграда, вынужденном жить русской деревенской жизнью. Так сложилось – семья попала в эвакуацию в сибирскую деревню, а там иной жизни, кроме русской и деревенской, быть не может: не станешь, как все, просто умрешь от недоедания.

Врастание городского еврейского мальчика в чужую и чуждую жизнь оказалось на изумление легким. Правда, не забывайте, что мальчик попал в эвакуацию в дошкольном возрасте, когда все новое воспринимается и принимается совсем не так болезненно, как это происходит у взрослых. В конце повести герой возвратится в город и вновь без проблем вырастет в чужую и чуждую среду.

Разумеется, поскольку мальчик еврейский и семья у него еврейская, автор затрагивает и проблему русско-еврейских взаимоотношений. Надо сказать, затрагивает достаточно бегло – национальный фактор мало сказывается на отношениях между «просто людьми», какими все люди очень быстро становятся, живя обыкновенной деревенской жизнью. Только однажды матери главного героя приходится реагировать на антисемитскую реплику местного милиционера – контуженного солдата, обозлившегося на старика-эвакуированного, огорошившего его непонятными словами. Люди постарше – вне зависимости от происхождения – не склонны видеть за инцидентом какие-то «убеждения». Реплика еврейки: «Вряд ли этот шикер понимает, что такое антисемитизм и кто такие семиты». Реплика русского: «Какой он фашист – контуженный он, да еще властишку какую-никакую получил». Реплика самого непонимающего милиционера, обращенная к матери героя: «Ты посмотри на себя, Владимировна, и на своего мальчишку! Какие вы евреи? Русские вы и по внешности, и по разговору». Однако эта искренность непонимания и травмирует по-настоящему, доводя молодую женщину чуть не до истерики.

И еще один пример непонимания, на сей раз травмирующего обе стороны. На похоронах престарелой родственницы героя (там же, в Сибири) кладбищенский сторож, как нечто само собой разумеющееся, несет к могиле крест. Сам сколотил, от хорошего отношения. Семья в шоке, требует немедленно крест убрать. Сторож, недоуменно: «Как же покойница останется среди них (он показал на другие могилы) без креста? Нешто она была партийная?» «Произошло нечто, метафизически отделившее в моем сознании нашу родню от окружающего русского мира», резюмирует автор. Именно здесь, а не в эпизоде с контуженным милиционером или позже – с прибалтненным одноклассником, тоже начавшим вдруг «возникать» насчет евреев и получившим за это в лоб. Потому что ненавистники по определению маргиналы, раз готовы тратить невозстановимые нервные клетки на ненависть: а вот несовместимость хотя бы одной из базисных культурных парадигм – «метафизическое отделение» навсегда – переживается с трудом, если вообще может быть пережито.

В общем, читать такую литературу интересно настолько, насколько вообще может быть интересно читать non-fiction. «Литературщины» нет ни грамма: единственный троп («челюсти лестниц») торчит на странице сломанным зубом и тем более неуместен, что употреблен дважды в одном абзаце. Весь текст – чистое, не обработанное и не приукрашенное воспоминание о времени, когда нас не было. Времени, вызывающего тем больший интерес, чем больше желтеют старые фотографии, чем меньше остается живых свидетелей.

Если «Даня Раев» читается на одном дыхании, то вторая повесть, включенная в книгу, «Савелий Ронкин», оставляет ощущение полного занудства. Насколько я понимаю, это тоже, хоть и отчасти,

автобиографическая история – на сей раз о мытарствах сильно пьющего героя (дело происходит в США, видимо, в начале 90-х годов). Может, если бы автор держался по-прежнему своей биографии, и вышло бы неплохо. Но Шраер-Петров решил на сей раз написать fiction – а вот этого, как оказалось, он делать совершенно не умеет.

Повесть полна нелепостей, значительная часть которых вызвана просто незнанием описываемой реальности. Судя по сведениям на последней странице обложки, автор съехал из «совка» не позже 1986 года. Соответственно, обо всем, что в стране происходило после, у него самое странное представление. К примеру, он абсолютно всерьез рассказывает об «известном поэте», которого сослали за Полярный круг при Горбачеве за... участие в демонстрации против АЭС! А несколько раз повторяющиеся фразы насчет «российских коррумпированных правителей и тайкунов» и вовсе немыслимы в устах москвича, который знать не знает, какой такой «тусоон». Это у них в Америке он «тайкун», а у нас используют простое русское слово «олигарх»...

С языком у Шраера-Петрова тут действительно произошло что-то непоправимое. Уже на первой странице повести черным по белому написано: «Человек был не так уж молод, каким красно-зеленый пиджак... предлагал его владельца столичной публике». И тут же «лобби» вместо «вестибюля», а немного дальше «сессия» вместо «заседания». А «насильно взывать» – это по-каковски? Уж никак не по-русски...

Чем дальше, тем страньше, как говорила Алиса в Стране чудес. Как вам нравится такое описание: «Вокруг ее шеи вилась рука белокурой возлюбленной»? И вновь та же «вьющаяся рука». Не подозревал, что лесбиянки настолько от нас анатомически отличаются... Впрочем, там же читателю предлагается анатомия еще пострашнее: «возбуждающий эротику зрения (!) крупный таз на сильных ногах». А на с. 154 – видимо, чтобы совсем уж прибить, – предлагается такая поза для занятий любовью, для которой мужчине надо либо сломать ноги, либо иметь на каждой два коленных сустава. Чтоб этому писателю перед смертью в такой позе любовью заниматься!

Одним словом, дамы и господа, не читайте «Савелия Ронкина». Лучше посмотрите, что ли, на сон грядущий «Кошмар на улице Вязов»...

Ài èòðèé ĭ ðèĭòúñ

МЕЖДУ МИФОМ И НАУКОЙ

Дж. Брент, В. Наумов. Последнее преступление Сталина. Заговор против еврейских врачей, 1948 – 1953.

(Brent Jonathan and Naumov Vladimir P. Stalin's Last Crime. The Plot Against the Jewish Doctors, 1948 – 1953.) N.Y. : HarperCollins Publishers Inc., 2003. — 399.

Первое, что бросается в глаза, – это насыщенность текста книги архивными данными. Некоторые материалы публикуются впервые, и хотя они не тянут на исторические открытия, однако содержат много примечательных деталей, дополняющих и конкретизирующих известные ранее факты. Куда хуже с авторской интерпретацией событий. Например, сюжет о секретаре ЦК ВКП(б) и главном идеологе партии А.А. Жданове, смерть которого названа в книге чем-то вроде завязки «заговора» Сталина против аппаратной элиты и против «еврейских врачей», представляется надуманным, легковесным и бездоказательным, как, впрочем, и утверждение, что Сталин «внушил» кремлевским эскулапам тайно расправиться со Ждановым.

Личность советского вождя и присущий ему в последние годы правления антиеврейский «синдром» явлены в книге довольно поверхностно, без основательного анализа и осмысления. Множество найденных авторами документов той эпохи не компенсируют этот недостаток, поскольку используются как занимательные иллюстрации к расхожим взглядам на поздний сталинизм. Читателю предложен упрощенный, сработанный по канонам голливудского политического триллера образ грозного восточного тирана. Этот «демон» в образе человека не способен испытывать обычные человеческие эмоции, не может он быть и антисемитом. Отсюда соответствующая трактовка послевоенных антиеврейских кампаний: прагматик Сталин прибег к ним, дескать, для того, чтобы спровоцировать новый «большой террор» и политический конфликт с США, после того как Израиль полностью примкнул к Западу.

На вопрос, готовилась ли Сталиным массовая депортация евреев зимой 1952–1953 годов, Брент и Наумов отвечают весьма своеобразно. С одной стороны, поскольку версия депортации документально не подтверждена, о чем свидетельствует недавняя дискуссия в печати на эту тему, они признают «сталинский план выселения евреев» легендой, рожденной тревожными слухами, ходившими в дни «дела врачей».

С другой стороны, авторы не отказываются полностью от этого мифа. Главная причина противоречивости позиции кроется, видимо, в давних «депортационных» идеях В. Наумова, который в 1999 году объявил, что нашел «в показаниях Рюмина упоминание о том, что в 1952 году он (Рюмин. – Г.К.), по согласованию со Сталиным, представил тому предложения о депортации евреев». Правда, в книге этот аргумент практически сводится на нет. Здесь сказано, что бывший работник органов госбезопасности М.Б. Маклярский (арестован в ноябре 1951 года) в феврале 1954-го на очной ставке с М.Д. Рюминым заявил, что в ходе допроса, состоявшегося два года тому назад, тот, назвав евреев «шпионской нацией», сказал, что «намеревался поставить перед правительством вопрос о выселении евреев из Москвы».

Но даже если это признание достоверно, оно может свидетельствовать разве что о намерении Рюмина. Нет никаких подтверждений, что он реализовал это намерение, и тем более, что он «согласовывал» свою идею со Сталиным.

Вообще, политический вес Рюмина – фигуры колоритной, но по сути ничтожной – в книге сильно преувеличен. Таких жалких «калифов на час», использовавшихся Сталиным в качестве «запала» для разжигания очередной репрессивной акции, в те годы было немало. Их карьерный взлет был сколь быстрым, столь и недолгим. Счастливая звезда Рюмина закатилась уже в ноябре 1952 года, через год после того, как за донос на Абакумова он был обласкан Сталиным и значительно повышен по службе.

В погоне за эффектными, но не относящимися к основному предмету исследования фактами, по принципу «вали до кучи» Брент и Наумов «украсили» свое сочинение рассказом об обсуждении в феврале 1953 года в ЦК КПСС и силовых ведомствах плана строительства четырех спецлагерей для иностранцев,

осужденных по политическим делам. Несмотря на то что эта «ария» явно из другой оперы, она позволила соавторам мимоходом обронить: «По слухам, эти лагеря предназначались для евреев». Их не смутило, что они сами указали проектную вместимость лагерей – 5337 человек, цифра, никак не соответствовавшая масштабам гипотетической депортации евреев. К тому же в СССР насильственно выселяемых отправляли не в лагерь, а на спецпоселение, что не одно и то же.

Заключительная глава – «апофеоз» страстей, планомерно нагнетаемых авторами. В ее основе – застарелая версия, что диктатор был умерщвлен своими ближайшими соратниками, опасавшимися стать жертвами новой «чистки».

В обоснование этой гипотезы выдвигается предположение: в ход мог быть пущен варфарин (аналог крысиного яда), который провоцирует инсульт и желудочные кровотечения, – как раз то, что наблюдалось у умиравшего Сталина. Однако специалисты-медики – профессор Мясников, оставивший детальное описание агонии Сталина и борьбы врачей за его жизнь, а также сотрудники Московской медицинской академии им. Сеченова, проводившие в 2003 году официальную экспертизу по рассекреченным материалам истории болезни диктатора, – полностью исключают вероятность его насильственной смерти. Впрочем, детективный эпизод с отравлением преподносится в книге с оговоркой: дескать, это не более чем предположение.

Подводя итог, приходишь к выводу: гора архивных документов, «задействованных» в исследовании Брента и Наумова, воистину родила мышь. Оттого что авторы, вывернув наизнанку старую антисемитскую байку о «заговоре еврейских врачей против Сталина», превратили ее в «прогрессивный», обличающий «красного фараона» памфлет под названием «Заговор против еврейских врачей», историческая наука мало что приобрела.

Добавим, что исследование Брента – Наумова пестрит нелепыми ошибками. Сталин почему-то числится «незаконным сыном грузинского сапожника»; секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Кузнецов назван членом Политбюро, хотя таковым никогда не был; Георгий Маленков именуется Григорием; замминистра государственной безопасности С.И. Огольцов, как полагают авторы, был арестован осенью 1951 года, а в действительности это произошло после смерти Сталина. Таков лишь краткий перечень ошибок.

Когда эта статья была почти готова, стало известно, что в продажу поступило русское издание труда Брента и Наумова. Приобрести новинку не составило труда, зато велик был шок, вызванный даже беглым знакомством с ней.

В начале 2004 года Наумов, отвечая на вопрос, почему новая «история» «дела врачей» до сих пор не издана по-русски, объяснил: книга писалась для американцев и в дословном переводе будет непонятна россиянам, необходимо редактирование текста.

Редактирование это свелось к тому, что книге дали новое название – «Последнее дело Сталина» – и отказались от подзаголовка, имевшегося в американском издании: «Заговор против еврейских врачей. 1948–1953». Сам же перевод выполнен до того непрофессионально, что к многочисленным ошибкам и искажениям, имевшимся в английском тексте, добавилась масса новых. С первых страниц возникает ощущение, что переводчик одинаково плохо владеет и английским, и русским: обильно представленные в американской версии тексты советских документов переключались в русское издание в обратном переводе (!), хотя их, безусловно, следовало воспроизвести по архивным оригиналам.

Из-за возросшего количества искаженных имен, фамилий, неверных дат, названий учреждений русское издание исследования Брента-Наумова можно квалифицировать как интеллектуальный и издательский брак. Если английскую версию книги еще можно обсуждать, то русское издание – ниже всякой критики.

Àáí í ààè Èíò ù ð-áí èí

ЕВРЕЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ РЕМИЗОВА

Ремизов и Голландия: Переписка с Б.Н. Рапчинским (1947–1957)

Сост. Т.В. Цивьян. М. : «Наука», 2004. — 167 с.

Знаменитый прозаик Алексей Ремизов был известен как неутомимый фантазер и мистификатор. Самым известным его детищем стала Обезьянья Великая и Вольная Палата, кавалерами которой перебивали едва ли не все крупнейшие литераторы эпохи – Ремизов раздавал им чины и звания от имени мифологического обезьяньего царя Асыки. Впрочем, далеко не все ремизовские выдумки были столь же невинны. Современники, часто становившиеся жертвами его розыгрышей, писателя уважали, но не слишком любили. «Жалко и жутко, но и трогательно, как нежить, скулит, – а обогреть – нагадит в карман почти невинно» – так характеризовал автора «Крестовых сестер» М. Кузмин.

Однако в переписке с Борисом Наумовичем Рапчинским (по-русски его фамилия пишется как Рябчинский, но в книге дается «в обратном переводе» с голландского, где он известен как Rapschinsky) нет следов ремизовских мистификаций и провокаций. В эпистолярном общении с известным историком, филологом, переводчиком, большую часть жизни проведшим в Голландии, писатель обходился без розыгрышей. Письма достаточно «обыкновенные», хотя содержательные. Обращают на себя внимание вопросы на темы голландского языка и бытовых реалий, которые Ремизов задает своему «собеседнику» и на которые тот обстоятельно, по-профессорски, отвечает. «Скажите, нет ли (в голландском языке. – М.Э.) парных имен для мальчика и девочки, для Аленушки-Иванушки? Буду вам очень благодарен». Или: «Назовите мне голландское коровье имя, как у нас зовут коров краснуха, пеструха».

Письма Ремизова Рапчинскому (они сохранились намного полнее, чем ответные письма Рапчинского) были найдены в библиотеке Амстердамского университета Яной ван Эйтен-Коопманс. Она выступает публикатором и комментатором переписки. Примечания ее несколько беднее, чем к тому приучен избалованный отечественной комментаторской школой русский читатель, но эта – относительная, впрочем, – бедность искупается обилием вошедших в книгу сопроводительных материалов. Здесь и биография Рапчинского, написанная Яной ван Эйтен-Коопманс, и две работы составителя тома Т.В. Цивьян: «Ремизов своими и чужими глазами» и «Русский литературный язык: “Случай Ремизова”».

Все письма Ремизова воспроизведены в книге факсимильно, что в данном случае очень важно: пристрастие прозаика к каллиграфическим упражнениям и экспериментам превращало любой его текст в произведение изобразительного искусства.

Остановимся несколько подробнее на личности Бориса Рапчинского. Будущий корреспондент Ремизова родился в 1887 году недалеко от Кременчуга в еврейской семье. По окончании гимназии он вступил в еврейскую социал-демократическую партию «Поалей Сион» и стал членом редакции «Еврейской рабочей хроники». Впрочем, Рапчинский и его товарищи успели выпустить лишь один номер газеты – летом 1906 года все они были арестованы и обвинены в антиправительственном заговоре, а также в хранении оружия и взрывчатых веществ. Через полгода Рапчинского освободили до суда, и 24 ноября 1907 года, накануне вынесения приговора, он бежал через Краков в Вену и далее в Амстердам. Там он и прожил оставшиеся 75 лет своей долгой жизни.

В Голландии Рапчинский вновь вошел в круг сионистов-социалистов – не без помощи своего будущего тестя Давида Персона, который был членом правления Союза нидерландских сионистов и в 1911 году представлял Союз на сионистском съезде в Базеле. Именно тогда Рапчинский начал активно сотрудничать в еврейской прессе, ратуя за «сионизм на основе марксизма». Однако, его «роман» с социал-демократами закончился после Октябрьской революции в России, когда Рапчинский выступил с резкой критикой большевистского режима.

В 1920-х годах Рапчинский получил известность как лексикограф, составитель русско-голландского и голландско-русского словарей, а также как историк, автор диссертации о голландских связях Петра Великого. С 1932 года он преподавал в Утрехтском университете.

Когда в мае 1940 года немецкие войска вторглись на территорию Нидерландов, Рапчинский был вынужден покинуть кафедру. Спасая родных, ему удалось зарегистрироваться как «арийцу», вследствие чего его брак приобрел статус «привилегированного смешанного брака». В результате никто из членов его семьи не подпадал под распоряжения оккупационных властей относительно евреев. Но в 1942 году дочь Рапчинского Людмила вышла замуж за молодого еврея Фрица Рихтера и вскоре вместе с мужем погибла в газовой камере Освенцима.

Брак Рапчинского и Маши Персон не выдержал испытания этой трагедией, и после войны супруги расстались. Гражданской женой Рапчинского стала подруга его дочери Жаннетт Теенгс (русские знакомые Рапчинского, в том числе и Ремизов, называли ее Анной Яковлевной). Официально их отношения были оформлены лишь в 1970 году, после смерти Маши Персон...

Жизнь исследователя голландского языка и русской истории Бориса Рапчинского оказалась неразрывно переплетена с судьбой европейского (в том числе нидерландского) еврейства. Поэтому так органично в этой книге выглядит мини-монография Ольги Тилкес «Еврейское время и пространство в Амстердаме»: краткий, но исключительно насыщенный очерк истории голландской еврейской общины с момента ее зарождения в конце XVI века и вплоть до гибели большинства нидерландских евреев во время Холокоста.

Ὁ ἀπὸ τοῦ Ἰωάννη

БРАНДЕЙС ПРОТИВ РОТА

Йозеф Рот. Направо и налево. Роман.

М. : «Текст», 2004. — 256 с.

Роман «Направо и налево» написан Й. Ротом в 1929 году. Главные произведения австрийского классика – «Иов», «Марш Радецкого», «Сказка 1002-й ночи» – были еще впереди, но проблематика его творчества в это время уже вполне определилась. «Направо и налево» – не лучшая вещь Рота, но очень для него характерная. Хотя действие романа происходит в Германии, и центральная ротовская тема – смерть Франца-Иосифа и последующее крушение австро-венгерской монархии, здесь отсутствует, зато остальные ключевые образы и мотивы его прозы – люди, опустошенные первой мировой, утраченные иллюзии потерянного поколения – в романе представлены весомо, грубо, зримо.

Иногда даже слишком грубо и чересчур зримо. Конец 1920 годов для Рота – период активных поисков нового стиля. Экспрессионизм, характерный для его раннего творчества, исчерпал себя, а притчеобразная манера поздних произведений еще не обретена. В результате появился один из самых традиционных романов и без того достаточно традиционного прозаика, производящий, если прочесть его на фоне ближайшего контекста, впечатление анахронизма. В романе «Направо и налево» лишь пунктиром затрагиваются темы, тревожившие писателей, более чутких к веяниям времени. Так, мелькает и бесследно растворяется случайное замечание о множественности личностей, живущих внутри одного человека: идея, в те годы положенная Германом Гессе в основу знаменитого романа «Степной волк».

Пожалуй, самая характерная примета времени в этом романе – пристальный интерес автора к немотивированным движениям человеческой психики. В романе два центральных персонажа – Пауль Бернгейм и Николай Брандейс. Первый заявлен как главный герой с первого абзаца, а второй, словно случайно, вторгается в действие в середине романа и неожиданно оттесняет Пауля на второй план. Их образы решены Ротом в принципиально различной манере. Если Бернгейм – типичный герой классического социального романа, воплощенное свидетельство деградации нескольких поколений буржуазной семьи, то Брандейс – фигура куда более сложная. По сути, это сверхчеловек, которому некуда приложить свои силы. Типичный герой Рота – вечный кочевник, космополит, перекаати-поле, – он бесприютен и бездомен. В финале романа Николай садится в поезд и уезжает неизвестно куда. Уезжает без всяких видимых причин, просто следуя своей природе, из-за вечного стремления к перемене мест. Создается впечатление, что автор специально выталкивает героя за пределы романа, потому что изображенный мир для него слишком тесен, а другого мира у Рота для Брандейса нет. Так Тургенев убивал Базарова или Рудина, потому что не знал, что с ними делать дальше.

Некоторыми чертами Брандейс удивительно напоминает Бенямина Ленца из первого романа Рота «Паутина». Как и Ленц, Брандейс – восточноевропейский еврей (точнее, полуеврей – мать Николая «пришла к его отцу-еврею из дома лютеранского пастора и принесла в дом мужа семейную Библию, мандолину и подписку на семейный журнал»); как и Ленц, он один из закулисных вершителей судеб Европы; как и Ленц, он манипулирует праворадикальной прессой. Даже имя нациста, действующего под диктовку еврея, остается прежним: Ленц использовал в своих целях Теодора Лозе, Брандейс помогает Теодору Бернгейму, младшему брату Пауля.

Впрочем, разница между Ленцем и Брандейсом тоже очевидна. Ленц вызывал отвращение, а Брандейс внушает симпатию. Поступки героя «Паутины» были мотивированы его левацкими убеждениями, о политических же взглядах Брандейса нам ничего не известно. Если он и анархист, то анархист скорее экзистенциальный. Эта деталь лишний раз свидетельствует о переходном характере романа «Направо и налево» и помогает понять эволюцию Рота: в произведениях 1930 годов прозаика будет интересовать уже не личность в предложенных социальных обстоятельствах, а «человек вообще», «человек как таковой».

Через весь роман проходит тема антисемитизма евреев; особенно пристально автор исследует характерный для межвоенной Германии феномен «антисемитизма полукровок». Помимо Брандейса полуевреями являются также братья Бернгеймы, чья мать происходила из еврейской семьи. Это не мешает Теодору, члену общества «Бог и железо», объединяющего «блондинов из арийских семейств», винить

евреев во всех собственных бедах и бедах Германии, а алохическому еврею Паулю видеть в сыне еврея и немки Брандейсе «мудреца Сиона» и носителя «сокровенной восточной мудрости».

Впрочем, в последнем случае дело не столько в еврействе отца Брандейса, сколько в том, что Николай – выходец с Востока. При этом Восток для немца той эпохи «начинался сразу за Катовицами и простирался до Рабиндраната Тагора». Вот почему Теодор называет Брандейса «монголом», а Пауль воображает, как тот держит своих женщин в гареме. Не следует забывать, что для Рота, как и для его персонажей, Восток был тесно связан со стихией чудесного, поэтому он наделял своих галицийских героев мифологическими чертами.

Почему роман назван «Направо и налево»? Автор не объясняет смысл заглавия, но очевидно, что этим названием фаталист Рот пытался подчеркнуть фиктивность любого выбора: все пути абсолютно равнозначны, налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – сам пропадешь; человек, плывущий по течению, и человек, подчиняющий себе жизнь, равно становятся жертвами времени и терпят поражение. Однако, как это часто бывает, текст выходит из-под контроля творца, герои начинают жить самостоятельной жизнью, и загадочное обаяние Николая Брандейса берет верх над авторской концепцией.

Ĭ eōāēē YāēēēōāēēĬ

«Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ...»

А. Евдоим

Началось это задолго до отъезда, до того дня, когда мы втроем, Галич, писатель Владимир Максимов и я, усидев бутылку, пытались прогнозировать его, Галича, будущее. Быть может, опираясь на прошлое, на достославные времена Сашиного официального успеха и благополучия, времена романтических комедий, услаждавших и авторскую душу и долженствующих убедить зрителя: все в порядке, ломать голову абсолютно не над чем. Но одновременно с этим, надо заметить, исподволь нарастало и беспокойство, переходящее в растерянность: так ли уж все о'кей?

От внутренней тревоги Галичу избавиться не удавалось. И не зря: баловню судьбы предстояло угодить в ее пасынки, когда не чьи-то благополучные «жигули» будут дежурить у подъезда, а черные «волги», демонстративно высунувшие антенны, давая понять: мы начеку. И от этой их явной готовности делалось – чего уж там – не по себе. Не настолько, правда, чтобы изменить маршрут, шмыгнув в соседний подъезд...

Взамен официального признания явилась неподконтрольная популярность: молодые компании в ресторане «София» все чаще затягивали песни Галича, иной раз беззаботно нарушая канонический текст. Однажды, не выдержав, я, вопреки обыкновению, подошел и решил поправить поющих.

«А вам откуда известно?» – спросили меня недоверчиво. «От автора», – раздраженно бросил я, одновременно вступая в финальную беседу с официантом.

Нигде не публиковавшиеся строфы расходились по стране, к сожалению, действительно далеко не всегда сохраняя первоначальный вид, а к этому автор относился с трепетом профессионала высокой пробы.

Наши добрые отношения сложились именно в пору превращения Галича из вполне уважаемого советского драматурга в сочинителя более чем подозрительных песен, высмеивавших систему, ее нравы и порядки, открывавших подлинную суть этих нравов и порядков. Настолько подлинную, что черная «волга» у подъезда с какого-то момента не покидала свой пост уже круглосуточно.

Сегодня – и это не удивительно – подобная ситуация представляется запредельной. Однако, будучи уже вчерашней, она далеко не всегда, увы, вызывает потребность сравнить ее с наступившим днем, осмысливая ход событий и связь времен, понять, наконец, что с неба ничего не упало, все основательно оплачено – не долларами, а нервами, бессонными ночами, изматывающим душу противостоянием, когда одна сторона, обладая вполне наглядными преимуществами и не слишком тая свои цели, прибегала к любым уловкам. Вплоть до страшноватой байки о вызове Александра Галича на дружескую беседу в кабинет с видом на Феликса Эдмундовича.

Об этом варианте запугивания мы с Галичем говорили иной раз в другой связи. Лубянка входила в московский район, известный нам обоим с детских лет. Не подозревая о том, мы провели ранние годы в непосредственном соседстве – метрах в трехстах друг от друга. Саша жил в том же, что и я, Кривоколенном переулке, только чуть ближе к Мясницкой. И, соответственно, к Лубянской площади, совершенно не занимавшей двух пацанов, одного из коих доставили в Москву еще в младенческом возрасте (Галич), а другого произвели на свет совсем неподалеку (я).

Обсуждая это совпадение, мы не игнорировали и важные различия. Галич, будучи несколько старше (год рождения «незабываемый... девятнадцатый»), еще на исходе 30-х, окончив студию Станиславского и попробовав свои силы на сцене фронтового театра, после войны становится профессиональным драматургом. Пьесы и фильмы по его сценариям приносят ему широкую известность. Однако написанное во времена нашего знакомства уже не могло рассчитывать ни на сцену, ни на экран. Исключение составлял фильм «Государственный преступник», вполне соответствовавший советским канонам. Чего я, признаться, не понимал.

В ответ на мой недоуменный вопрос Галич объяснил: договор был подписан много раньше, он не мог нарушить принятые обязательства. Это донельзя для него характерно. Он оставался человеком слова. Безотносительно к тому, как стремительно менялись его воззрения. Поэтому с «Государственным преступником» все в конце концов оказалось весьма не просто. И если даже такая позиция сейчас трудно объяснима или вызывает чье-либо несогласие, ее следует принять как данность.

Впрочем, тому, кто хотел бы до конца постичь сложности подобного рода, нужно, вероятно, влезть в шкуру автора, начинавшего вдохновенным певцом сущего, одним из создателей гремевшего в Москве спектакля «Город на заре». («Романтика, романтика небесных колеров, нехитрая грамматика небитых школяров», – напишет он позже.) Я не только видел этот спектакль, но, по воле случая, в 1941-м служил вместе с одним из главных его участников – Максимом Силискириди, знавшим Галича еще до войны.

Повоенный успех безупречно советского драматурга, сочинившего десяток пьес и несколько сценариев, не помешал ему совершить крутой поворот, сделать поистине судьбоносный выбор. Жизнь его совершенно переменялась.

На этом этапе, повторяю, мы и сблизились в доме творчества в Малеевке. Потребность утвердить себя в новом качестве настолько властно владела Сашей, что он, вопреки тамошним неписанным законам, в «священную» первую половину дня, отведенную для работы за письменным столом, мог явиться с визитом и, винясь для порядка, прочитать свежиспеченный текст.

Но главным местом встреч служил, конечно же, домик директора малеевского детского лагеря Литфонда – шумной, веселой, гостеприимной, с прокуренным басом Елены Борисовны Асылбековой. Мусульманская фамилия этой глубоко семитской женщины, приобретенная, коли не ошибаюсь, на фронте, хорошо сочеталась с именем ее сына, которое присвоили ему друзья матери. Чингис-Хаймом нарекли мы его. На самом деле его звали Боря.

За вечерним столом у Елены Борисовны встречались каждый божий день. Саша пел новые песни, аккомпанируя себе на гитаре. Мы слушали изумленно и восторженно, однако, признаюсь, не слишком задумываясь о возможной реакции начальства на это вроде бы вполне правомерное «освежение» поэзии в эпоху, когда многие прежние формулы устаревали, а новые рождались со скрипом.

Появлялись не просто стихи, положенные на музыку, – рождался поэт, не похожий ни на своих собратьев, ни на самого себя, еще недавно вполне принимавшего не только действительность, но и расхожие литературные представления о ней. Более того – воплощавший эти представления в собственном, вполне благополучном творчестве, нисколько не противоречившем советским штампам.

Творчество подобного толка не нуждалось в доскональном знании реальности; оно вполне могло довольствоваться банальными, давно апробированными впечатлениями от нее. Не однокимыми даже, но грубо выдававшими себя за правду-матку. Единственную, исключавшую какую-либо иную.

Даже достаточно осторожная новомирская статья В. Померанцева в защиту искренности в литературе подверглась тогда разному как нечто враждебное, несовместимое с незыблемыми принципами соцреализма. (Замечу: реализм нигде и никогда не бывает социалистическим или капиталистическим, он не нуждается в эпитетах и не приемлет их.)

В жизни, открывавшейся Александру Галичу и открытой им, царила бедность; лучи солнца не проникали сквозь тусклые полуподвальные окна. И когда хватало «к чайку сырку или ливерной», позволительно было счесть себя вполне благоденствующим. А как иначе, ежели вокруг нищета, убогий быт, дикое имущественное неравенство, которое надлежит не замечать? Как и нынешнее?

Повседневное бытие миллионов людей являло одно, литература о них – нечто совсем иное.

Галич оказался среди тех, кто посягал на эту оскорбительную для народа и для литературы несурзанность.

Посягал, как выяснилось, превосходно зная жизнь своих новых героев. Таких, скажем, как Леночка из песни про девочку-милиционершу.

Для меня, признаться, это обстоятельство явилось неожиданностью. Где получил он эти знания, если его житейские маршруты вряд ли превышали триста метров – от собственного подъезда до магазина «Комсомолец» со скромным винно-водочным отделом? Где сумел набраться воистину незабываемых подробностей?

По сей день не берусь твердо ответить на собственный вопрос. Но настаиваю: без глубинного проникновения в повседневную жизнь народа Галич не обрел бы себя в совершенно новом качестве. И не сочинить бы ему песен, что вскоре пели отнюдь не только в «Софии», а повсюду «на просторах родины чудесной», бывшей, правда, несколько менее привлекательной, нежели доказывали «лучшие» поэты. О чем в известность уже давно были поставлены многие.

Именно песни, отрицавшие повсеместную благодать, земной рай на одной шестой части суши, и стали, видимо, причиной появления черной «волги» у галичевского подъезда. «Волга» занимала свое постоянное место и тогда, когда поэт, исхлопотав путевку, отправлялся в Дом творчества в Малеевку. И он, и мы, в некоторой мере составлявшие его окружение, не вполне сознавали, какие тучи стущаются над Сашинной головой.

Хотя кое-что уже можно было заподозрить после просмотра пьесы А. Галича «Матросская тишина». Просмотр состоялся при строго закрытых дверях в Доме культуры издательства «Правда».

Моя мать едва не всю жизнь проработала в школе рабочей молодежи этого издательства. Школа помещалась в тыльной части Дома культуры. Мне не составило труда проникнуть внутрь и стать свидетелем того, как номенклатурные дамы, платочком промокая слезоточивые глаза, следили за спектаклем. Но едва он кончился, как по команде аккуратно сложили платочки, спрятали их в сумочки, обменялись понимающими взглядами и единодушно запретили спектакль. Единодушные реакции было у них в крови. Как неперемное условие жизни и служебной деятельности. Представить себе его нарушение труднее, чем снег в июле.

Окружение Галича бесспорно отличалось пестротой, разнообразием мнений, но у меня нет и малейшего основания кого-нибудь упрекнуть, скажем так, в шаткости и бросить в него камень. Даже спустя многие годы. Или осудить кого-либо за непонимание ситуации, – пусть она еще только начала меняться.

Хотя степень непонимания, как, естественно, и степень понимания галичевской поэзии различались между собой. К примеру, верный правдист Борис Ласкин воспринимал ее так, а профессор военно-воздушной академии Елена Сергеевна Венцель – она приобретет известность среди читателей под псевдонимом И. Грекова, приобретет как автор талантливой новомирской прозы, – совершенно иначе. Видные журналисты Анатолий и Валентин Аграновские тоже относились к ней по-своему. И так далее.

Да, подобно всякому крупному поэту, Александр Галич мог восприниматься по-разному, – что не исключало безусловного доброжелательства и растущей тревоги за друга, вступившего на опасную стезю. Вот только мера опасности пока оставалась неопределенной. Но тучи именно, как говорится, сгущались. Он это превосходно чувствовал и сформулировал свою позицию с подобающей резкостью: «И не верить ни в чистое небо, ни в улыбку сиятельных лиц...»

Сашина жена, красавица Ангелина Николаевна, она же Нюша, именовавшаяся среди друзей за свою худобу «Фанерой Милосской», колебалась между безбрежным оптимизмом и глухим отчаянием.

Теперь уже общеизвестно: песни Галича довольно скоро вышли далеко за родные пределы. Однако сколько-нибудь внятного представления о реакции на них где-то там, за рубежом, мы не имели. Жизнь в глухой изоляции продолжалась. Тем паче, что нашим тщедушным приемникам не под силу было одолеть иступленный вой глушилок, заполнявший эфир, едва «голоса» пытались сказать о Галиче хоть несколько слов, спеть его песни, уже дошедшие до них.

Нашим уделом оставалась жизнь в наглухо замкнутом пространстве. Эдакая духовная, интеллектуальная робинзонада, привычная, будто осенний дождик.

Закордонному, как, впрочем, и отечественному интересу к стихам Александра Галича безусловно содействовала еврейская тема. Пробывалась она, прежде отсутствовавшая, все упорнее, сильно повышая их, как тогда говорили, «непроходимость».

Тема эта относилась не просто к нежелательным – к криминальным. Поскольку так или иначе вскрывала лживость официальной демагогии, касавшейся строго охраняемой наверху, требовавшей поддакивания, но отнюдь не изучения проблемы «дружбы народов». «Дружбы», на деле не исключавшей ни дискриминации одного из этих народов, ни открытого казенного антисемитизма, по обыкновению советских времен приправленного обыденной ложью.

С беспощадной правдивостью Галич написал об убийстве С. Михоэлса песню «Поезд» («Уходит наш поезд в Освенцим, наш поезд уходит в Освенцим сегодня и ежедневно!»).

История гибели Януша Корчака воссоздана в поэме «Кадиш». (Корчак вместе со своими воспитанниками сожжен в Трешлинке.) Судьба евреев «с пылью дорог изгнания и с горьким хлебом» – в «Песке Израиля».

Он не отделял себя от этих своих героев.

Í ó ÷ ò í æ, ã ð è, ã ð è, ì ì ý ç à ç à à

Ì ì ý ó ã ð è è í á: ì à ý ç à ç à à

Á ã ð è í à ð ó è à à à è í à ã ð à è.

Не поддававшийся на провокации Галич при всем его обиходном легкомыслии, тем не менее, сознавал: ни жить, ни писать, ни петь свои песни ему не дадут. Советское руководство, желавшее выглядеть человекоподобным, сознательно, возможно, и не стремилось к людоедским сталинским методам, но иных у себя в запасе не имело. Репрессии становились неизбежными.

À. Àáèè:, Ì. Ñòðíáá, À. Ì áí áéáá, Ì. Ì èðíííáá, È. Ì ðòò.

Об этом мы не раз говорили с Галичем. Говорил он о том же и со своим новым другом, Владимиром Максимовым, человеком трезвым и вполне созревшим для решительных действий.

Однажды днем Саша позвонил, попросил прийти. Явившись, я застал у него Максимова, с которым был давно и хорошо знаком.

Мы сидели за столом, на столе высилась одинокая бутылка. Ньюша принесла закуску и молча удалилась.

Речь пошла о неотвратимости отъезда, его вариантах. Уже понимая неизбежность Сашиной эмиграции, я сидел, совершенно раздавленный.

Много лет спустя я увидел его могилу на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

Смерть настигла Сашу 15 декабря 1977 года во французской столице, когда, верный своей давней, может быть даже детской, привычке он пытался усовершенствовать нечто сугубо техническое.

Минуют годы, и мемориальная доска на фасаде дома по улице Черняховского, где когда-то жил поэт Александр Галич, подтвердит: да, именно здесь он обитал в свои благополучные, а потом и в куда как неблагополучные годы, даровавшие ему, однако, духовное освобождение.

Память о прошлом не исчезла и, надеюсь, не исчезнет: залогом тому – не только мраморный прямоугольник, но и свежие цветы, неведомо кем оставляемые под ним.

Ñ P ðèáì Èpáèì íáìì.

ТОЛЬКО ЛУЧШЕЕ

А'т А'е'е'е'а'т'т'

Рут Альтер не состояла с нами в кровном родстве, она была женой двоюродного племянника моей матери. Но сразу после войны, когда я жил в Йоханнесбурге, общение между родственниками было достаточно тесным, и мы встречались на свадьбах, бар-мицвах и похоронах. Увидев меня, Рутмахала мне рукой, улыбалась, справлялась о родителях, а затем, обернувшись к мужу, говорила: «Он же вылитый...» и всякий раз называла имя другого кузена или дяди, или тети. Ее муж, Луис Альтер, рассеянно кивал и что-то буркал в ответ. Это был крупный холеный мужчина, смуглый, с волосатыми руками и бегающим взглядом. Чувствовалось, что в любой компании ему не по себе, хотя большинство людей старались завоевать его расположение. Он был очень богат – богаче всех в нашей семье. Он владел мебельными фабриками и сетью магазинов, торговавших мебелью, которую выпускали эти фабрики. Ему принадлежали несколько многоквартирных домов, цитрусовая плантация в Восточном Трансваале и транспортная фирма, занимавшаяся (как гласила реклама на каждом грузовике) перевозками чего угодно куда угодно от Кейптауна до Каира. Все, кроме жены, относились к нему с натужным, вымученным уважением; она же обращалась с ним несколько свысока.

Подозреваю, что так обращаться с ним она начала с первых дней знакомства, когда он был молодым честолюбивым иммигрантом, говорившим по-английски с сильным акцентом и владевшим одним-единственным мебельным магазином в трущобах Вредедорпа. Сама же Рут была дочерью известного врача, и ее семья жила в Южной Африке уже несколько поколений. Один из ее предков был в числе первых евреев, служивших в законодательном собрании Кейптауна на заре колонизации, а другой принимал участие в знаменитом скандальном судебном процессе против самого Сесила Джона Родса^[1]. Подозреваю, когда они поженились, многие считали, что для Рут это не самая удачная партия, возможно, и сама Рут придерживалась того же мнения, но, по-видимому, полагала, что на лучшую ей рассчитывать не приходится. Привлекательной ее никогда нельзя было назвать; в то время, когда я с ней познакомился, она была очень некрасива: такая же громоздкая, как ее муж, почти такая же плечистая, с басистым голосом. Губастая, с тяжелым лбом, напоминавшие сосиски седеющие локоны собраны в высокую прическу. Пальцы унизаны бриллиантами, во рту золотые коронки. Снисходительная самоуверенность, с которой она обычно держалась, смягчалась лишь в тех случаях, когда кто-нибудь подходил засвидетельствовать свое почтение ее мужу или восхититься ее нарядами, драгоценностями, ее особняком в Парктауне, ее чудесными детьми.

У Рут и Луиса родились сын и дочь, сын, Деннис, был на несколько лет старше сестры. Высокий юноша, сдержанный, дружелюбный, он исправно трудился на одной из отцовских фабрик, а в свободное время столь же исправно играл в теннис, плавал, танцевал и принимал участие во всех пикниках. Последние два года войны он служил летчиком, а как только война закончилась, спокойно окунулся в мирную жизнь. Было очевидно, что в надлежащий срок он унаследует отцовское дело и будет вести его умело – хотя, возможно, и без характерного для отца напора, который выдавало все – и замкнутость, и

резкие и неловкие телодвижения, и беспокойный взгляд. Было так же очевидно, что Деннис рано или поздно женится на одной из тех богатых и хорошеньких девушек, что так охотно танцевали или играли с ним в теннис. Так со временем и случилось. Но я на той свадьбе не был.

Несмотря на то что при каждой нашей встрече Рут общалась со мной вполне дружески, в дом меня никогда не приглашали, поэтому, когда я впервые увидел ее дочь Марджори, я успел прожить в Йоханнесбурге уже два года и познакомиться с остальными членами семейства. Встретились мы, собственно говоря, на свадьбе – пышном и безвкусном празднестве в дорогом отеле – с оркестром в углу банкетного зала и расставленными вдоль стен столами. Посреди зала было оставлено свободное место, чтобы после ужина и поздравительных речей гости могли потанцевать. Я издали увидел Луиса и Рут, а рядом с ними юную девушку, которая никак не походила на их дочь. Слишком уж она была белокурая, слишком хрупкая, слишком красивая. Однако мгновение спустя она повернула голову, и я заметил, как похожа она на отца: в ее лице был тот же контраст между точеной строгостью профиля и мягкой округлостью щек. Разглядев однажды эти черты в его дочери, я с тех пор всегда отмечал их в Луисе. В остальном, казалась, между ними нет ничего общего. У нее была изящная шея, худые руки; она сидела, чуть подавшись вперед, в позе ее чувствовались одновременно и внутреннее достоинство, и неуверенность в себе, голову Марджори держала прямо, одна рука лежала на столе, вторая на коленях. На ней было простое белое платье с высоким воротником, волнистые волосы, зачесанные назад, были прихвачены ниже затылка бантом. Черты ее, тонкие и четкие, просились на медаль, в ней сочетались хрупкость и внутренняя сила.

При первой же возможности я подошел к ним. Рут, поздоровавшись, осведомилась о моих родителях, Луис кивнул и тут же отвел глаза, после чего Рут, вместо того чтобы представить меня дочери, сказала только:

– Марджори недавно закончила школу. Собирается поступать в университет.

– Замечательно, – пробормотал я. – Непременно там увидимся.

Марджори улыбнулась, но ничего не ответила. Вблизи она оказалась не столь пронзительно, волнующе красивой. Рот у нее был чересчур большой и неинтересный, выдающий натуру заурядную. И нос – в милых, но обыкновенных веснушках. И все же она была необычайно хорошенькая, и мне было приятно, что она согласилась потанцевать со мной. Когда она встала, я случайно бросил взгляд на ее отца. Его большие карие глаза не бегали как обычно, а были устремлены на дочь. Он глядел на нее не то чтобы с нежностью или любовью: слишком уж застывшим и напряженным был его взгляд. Меня это поразило. Я недоумевал: что же такого она сделала, чем вызвано это выражение напряженной озабоченности, читавшееся на его лице. И тут же понял, что она ничего не делала – просто выросла с такой внешностью и манерой держаться.

После танца я проводил ее на место. Мы пробыли вместе всего несколько минут, но я успел понять, что мне не удалось привлечь внимания или пробудить любопытство. Марджори, хоть она и улыбалась вежливо моим шуткам, вежливо отвечала на вопросы и вежливо поблагодарила за танец. Однако я сказал, что рад буду повидаться с ней в университетском городке и с удовольствием окажу ей любую помощь и познакомлю с людьми, которые могут быть ей интересны.

Рут, услышавшая мои слова, решила слегка обидеться.

– У Марджори не будет недостатка в общении, – с вызовом сказала она.

– Я в этом и не сомневался.

– Я хочу, чтобы она сама решала, с кем ей водить дружбу.

– Не сомневаюсь, что так оно и будет.

– В наше время излишняя осторожность не повредит, особенно юной девушке.

Тем более богатой и хорошенькой, хотел добавить я, но сдержался. Мне ни к чему было это говорить, поскольку все они – Луис, Рут, да и юная Марджори явно думали именно так.

По правде говоря, первые два года учебы Марджори в университете я мало ее видел. Мы, как говорится, оказались в разных компаниях. Ее состояла из богатой и любящей потанцевать молодежи, мои же знакомые были тоже по большей части люди небедные, и некоторые из них порой уделяли время танцам, но выше всего в нашей компании ставились интеллект и нестандартность мышления. На самом деле, мы не столько нестандартно мыслили, сколько шумели, хвастались и важничали; думаю, уважение, с каким мы относились к Полу Гауссу, – лучшее тому свидетельство.

Не знаю, как Пол встретился с Марджори Альтер. Мне себя упрекнуть не в чем – не я их познакомил, хотя ее мать считала, что в этом каким-то образом повинен я. Пол закончил университет очень рано, занимался естественными науками, получил диплом с отличием, после чего прослужил два года в армии. Теперь же, в двадцать с небольшим он вернулся в университет и изучал историю и философию. И опять учился блестяще – насколько блестяще, мы могли судить по тому, как нервно, даже с некоторым подобострастием общались с ним многие преподаватели, в особенности молодые. Но его академические успехи не значили бы для нас так много, если бы он придавал этому хоть какое-нибудь значение. Нас поражало то, что он ко всему относился с легким презрением – и к преподавателям, и к университету, и к академической карьере, и к любой другой. Помню, как он говорил:

– Это себя изжило, – и в его пронзительном голосе слышались одновременно раздражение и удовольствие. – Карьера – успех – провал – общественная деятельность – личная жизнь – этому конец, капут. Все это понимают и все равно идут этим путем. Отныне так и будет – изо дня в день, едва сводя концы с концами, вися на волоске. А в один прекрасный день – бац, и нет ничего.

Сделав такого или любого другого рода заявление – лишь бы спровоцировать дискуссию, Пол набычивался – голова его сидела на короткой и мощной шее – и смотрел из-под нахмуренных бровей в пустоту. Роста он был невысокого, но широк в плечах, с мощными руками: когда посреди разговора он подавался вперед, казалось, будто он собирается навалиться на собеседника всем весом, загнать его в угол, а когда откидывался назад, впечатление было такое, словно он великодушно отпускает тебя с миром.

Несмотря на неожиданно высокий для человека такой комплекции голос, он был прекрасным оратором и мог бы стать заметной фигурой в студенческой политической жизни, однако если и выступал на собраниях, то речи его обижали друзей не меньше, чем врагов. Он интересовался социальной антропологией и был одним из немногих моих знакомых, кто свободно говорил на языках коса и зулу; что касается ботаники, то тут он был почти профессионалом: занимаясь естественными науками, он специализировался именно в этой области. Казалось, реши он только остепениться, выбрать профессию и постараться в ней преуспеть, и он мог бы заняться чем угодно. Мы бесконечно восхищались им как раз потому, что он ничуть к этому не стремился. Мы восхищались его ленью, тягой к спиртному, вспыльчивостью; восхищались драками, в которые он ввязывался в городских барах, тем, как он носился на бешеной скорости на машинах, одолженных у друзей, как, напившись, перемахивал через заборы, как устроил аборт для забеременевшей от

него медсестры из Йоханнесбургской больницы. Мы восхищались им потому, что у него не было дома (его отец умер, а мать лежала в психиатрической клинике), потому, что у него не было денег, кроме тех, что ему как студенту, отслужившему в армии, выплачивало государство; потому что он не имел ни надежд, ни честолюбивых замыслов относительно себя и в других это не уважал.

Вряд ли можно было предположить, что Марджори Альтер будет восхищаться им по тем же причинам. Впервые я услышал о том, что между ними что-то есть, когда Рут Альтер неожиданно пригласила меня зайти к ней вечером. Меня разбирало любопытство: я никак не мог сообразить, зачем я вдруг ей понадобился, но оказалось, что меня ждет не прием, а допрос с пристрастием.

Слуга в белой куртке и белых брюках открыл мне дверь и проводил в гостиную. После этого я бывал в доме еще несколько раз, и меня всегда поражала царившая атмосфера спокойствия и прохлады, поражали молодые дубки вдоль подъездной аллеи, чьи кроны скрывали дом от посторонних глаз, лужайки и клумбы на склоне, спускавшемся к расчерченному белыми линиями рыжему прямоугольнику корта в конце парка, поражал и контраст между белыми голландскими фронтонами снаружи и темными полами и мебелью внутри. Уединенность и размеры дома и угодий не могли не восхищать, но мысль о том, сколько денег пошло на эту роскошь, вызывала некоторый ужас.

В мое первое посещение Рут времени даром не теряла, она даже не спросила меня про родителей. Знаком ли я с Полом Гауссом? Что мне о нем известно?

– Он очень умный.

Такой ответ особенно ее разозлил.

– Еще какой умный! – воскликнула она. – Настолько умный, что пытается заполучить то, что ему не предназначено.

– Что вы имеете в виду? Что он пытается заполучить? – Я и в самом деле не понимал, о чем она говорит.

– Марджори! Мою дочь Марджори! – произнесла она с надрывом.

Я сидел на роскошном – подушки, полированное дерево, белые кожаные подлокотники – диване. Откинувшись на подушки, я смотрел на тяжелое, хмурое лицо Рут и изо всех сил старался сдерживать улыбку. Губы ее были скорбно поджаты, руки, как всегда в бесчисленных кольцах, она сцепила на коленях. Сидела она напротив меня в кресле под стать дивану, двери, выходящие на лужайку, были распахнуты. Из-за дубов светило предзакатное солнце, и там, куда падали его лучи, и трава, и листва выглядели особенно зелено. Шум машин сюда не долетал. Чего здесь было бояться?

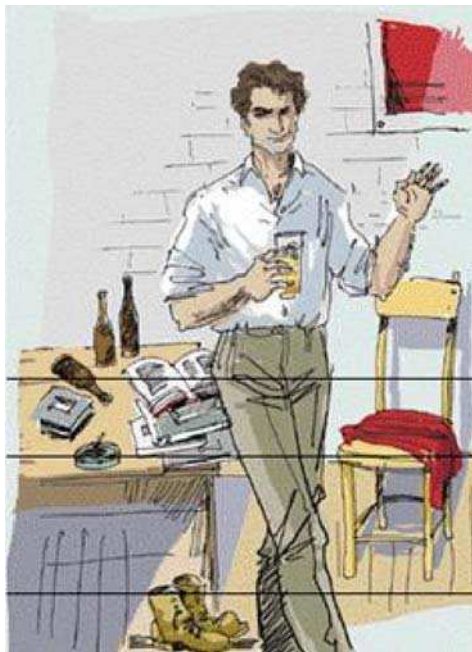
– Я даже не знал, что они знакомы, – сказал я.

И тут Рут басовито, не скрывая своего возмущения, ввела меня в курс дела: Марджори встречается с этим парнем тайком от родителей. Деннис видел их вдвоем в кино и поинтересовался у сестры, кто ее спутник, а в ответ Марджори попросила его не лезть в ее дела и то же самое сказала матери. Больше всего Рут насторожил именно резкий тон Марджори.

– По тому, как она со мной разговаривала, я поняла, что это не случайный знакомый. Поняла, что он для нее много значит, – продолжала Рут и рассказала, как в конце концов выудила у Марджори его имя. – Это куда хуже, чем случайный знакомый. Он – никто, просто Пол Гаусс, Пол Гаусс – и всё. Кто он такой? Откуда? Что у него за семья? С кем он общается? – И тут Рут взглянула на меня с осуждением. – Из всех, кого она назвала, мне хорошо знакомы только вы. Но я и о других кое-что слышала. Что он изучает? – спросила я. – Медицину? Право? Архитектуру? Нет. Философию, видите ли! Занимается не пойми чем, сам не пойми откуда, семьи у него нет, приятели его мне доверия не внушают, он бедный, с нами знакомиться не торопится...

– Я тебе уже говорил: поднимая вокруг этого шум, ты только хуже делаешь. Может, Марджори не относилась бы к нему серьезно, если бы ты так серьезно это не восприняла. Об этом ты думала? Вполне возможно, Марджори к нему серьезно и не относится, и все это – лишь игра твоего воображения.

Ни я, ни Рут не слышали, как подошел Луис Альтер; он стоял в дверях гостиной. Никогда прежде он не говорил так долго, да и сейчас, похоже, был смущен своим красноречием. В комнату он не прошел, так и стоял у входа, раскачиваясь в своих до блеска начищенных ботинках. Сообразив, что забыл поздороваться, Луис кивнул мне, посмотрел вверх моей головы в сад, развернулся и вышел. Мы услышали, как он раздраженно позвал кого-то из слуг. Я подумал, что он велит принести нам чего-нибудь прохладительного, но вернулся он, только когда я уже собирался уходить. Он молча пожал мне руку и, стоя в тени у парадной двери, смотрел мне вслед.

Мой визит лишь укрепил Рут в ее худших подозрениях. Я не мог ее утешить, поскольку почти все, что она разузнала о Поле Гауссе и до чего додумалась сама, было правдой. А я не готов был лгать ради того, чтобы возвысить Пола в ее глазах. Но я как мог старался ее успокоить: рассказывал, с каким уважением относятся к нему преподаватели; сказал, что, возможно, Луис прав и ни Марджори, ни Пол не придадут особого значения своим отношениям; я оставил при себе и те сведения, которые бы еще больше взбудоражили ее. В числе прочего утаил и где находится мать Пола.

Я ломал голову: должен или не должен я рассказать Полу, что мать Марджори вызвала меня к себе и расспрашивала о нем, но решил этого не делать. У меня не было ни малейшего желания встревать в эту историю, кроме того, я был уверен, что Пол сам может за себя постоять. Но поскольку Рут выбрала меня советчиком, я помимо воли оказался все-таки замешан. Пол был моим другом, Альтеры были со мной в родстве, я был нужен и как общий знакомый, и как доверенное лицо.

Через несколько дней после беседы с Рут Альтер Марджори подошла ко мне в университетском городке и сказала, что знает о моем визите и о том, что меня расспрашивали про Пола Гаусса. Марджори явно смущалась, но говорила решительно, громким голосом и высоко держа голову.

– Пойдем, выпьем кофе, – прервала она паузу, последовавшую за моим признанием. Я замялся, и тогда она резко повернулась ко мне и чуть наклонилась вперед, словно собралась бросить связку тетрадей, которую прижимала к груди, к моим ногам. – Прощу тебя, – попросила она. И мне пришлось согласиться.

Наш разговор происходил на лестнице перед входом в главное здание. Пока мы шли мимо барачков – в случае необходимости их использовали как аудитории – к кафе, она сказала, что мечтает поговорить как раз с тем, кто и с Полом дружит, и с ее родителями знаком.

– Раз уж тебе об этом известно, то лучше уж тебе знать все. Загвоздка вот в чем... – она засмеялась нервным смехом, в котором чувствовалось раздражение. – Я и сама не знаю, есть ли тут что обсуждать. Поэтому-то я им и не говорила, что встречаюсь с ним; не хотела, чтобы они зря волновались... – Она замолчала и остановилась. – Пол – не первый, с кем я встречалась, хотя, судя по маминому поведению, можно предположить, что это так. Разумеется, всех предыдущих она одобряла.

– Пола она никак не одобряет.

Мы снова шли рядом.

– Я тоже, – призналась Марджори.

Тут уж остановился я.

– Тогда зачем ты с ним встречаешься? В чем дело?

– Именно в этом, – ответила Марджори, в голосе ее снова сквозило раздражение. – Во всяком случае, сейчас. Мне было бы легче спорить, если бы я знала, что мама неправа. Но я в этом совсем не уверена.

В кафе, пока мы пили кока-колу, она сказала мне:

– Если бы только он остепенился! Все это одна видимость – и богемная жизнь, и наплеватьство. Я в этом уверена. Я его уже изучила. Сплошное ребячество и притворство. И за это я его презираю.

– Чего же ты от него хочешь?

– Чтобы он был таким, как все.

– Но ведь он умнее всех. Неужели будет лучше, если он растратит силы впустую?

– А разве сейчас он их не тратит впустую?

– Не знаю, – ответил я. – Надеюсь, нет. А если бы он был таким, как все, он бы тебе нравился?

– Я задавала себе этот вопрос, – призналась Марджори. – Думаю, да. Наверняка нравился бы. Потому что никакой силой его не лишит того, что у него и так есть. А если бы он остепенился, то имел бы и все остальное.

Я задумался, а потом спросил:

– Все, что есть у Денниса?

Я побоялся, что зашел слишком далеко. Но Марджори ответила без тени иронии:

– Да.

Пол, разговаривая со мной о Марджори, был так же тверд.

– Капризная девчонка. Они ее испортили. Живет как во сне. Так еще и не осознала, каков мир вокруг нее. Знаешь, кого она хочет из меня сделать? Дадли! – сказал он, повысив голос, с брезгливым презрением. Так мы называли тех, кем никоим образом не хотели стать: Дадли было имя нарицательное для хороших еврейских мальчиков. – Ты бывал в их доме? Марджори несколько раз тайком водила меня туда, когда родители уходили. В жизни не видел такого бессмысленного места. Мебель не какая-нибудь, а настоящего дерева, персидские ковры, на стенах живопись маслом, причем имена все проверенные. Убери это, и что останется? Ничего. Пустота. Одна коробка. Ни намек на полет мысли, на душевные порывы, на искренние чувства. Они не мыслят своего существования без собственности, без места в жизни, полученного благодаря этой собственности, – места, которое можно посмотреть, потрогать, на которое можно навесить ярлык с ценой. Разумеется, они любят Марджори, потому что она – тоже их собственность. Они заботятся о ней, как и положено заботиться о собственности. Они хотят упорядоченности и надежности. Поэтому им нужен благополучный и успешный зять – очередное выгодное приобретение. Я таким быть отказываюсь.

– Откуда ты знаешь, какие они? – возразил я. – Ты же их в глаза не видел.

– Их не видел, но знаю Марджори. И видел, что они с ней сделали. А еще вижу, что она пытается сделать со мной.

– Тогда почему ты с ней общаешься? Не лучше ли оставить ее в покое?

Пол упрямо подался вперед, уперся локтями в колени, стиснул кулаки.

– Потому что она тянется к другой жизни. Иначе бы ни за что со мной не связалась. Она сама не знает, чего ищет, даже не знает, что вообще что-то ищет. Но я знаю.

Пол жил тогда в доме за обсерваторией; у него была тесная каморка с кирпичными стенами – бывшая комната для прислуги. Пол сам ее побелил, а потом расписал: на первой фреске плясали или охотились угловатые, как на наскальных рисунках, человечки-бушмены; на второй те же человечки читали газеты, сидели на политическом митинге, стояли в очереди за жареной рыбой с картошкой, совокуплялись на задних сидениях машин. Думая о Поле, я чаще всего представляю его в этой комнате: так и вижу, как он ходит из угла в угол, в рубашке с небрежно закатанными рукавами, со стаканом пива в одной руке, с сигаретой в другой. Именно там как-то вечером, когда он опять принялся высмеивать родителей Марджори (помню, как он язвительно спрашивал Марджори: «На что им собственно жаловаться? Пусть скажут спасибо, что я не гой!»), она, не выдержав, крикнула:

– Пол, сам-то ты чего хочешь?

Он откинул голову и сказал неожиданно спокойно и ласково:

– Детка моя, неужели ты не понимаешь: когда всё так неопределенно, все привычные ценности зыбки и расплывчаты, – выход только один – назначить неопределенность главной ценностью. Это я и пытаюсь делать. Я вынужден это делать. Ты понимаешь, какая этому альтернатива? Страх. Уныние. Посмотри на мир. Посмотри, до чего он докатился. В наше время есть только один способ жить без страха: нужно отказаться от попыток искать что-то надежное, непоколебимое, незыблемое. Ведь если ты решишь, что обрел это или можешь обрести, то либо будешь бояться потерять, либо – так и не получить. И правильно будешь бояться – обрести это невозможно. Ни в нашей стране, ни в какой другой. Прошли те времена. Ну, и что ты намерена делать? Так всю жизнь и бояться? Ты этого хочешь?

И Марджори сдавленным голосом ответила:

– Нет.

А потом, словно в комнате больше никого не было, посмотрела ему в глаза, и лицо у нее было такое отчаянное, такое незащищенное. Пол глядел на нее, все так же откинув голову, и на губах его играла улыбка. Повернувшись ко мне, он сказал с гордостью, но по-доброму:

– Я же тебе говорил...

В конце концов Альтеры пригласили Пола в дом, за первым приглашением последовали и другие. Рут мне говорила, что на этом настоял ее муж: он считал, что не пускать его в дом куда опаснее, чем принимать время от времени. Пола никогда не звали одного, всегда в числе других гостей, среди которых частенько оказывался и я. В доме Альтеров Пол всегда вел себя безукоризненно, словно ему доставляло удовольствие не оправдывать ожиданий хозяев. Он держался тихо и скромно, не забывал восхититься цветами на столе, похвалить еду и напитки. А Марджори все чаще и чаще приходила в комнату Пола.

Луис, естественно, надеялся, что отношения Пола и Марджори сами себя изживут, и, выказывая свое равнодушие к происходящему, он только ускорит процесс. Но его надежды не сбывались, и настало время, когда он перестал притворяться. Вынудила его к этому сама Марджори: по-моему, в тот вечер она решила проверить, насколько далеко может зайти в присутствии родителей. И ответ не заставил себя ждать.

За ужином, насколько я помню, нас было человек шесть и, разумеется, Рут и Луис, которые с неодобрением слушали рассказы Марджори про нелегальные собрания людей разных рас, куда она ходила вместе с Полом, про то, каким Пол видит будущее Южной Африки, про их с Полом планы поехать вместе отдохнуть. Родители с неприкрытой тревогой наблюдали за тем, как она пьет, – больше, чем остальные, как гладит руку Пола, как, она, опрокинув стакан с водой, чертыхнулась и громко рассмеялась. Неловкость испытывали все присутствующие, Пол был удивлен и даже смущен поведением Марджори, Рут злилась и все время одергивала дочь, Луис же не проронил ни слова.

После ужина все, за исключением Луиса и Рут, вышли, прихватив с собой подстилки, выпивку и сигареты, на лужайку. Мы сидели, болтали и смеялись все громче – расслаблялись после напряженного застолья с родителями, а потом я пошел в дом за сифоном с содовой – мы забыли его взять. Луис сидел в гостиной один, Рут, по-видимому, уже отправилась спать, а он остался в полутемной комнате – курил и читал газету.

– Берите-берите, – сказал он, когда я объяснил, зачем пришел, и махнул рукой в сторону буфета с напитками. Я уже собирался уйти, но тут он окликнул меня и указал на кресло рядом с собой. Я присел, и некоторое время он молча курил, лишь изредка на меня поглядывая. Затем спросил, согласен ли я с тем, что говорят о Поле – что это блестящий ум и он далеко бы пошел, если бы остановился на чем-то одном.

– Я в этом убежден. Он может заниматься практически чем угодно.

– Так почему же он этого не делает?

Меня тронула наивная прямота вопроса.

– Не знаю, – сказал я. – Такой уж он человек.

– Непостоянный? – подсказал Луис.

– Я бы так не сказал.

– И какой же?

– Может, причина в том, что у него слишком хорошо получаются самые разные вещи. А может, в том, что в наше время просто трудно решить, чем заниматься.

– В наше время... В наше время – так говорят, чтобы оправдать все, что угодно.

– А разве это не так?

– Нет, – твердо сказал Луис. – Оправдания меня не интересуют. Тем более, когда дело касается Марджори. – Он говорил медленно, с расстановкой. – Думаете, меня беспокоит, что у него нет семьи, нет денег, нет йихуса^[2]. Мою жену это действительно заботит. Но у меня самого не было ни семьи, ни йихуса, а теперь у меня хватает денег содержать хоть дюжину профессоров – если он захочет, к примеру, пойти в науку. Мне это не в тягость. Я хочу только знать наверняка, что о ней будут заботиться так, как она того заслуживает. Станет ли он о ней заботиться? Как он к ней относится? Чему Марджори может от него научиться? Сами посмотрите! Он и о себе толком позаботиться не умеет, как же он будет заботиться о ней?

Я даже не пытался отвечать; сидел, держа на коленях сифон, и ждал, когда он закончит. Я не хотел вставать, пока он не договорит, честно признаться, и не осмелился бы. Его угрюмость наводила страх.

Луис сам вдруг поднялся.

– Нет, – произнес он и снова повторил – нет. – И это был не только ответ на заданные им же вопросы. Он подошел к дверям в сад, вышел на террасу.

– Марджори! – услышал я.

Она подбежала к нему. На них падал свет из комнаты; вдалеке темнела лужайка.

– Марджори, – сказал Луис, – скажи своим гостям, что пора уходить. Уже поздно.

– Да что ты, папа! И вовсе не поздно, – удивилась Марджори.

– Делай, что тебе велено. Скажи, чтобы они уходили.

– А если я не послушаюсь? – попробовала отшутиться Марджори.

– Тогда и ты уходи.

Я увидел, как переменялось лицо Марджори: она перестала смеяться и спросила почти испуганно:

– Что с тобой, папа? Что на тебя нашло?

– Ты слышала, что я сказал?

– Да, – только и ответила Марджори. Они стояли и молча смотрели друг на друга. Луис положил ей руку на плечо, и Марджори не отстранилась. Только сказала: – Ты совершаешь ошибку.

– Это мы еще посмотрим. – И, повернувшись к лужайке, Луис крикнул: – Гаусс!

Пол подошел к террасе.

– Да, мистер Альтер!

– Вам с друзьями пора идти. Уже поздно.

Пол взглянул на часы. Вряд ли он слышал разговор Марджори с отцом, но, по-видимому, догадался, что ему брошен вызов.

– Сейчас только десять часов, – сказал он. Никогда прежде он не позволял себе говорить с Луисом столь непочтительно. И неспешно добавил, а высокий тембр усугублял пренебрежение, звучавшее в его словах: – Впрочем, это ваш дом.

– Вот именно, что мой. – Рука Луиса так и лежала на плече Марджори.

– Ты идешь? – спросил Пол Марджори. – Можно пойти выпить ко мне.

– Нет, Марджори с вами не идет, – ответил за нее Луис.

– Ты правда остаешься? – спросил Пол.

Марджори побледнела, губы ее дрожали. Не выдержав напряжения, она отвернулась, как обиженный ребенок, от обоих.

– Не понимаю, что с вами такое, – сказала она, словно они затеяли спор о пустяках.

Пол и Луис стояли друг напротив друга, и молчание так затянулось, что, казалось, прервать его может лишь крик или драка. Первым заговорил Луис. Он взглянул на Марджори, затем кивнул в сторону аллеи и сказал Полу:

– Уходите. Вы только и умеете, что говорить. Когда определитесь со своей жизнью, тогда и возвращайтесь.

– Марджори! – позвал Пол. И повторил: – Марджори!

Но она даже не посмотрела на него. Бросилась в дом. Когда она пробежала по гостиной, ее взгляд упал на меня, но меня она словно не увидела. Я услышал, как ее каблучки стучат по лестнице.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Луис. – Теперь идите.

Пол стоял с опрокинутым лицом; губы его шевелились, но он не проронил ни слова. Молча кивнул раз, другой. И, развернувшись, зашагал по аллее. Мы смущенно последовали за ним. На улице мы остановились в нескольких шагах от него: не понимали, хочет ли он, чтобы мы остались с ним или предпочитает побыть один. Он наклонился, поднял с обочины камень, бросился назад к дому и скрылся за деревьями. Мы только слышали его крик: он ругался, звал Марджори. Через несколько мгновений раздался звон разбитого стекла – должно быть, камень угодил во входную дверь. Мы невольно бросились врассыпную и собрались на углу напротив. Из темной аллеи вышел Пол. Он шел медленно, спокойно, засунув руки в карманы.

– Пойдемте чего-нибудь выпьем, – сказал он.

Позже мы решили, что эта сцена между Луисом и Полом была неизбежна; рано или поздно нечто в таком роде должно было случиться. И мы все ждали, что же будет дальше. Но, увы, не происходило ничего.

Марджори уехала с матерью в Кейптаун. Мы даже не знали, что вскоре после этого Пол подал документы в аспирантуру Лондонской школы экономики на курс профессора, занимавшегося историей и философией науки. Тогда его мало кто знал, но теперь он приобрел известность и популярность, чего и следовало ожидать, поскольку способности у него выдающиеся. Преподаватели дали Полу лучшие рекомендации. Как только Полу сообщили, что он принят, он тут же отплыл в Англию. Произошло это быстро и без особого шума, и мы все были изумлены случившимся; кое-кто считал, что Пол так поспешно уехал потому, что стыдился своего поступка, – ведь он прежде презирал людей, выбиравших благопристойную академическую стезю.

Наверное, его осуждали бы еще суровее, если бы стало известно, что перед отъездом Пол просил Марджори – она к тому времени уже вернулась в Йоханнесбург – выйти за него замуж. После того вечера в доме Марджори они встретились впервые, и Пол, как спустя много времени рассказывала мне Марджори, вел себя напористо и зло.

– Ты хоть понимаешь, что я могу для тебя сделать? – кричал он. – Разве ты не видишь, как много ты можешь сделать для меня? Неужели то, через что мы с тобой уже прошли, ничего для тебя не значит?

И только когда Марджори попросила у него прощения, Пол признался, что уезжает в Англию и рассказал, зачем; только тогда он сделал ей предложение.

Марджори было стыдно, что в их последнюю встречу она не поддержала его, она считала, что предала Пола и была уверена, что он с ней не захочет больше знаться. Теперь же она плакала от радости и благодарности. Разумеется, она ему доверяет. И любит его. В разлуке она поняла, как сильно любит его. Она готова уехать немедленно. Они отправятся в Англию вместе. Она как-нибудь раздобудет денег на билет. И ей все равно, что скажут и что сделают родители.

Но, к ее удивлению, Пол считал, что им надо вести себя осмотрительно и осторожно.

– Твой отец смирится, – сказал он. – Я в этом уверен. Он ведь предложил мне прийти снова, когда я чего-либо достигну. Я покажу этому сукину сыну, на что я способен. Я не оставлю ему выбора, ему придется смириться.

– Но я не хочу ждать!

– Придется. Это в любом случае лучший выход. Если ты из-за меня порвешь со своими родителями, ты никогда мне этого не простишь. И возненавидишь меня за то, что я тебя к этому вынудил.

– Как ты можешь говорить такое, Пол?

– Я так говорю, потому что хорошо тебя знаю. И потому что хочу тебя такую, какая ты есть, со всем, что у тебя есть.

– А я хочу, чтобы все, что у меня есть, было твоим.

– Жаль, что я сейчас не могу дать тебе многого. Но дай срок, все изменится.

В тот вечер Марджори впервые осталась у Пола на ночь; там она провела и все последующие ночи до его отъезда. Родителям она сказала, что побудет у подруги в одном из городов Трансвааля. Но, вернувшись домой, рассказала им все без утайки.

Рут рвала и метала, называла Пола бандитом, хулиганом, таким же мешугене, таким же сумасшедшим, как его мать, низким и подлым типом. Рут предложила Марджори отправиться с ней в путешествие в Южную Америку или хотя бы пойти к врачу, к психоаналитику, к раввину в конце концов. И Рут, и Луис думали, что после того как Марджори не встала на сторону Пола, а он от бессилия и унижения взъярился и устроил скандал, больше они его не увидят. Теперь же Рут ругалась, а Луис избегал дочери, но несколько ночей бродил без сна по дому в халате и пижаме. Деннис же обнял сестру, улыбнулся и посоветовал ей не дурить.

Марджори ждала писем от Пола и писала в ответ длинные послания. В его письмах поначалу были одни жалобы. Лондон – такой огромный, сплошь мрак, холод, сырость. Англичане неприступны. Конкуренция жестокая. У него огромные пробелы в знаниях. Живет он в крохотной комнатке насквозь сырой. Ничего лучшего на стипендию он себе позволить не может. Цены на все бешеные. Заболел гриппом. Хочет вернуться домой; ни за что не вернется; не может вернуться; он все выдержит, он добьется своего. Он покажет ей, покажет всем, на что он способен.

Марджори зачитывала отрывки из его писем родителям: рассчитывала вызвать в них сострадание к его тяготам и уважение к его силе воли. Ничего подобного. Его нынешнее жалкое положение лишь утверждало их в уверенности, что он неудачник; посулы и похвальба не гарантируют ни успеха, ни твердого стремления его добиться. Для них он оставался все тем же Полом Гауссом, который разбил их окно и соблазнил их дочь. Они никогда не заговаривали о нем сами. Делали вид, что забыли о его существовании.

Шло время, и Марджори, потеряв надежду на то, что родители смирятся, написала об этом Полу. Судя по его ответу, это письмо его разочаровало и огорчило. Ее родителям придется согласиться на их брак, сейчас он убежден в этом более, чем когда-либо. Она даже представить себе не может, писал он, как тяжело, почти невыносимо жить в Англии без денег, без покровителей, без друзей. Но он верит в успех. Ради нее самой, ради них обоих он умолял ее запастись терпением и ждать.

И Марджори ждала. Щеки ее ввалились, лицо осунулось, взгляд стал застывшим – как у отца. Но однажды, встретив ее в городе, я поразился тому, как она изменилась: уже много месяцев я не видел ее такой бодрой и уверенной.

– Я приняла решение, – сообщила она мне. – Еду в Англию. Я написала Полу, что приеду, как только раздобуду денег. Родители ничего не знают, и я им ничего не скажу. Пусть катятся ко всем чертям. Я написала Полу, что после всего, что мне пришлось вытерпеть, когда он уехал, я не приму от них помощь, даже если они ее предложат. Я с ними порву. Я их ненавижу. Я сказала Полу, что лучше буду мыть полы, чем возьму у них деньги. Мы с ним будем жить по-своему.

Марджори довольно быстро набрала денег на пароход, поначалу она собиралась лететь, но это оказалось слишком дорого. Тайком – она боялась, что, узнав про ее планы, родители помешают ей, тем более, что ей еще не исполнилось двадцати одного года, – она продала все свои драгоценности и половину нарядов, немного денег заняла у людей, которым доверяла. Паспорт у нее был, с ним она ездила в Лоренсу-Маркиш и Родезию. Чтобы сбить родителей со следа, она поехала к подруге в Кейптаун, провела там неделю, а потом села на почтовый пароход и, уже находясь в море, послала одну телеграмму подруге, сообщив, куда уехала, и вторую Полу – что она в пути.

Через две недели она прибыла в Саутгемптон, оттуда добралась поездом до Лондона. Она рассчитывала, что Пол будет встречать ее на вокзале Ватерлоо, но его там не оказалось. Она взяла такси и поехала по адресу, на который посылала ему письма, но выяснилось, что Пол там больше не живет. Следующее такси отвезло ее по незнакомым улицам в Лондонскую школу экономики, где она раздобыла новый адрес Пола. Она добралась, позвонила в дверь, и ей открыла женщина, назвавшая себя миссис Гаусс.

Марджори подумала было, не представиться ли ей чужим именем. Но не стала этого делать.

– Передайте мистеру Гауссу, что к нему заходила Марджори Альтер, – сказала она, развернулась и ушла, а молодая женщина с изумлением смотрела ей вслед.

Она послала телеграмму родителям, попросила денег на обратную дорогу. Как только деньги пришли, она первым же самолетом улетела домой. В Лондоне она провела всего три дня.

Когда молодая женщина – она действительно стала впоследствии женой Пола – представилась Марджори как миссис Гаусс, Пол на ней еще не женился, они просто жили вместе. Познакомились они несколькими неделями раньше, сразу же после того, как Пол получил последнее письмо Марджори, где она писала, что решила к нему приехать.

На каком-то приеме в Лондоне мне случилось увидеть жену Пола: эта высокая женщина с гордой осанкой чем-то неуловимо напоминала Марджори Альтер. Она не была еврейкой. Мне сказали, что она из семьи известных кембриджских ученых. Полагаю, Пол сделал карьеру, которая, как известно, складывается весьма успешно, не без помощи ее связей. После Лондонской школы экономики его пригласили в Оксфорд, затем в Принстон, откуда он снова вернулся в Оксфорд. «Один из самых разносторонних и многообещающих молодых преподавателей философии», – так написали о нем недавно в колонке светской хроники газеты «Обсервер», там же ему прочили должность профессора в одном из новых университетов; репортер упомянул также о его жене, о его страсти к ботанике, о его частых выступлениях по телевидению, о недавнем увлечении джазом, об уникальной способности к языкам и о том, что, живя в Южной Африке, он проводил антропологические исследования в зулусском краале.

Самого Пола после его отъезда из Южной Африки я не встречал, но, учитывая, какую карьеру он сделал, его жизненные установки не оставляют сомнений.

Марджори же после трех дней в Лондоне вернулась угнетенной и подавленной. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: юность ее закончилась. Лицо ее стало лицом зрелой женщины, бледным, безжизненным, погасшим, в нем уже не чувствовалось той силы, которая прежде ждала своего воплощения. После возвращения она избегала меня, избегала всех, кто видел их с Полом вместе, и начала общаться с теми, с кем общалась до него. Тогда же женился Деннис. Как я уже упоминал, меня на свадьбу не пригласили.

Впрочем, интерес к старым приятелям иссяк у Марджори довольно быстро. Месяцев через шесть после возвращения из Лондона она познакомилась с никому не известным поэтом, писавшем на африкаансе, нервическим разведенцем много ее старше, и буквально через несколько дней вышла за него замуж и уехала в Кейптаун. Она живет там до сих пор, правда, уже без поэта; собрала вокруг себя кружок, в него входят два-три художника, какой-то человек, делающий медные украшения, актеры местного театра, несколько бывших коммунистов, один юнгианец, итальянец, который держит туристическое агентство, он же ее нынешний любовник, журналисты из тех, кто поинтеллектуальнее, временами какая-нибудь заезжая знаменитость, ну и все их любовницы, подруги, жены.

Перед тем как Марджори удалось наконец выставить поэта из дома, она родила от него дочь, но та в основном живет с дедушкой и бабушкой в Йоханнесбурге. Из Рут – а она постарела гораздо меньше, чем можно было ожидать, – получилась любящая и заботливая бабушка. Луис недавно перенес два инфаркта, он теперь не такой подвижный, но спокойнее почему-то не стал. Он следит за тем, чтобы дочери в Кейптаун регулярно переводили деньги. Ни он, ни его жена ее не навещают.

Í adháiré Á. Í ðí ðí éí áí é

¹¹ *Náiréé Áæíí Dírú (1852-1902) - áí æééíééé ííéèòéé è æéí áíí áí, ííí íáòáéü éíí íáíéé «Áá Áéðí». Á áíí :áíòü áúéé í áçáíí ú Nááíðí áý è P æí áý Dírú æý.*

¹² *Ééðíí - ðí áíí éí áí áý (éæèø).*

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ В СОЗДАНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСКУССТВА

Āēāēī ēđ Nōāmā

Мне кажется, теперь самое время взглянуть на то, как европейское искусство представляет евреев в своих картинах и статуях. Прежде было бы просто невозможно об этом и речь заводить. Старинная Европа знала одно только искусство – идеальное, а этому искусству, во многих отношениях еще младенческому, несмотря на всю внешнюю красоту и совершенство, еще не было никакого дела до национального характера, народных типов, местностей, костюмов. Оно было совершенно довольно общими местами самого абстрактного свойства и, обращая все внимание на сторону душевную, до остальных решительно не дотрагивалось.

Āāđōī āī Ōāāēū Āđāpōā īī īpāēđō ēđāāāīā īāāīōā

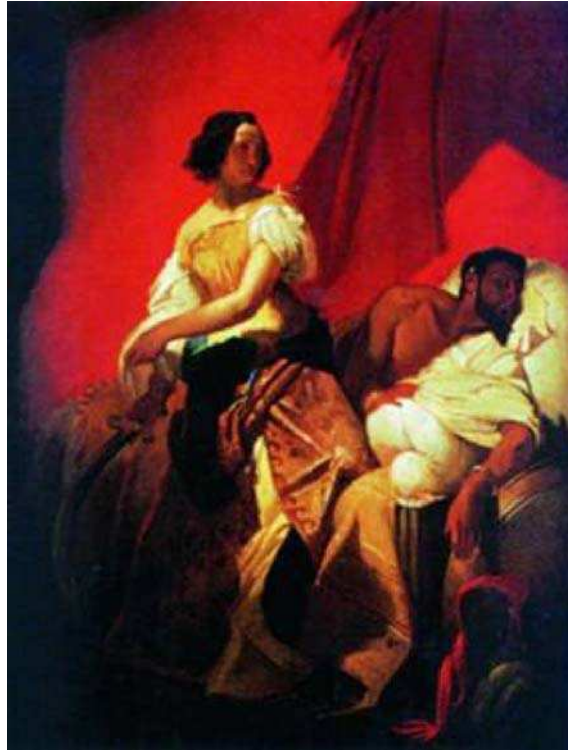
Nēī īīā ēč Ōāāī ōā (1475 ā). 1493 ā

Теперь другое дело. Теперь проснулось чувство национальности. Нынешний зритель не хочет больше смотреть на какие-то безличные тени, про которые никогда не догадаешься, кто они такие: греки ли, евреи ли, римляне или еще кто-нибудь другой, а, пожалуй, и просто никто; ему подай нынче не только человека красивого или характерного, полного чувства или мысли, но еще человека, непременно принадлежащего тому или другому народу, времени и месту. Нынешний зритель требователен и воспитан: что годилось его предшественникам, уже более ему не годится и, вместе с выражением в картине или статуе какого-нибудь драматического, сильно захватывающего момента – что ему всего дороже в искусстве – он спрашивает с художника, чтобы тот показывал ему свои личности и сцены среди точно таких же условий действительной жизни, какие весь век стоят и вокруг него самого. Таким-то образом вдруг повсюду появились художественные произведения с таким колоритом местности, историчности и характерности, каких прежние художники и прежняя их публика даже во сне не видали. Выступила наружу Европа средневековая и времен Возрождения с ее замками и монастырями, соборами и застенками, бальными залами и полями сражений и со всем бесконечным разнообразием люда – в латах, бархатных шлейфах или дерюге; выступила наружу древность Греции и Рима во всей их скульптурной красоте и величии; выступил также и Восток, сияющий красками, утонувший в ленивой неге или пылающий свирепыми сценами варварства. Выступил, наконец, и еврейский народ. И тут-то совершилось одно из самых удивительных превращений. Чья еще, какого народа история служила искусству вечною, поминутною, нескончаемой темой бесчисленных картин и представлений – как это было с еврейской историей? Чья еще летопись была так, как еврейская, изрыта и изборождена – до того, что ни единого уголка не осталось, куда бы не

заглянуло искусство и не вырвало себе оттуда богатых и широких мотивов? И что же? Вдруг теперь увидели, что все это было напрасно, что труд потрачен втуне, что вся громада созданного, быть может, заключала и много всего самого важного и интересного, красоты и всяческой художественной значительности, но ничего тут не было общего с теми историческими, верными, истинными представлениями о народной жизни, как их, наконец, понимает и требует наше время.

Это сделали нынешние взгляды, нынешняя пытливая мысль, не останавливающаяся более на преданиях школ – хотя бы даже и великих. Взглянуть на такое направление, взглянуть на его результаты, наверное, будет и любопытно, и важно. Особенно если вспомнить, что дело тут идет о попытках правдиво изобразить, в первый раз после стольких тысяч лет, тот необыкновенный народ, который один уцелел, из глубины седой древности, сквозь сменяющиеся ряды веков один продолжает стоять одиноким гранитным утесом, тогда как грозная волна времени смыла прочь и утопила всех прежних сотоварищей и сверстников этого народа. Не с одной религиозной своей стороны выдается этот народ перед массой других и горит яркой звездой сквозь туман столетий: для того, чтоб играть в отношении к народам старого и нового времени ту громадную, возвышающую и развивающую роль, какую он играл, для того, чтоб быть в состоянии приливать в их слишком старую или слишком молодую кровь драгоценные элементы света, страстной жизни, могучего творчества и пытливого знания, нужно было присутствие в этом народе многих других еще сил. И хотя вначале, пробегая его историю, много пороков и преступлений, много предрассудков и всяческих заблуждений, много нравственного растрепания и упадка целых классов видим мы, лежащих на нем темными вековыми пятнами, но тут же в нашей мысли складывается еще и такая могучая картина оригинальности и страстного порыва, природной глубины и упорной энергии и, более всего, такой непобедимой жизненности, нестираемой никакими несчастьями, никакой трагичностью судьбы, что нельзя не уважать этого племени и, значит, нельзя не устремить всего внимания на те изображения, которые берут себе задачей со всей искренностью и правдой передать бесконечное разнообразие событий и характеров этого изумительного народа.

Итак, я рассмотрю несколько крупных примеров того отношения, в какое стало новое европейское искусство к еврейскому народу и еврейской истории. Но, приступая к этому, для меня столь любезному, делу, прежде всего остановлю внимание моего читателя вот на каком, самом важном, факте. Европейское искусство вообще и во все времена было довольно справедливо и беспристрастно к евреям, в наше же, самое последнее время сделалось к ним и еще справедливее, и беспристрастнее. Пока средневековая литература в стихах и прозе не находила довольно выражений для того, чтоб нарисовать в каком-нибудь отвратительном, презренном или карикатурном виде современных ей евреев, и, выдумывая на них какие ни попаало гнусные преступления и невероятнейшие небывлицы, с любовью искажала каждую черту их физиономии, каждое движение их тела, средневековое искусство чертило евреев, по крайней мере, относительно их внешности, с таким же отсутствием ненависти и презрения, как если бы дело шло о немцах, французах или англичанах. Взгляните хоть на картинки, где представлены евреи, мучащие и убивающие христианских детей для исполнения каких-то будто бы еврейских обрядов (известно, что это безобразное обвинение, ровно ни на чем не основанное, точь-в-точь столько же, как и все процессы о колдунах и ведьмах, возобновлялось, к стыду Европы, всего чаще и не раз повторено было даже и в нашем столетии). Что ж мы тут видим? Самый факт представлен во всей зверской его наивности, но евреи все-таки тут люди как люди, и ни одному из них, ни мужчине, ни женщине, из числа ли зрителей или даже из числа свирепых палачей-фанатиков, не придано тех отталкивающих черт, какими обыкновенно тешилась тогдашняя литература. Ясно, что живописец и рисовальщик, имея дело с одними нравственными предрассудками и обычной клеветой, выходящими из среды мрачной, грубой толпы, но уже с задачами реалистического искусства, подчинялся облагораживающему его влиянию. Он принадлежал к числу тех, сравнительно лучших, более светлых людей, которые, несмотря ни на что, все-таки видели в евреях – человека. Они уподоблялись в этом случае тем папам (исключениям из общего правила), которые находили возможным защищать евреев от общего мракобесия и фанатизма и начинали свои буллы в пользу их словами: «Так как евреи созданы по образу и подобию Б-жию...» Такое отношение к еврейству было уже со стороны средневекового искусства Европы значительным шагом вперед. Но насколько же еще выше стоит современное наше искусство! Оно не только гораздо менее прежнего способно глумиться над какими бы то ни было народными чертами и по-ребячьи карикатурить в евреях то, в чем не они виноваты, а история и безумный гнет Европы, но пошло еще далее: оно не хочет даже притрагиваться к сюжетам, продиктованным слепотой фанатизма, варварской клеветой и безобразными обвинениями. Таких картин вы тщетно бы искали теперь во всем европейском искусстве. Насколько, значит, опередило оно в этом отношении современную литературу во многих краях Европы, все еще полную ненависти, мрака и тупых антипатий!

Î ôaîî Ááîî á «P äèòüè Î èî Óáîî».

I

Попытки изображать евреев и еврейскую историю в новых формах и в новом свете изошли из Франции. Могло ли оно иначе и быть, если эта страна всегда была первой между всеми, – всякий раз, когда речь должна была пойти о восстановлении нарушенных прав, об уничтожении вековых предрассудков, о снятии умственных оков. В деле равноправности евреев не Франция ли первая из среды великой своей революции провозгласила эту великодушную истину в 1789 и 1791 годах, тогда как остальная Европа решалась раньше того лишь на слабые, ничтожные поправки и улучшения в участи преследуемого бедного племени? Не Франция ли первая созвала в 1806 году великий еврейский собор, небывалую народную думу, где разбросанный по всему миру, гонимый народ в первый раз после 18 столетий снова сошелся вместе одной общей массой в лице лучших своих представителей и порешил, что для него нынче возможно, если откинуть груды предрассудков, и какими путями он способен идти в настоящее время в единении с остальными народами? Ни в одну еще эпоху своей истории еврейский народ не совершал такого небывалого, неслыханного шага, но зато и Европа тоже еще никогда не растворяла так широко горячих объятий забытому и забитому брату. Подобных минут ликования, жарко и великодушно забившихся сердец, стремлений, направленных ко всему великому, широкому и благородному, немного, конечно, насчитает на своих страницах вся еврейская история. И вот та самая нация, которая принесла первую электрическую искру в это истинно человеческое дело, не могла остановиться на одном только первом моменте. Дав современному еврейству новую жизнь, уничтожив, наконец, все прежние позорные шлагбаумы, Франция взглянула новыми глазами и на все прошлые века этой нации и, в лице своих художников, опять-таки первых между всеми по разуму и светлой мысли, стала чертить себе картины ее старой летописи в обновленных, впервые правдивых формах.

Один из знаменитейших живописцев новой Франции, почти весь век свой проведший в путешествиях (и, тем не менее, написавший такую громадную массу картин во всех родах, что мог бы ими населить целую художественную школу), рассказал однажды в заседании Парижской академии художеств (в 1850 году) всю историю своих новых, никем раньше его не испробованных попыток. Небольшое прочитанное им рассуждение носило заглавие: «О родстве древнееврейского костюма с нынешним арабским», и задача казалась, на первый взгляд, довольно специальной и ограниченной, но шла гораздо дальше и глубже рамок, поставленных заглавием.

«В то время, – говорит автор, – когда я с Библией в руках изъездил все три части света, меня постоянно поражало то, что и нравы и образ жизни наших праотцев уцелели до сих пор. Я находил их повсюду в тех странах, где арабитяне сохранили свои старые предания, и также там, где евреи, выгнанные Титом из их отечества, распространили свои нравы. Я заметил это в первый раз в Алжире, когда, во время одной французской экспедиции против некоторых племен в окрестностях Боны (1836 год), сидел однажды у себя в палатке и читал рассказ про Ревекку у колодца, как она несла кувшин на левом плече и потом спустила его на правую руку, чтобы дать напиться Элеазару. Это движение показалось мне довольно непонятным; я поднял глаза и посмотрел вдаль – и что же я увидел? Молодая арабская женщина поила французского солдата точь-в-точь так, как я сейчас только прочел, не понимая. С этой минуты я почувствовал в глубине души желание проследить как только можно далеко сходство Священного Писания с уцелевшими до сих пор обычаями тех народов, которые постоянно живут под влиянием преданий и всегда избегали нововведений. Таким образом я накопил в течение 14 лет множество наблюдений».

Î òàñ Áàðíá «Áòàáíèèé ñéàçí÷íèé». Õòàñ áí ò.

Потом французский художник рассказывал, как он с тех пор принялся за попытки представлять сцены из еврейской истории, почерпнутые в Ветхом Завете, основываясь на тех данных, которые можно почерпнуть в нравах, физиономиях, природе, костюмах современных арабов. Он рассказывал, как разные ученые напали на него за такое «арабизирование Библии», а сами, между тем, ничего не представили для опровержения той правдивой и законной основы, которая лежала в глубине смелых его попыток. Не побоявшись того, что слушателями его были в ту минуту профессора академии, то есть люди наиболее консервативных наклонностей и отнюдь не любители храброй, дерзкой новизны, художник продолжал: «Всякий день нам твердят в школах, что Рафаэль и Микеланджело, и разные другие художники уже все сделали, и ничего другого не остается нам, как только подражать им. Но я должен высказать свой символ веры: я ненавижу ту трусость, которая тащит нас назад к Чимабуэ. Еще одного бы недоставало – чтоб нас заставили тоже отступить от половины нынешней нашей палитры, все только, чтобы сделаться попроще... Нет, рутина не хочет позволять ничего нового; рутина – та, что любит потягиваться на готовой постели, та, что заступается за посредственность, душит большие дела и дает ход маленьким; рутина, отталкивающая всякую новизну только бы остаться при своих удобствах, – хотя бы даже при этом пришлось не позволять Земле вертеться кругом солнца... Если наука идет вперед, отчего бы и искусству тоже не идти вперед? Тем более, что то, что я предлагаю, – даже вовсе и не новость в естественном порядке вещей».

Этот смелый человек, наблюдатель и исследователь, даром что только живописец по ремеслу, то есть человек, занятый таким делом, где, по заведенному порядку, мысль и пытливость всего реже действуют, был не кто иной, как Орас Верне. Собственно говоря, великие задачи Библии и еврейской истории были совершенно чужды его таланту, реалистичному в такой мере, что не раз противники упрекали его в отчаянной прозаичности и понимании в истории одних только мелких анекдотов. И действительно,

Орас Верне сидел в настоящем своем седле тогда лишь, когда быстро мелькающею, торопливой кистью чертил зуавов, бедуинов, кровавые и беспощадные схватки их, когда воспевал эпопею французской солдатчины в Африке и Европе или изображал ничтожнейшие события отечественной или чужой истории. Он всегда лишен был поэтической жизни; он всегда был поверхностен до крайности и легкомыслен до невозможности; и все-таки, как бы то ни было, у него нельзя отнять одной значительной заслуги: он был одним из первых – по времени и по энергии, одним из первых реалистов нашей эпохи, то есть он принадлежал к числу тех людей, которые всего сильнее задумали толкнуть прочь с пьедестала высокопарные идеальности прежнего времени. Он не верил более в фальшивую помпу прежнего искусства; он искал более всего народной жизни и правдивости и после того, как в продолжение уже долгого времени вносил их повсюду, до чего ни дотрагивался, захотел попробовать и сцены из Ветхого Завета наполнить одними только живыми, настоящими людьми со всеми мелкими и крупными подробностями действительной жизни.

Многое можно сказать – да уже оно давно и сказано со всех сторон – против его «Ревекки у фонтана», против его «Фамари и Иуды», против его «Юдифи и Олоферна» и других подобных же картин. Нередко тут выглядывают «грации» французенок XIX века, безвкусные миньардизы и прибранные элегантности современного Парижа, которые за миллионы верст стоят от суровой и шершавой простоты древних патриархов: и, однако же, не из одних этих современных фальшей составлены его ветхозаветные картины. Они содержат что-то такое верное в общем, что в самом деле переносит воображение на Восток. Посмотрите на эти бронзовые лица и руки, на эти сверкающие глаза, на эти страстные, полуживотные выражения, на эти остроконечные, высунувшиеся вперед бороды, на эти браслеты на ногах, на эти пейзажи с пустыней и пальмами, на эти сцены во мраке палатки дикого кочевника, которому красавица-энтузиастка, полная мыслью спасти свой народ убийством, пришла отрубить голову... Где вы видели раньше всю эту жизнь, все эти жизненные черты, всю эту жизненную обстановку в библейских изображениях? Которая из прежних картин становила вас, как эти все, среди еврейской давно замолкнувшей древности? Какие «Ревекки» Пуссенов, какие «Юдифи» и «Иродиады» всевозможных итальянских, немецких и французских мастеров (оставляя в стороне собственно-живописный талант и исполнение) настолько приближались к древнему тексту?

Да, велики недостатки Ораса Верне, и более всего отсутствие всякой сколько-нибудь глубокой душевной жизни у его героев, – а это ли еще не громадный порок для изображений из Библии, где глубокие душевные движения не сходят со сцены от первой страницы и до последней? Но он проложил новую дорогу, о которой раньше его никто не подумал, и европейское искусство пошло потом по его следам. Много было нападок на Верне, много насмешек и презрения со стороны ученых и художников, из которых одни сильно упрекали Ораса Верне в недостатке знаний и неполной солидности археологических доказательств, а другие метали в него громы и молнии за дерзкое отступление от преданий великих мастеров, но нашлись также и сильные защитники, указавшие на значительность зачина Верне. И даже один из примечательнейших европейских ученых, жизнь свою посвятивший изучению еврейства, Ренан, признал («*Considerations sur les peuples semitiques*», *Journal asiatique*. Avril-Mai, 1859), что, благодаря единственно своему чувству, Орас Верне верно уразумел, как надо представлять евреев.

Ἀεὶμακίη ὅτι Ἐσθέρῃα. «Ἐσθέρῃα ἐν Ἰερουσαλὴμ».

II

Пример Ораса Верне не остался напрасен для Европы. Правда, многие из картин, собственно назначенных для церкви, часто продолжали сочиняться по прежней системе, так что даже такой искренний реалист, как француз Деларош, сочинил свои оригинальные и чудесные сцены из жизни Богоматери все-таки без малейшего намека на еврейскую национальность. Правда, иллюстрации Библии, состоящие из сотен рисунков, выполнялись на безличных и условных манер Рафаэлей и Каррачей (например, прославленная Библия немецкого художника Шнорра или не менее прославленное Евангелие немецкого художника Овербека), но все это можно назвать исключениями из общего правила. Общее же правило состояло отныне в том, чтобы картины еврейской истории представлялись непременно с чертами, физиономией и жизненной обстановкой еврейского племени. Еврейство получило теперь уже полное значение и определенный смысл, и надобна была решимость являться человеком отсталым и совершенно несовременным для того, чтобы выступить перед нынешними зрителями с прежней надоевшей неправдой и абстрактностью.

Даже такой заклятый идеалист, как Каульбах, расписывая своими красивыми и довольно грандиозными, но совершенно резонерскими фресками стены лестницы в берлинском музее, должен был отступить от прежней системы и искать истинно еврейских подробностей для своего «Разрушения Иерусалима». Вся картина, как и большинство сочинений Каульбаха, холодна и суха, и адресуется ничуть не к нашей фантазии и художественному изображению, а только к школьной учености и выходит чем-то вроде математической выкладки из исторических фактов. Еврейский первосвященник, закалывающий себя у скинии завета, группа рыдающих над младенцами женщин, величавые старцы, стоящие в немом оцепенении, пока римские легионы торжественной процессией вступают в изнасилованный ими Иерусалим, и тут же «Вечный Жид», с отчаянием в глазах устремляющийся в нескончаемое свое скитальчество, пока в другую сторону направляется народившаяся вновь, из еврейской среды, группа христиан, полная благодати и кроткого смирения... Все это мотивы, конечно, верные, но они слишком напоминают курс и учебник, они ничуть не говорят нашей фантазии, потому что вся забота ученого и солидно подготовленного творца их, видимо, состояла не в том, чтобы воплощать сцены, личности и события, а чтобы только перечислить их, подать их все разом, расположенные рядком в одной и той же громадной раме. И что же? Несмотря на всю искусственность и холод, которыми веет от этой обширной композиции, истинной представительницы

немецкого доктринерства, «Разрушение Иерусалима» выполнено уже по требованиям нового взгляда, и всюду присутствует тут старание изобразить в самом деле еврейские типы. Взгляните на первосвященника: он достаточно и вполне по-немецки театрален в своем патетическом жесте и сильно претенциозной позе, но все-таки это еврей, истинный еврей. Каждый тотчас отгадает его национальность, хотя бы не было на нем надето его торжественного храмового облачения; и черты физиономии, и глаза восточные, и борода, и волосы – все представляет тот самый своеобразный тип, который еврейское племя пронесло неизменным сквозь все грозы и превращения веков. Красивые женщины в парадных уборах, опустившийся на землю старик на первом плане, этот отблеск древних патриархов, наконец, сами патриархи, в сиянии апофеоза присутствующие с высоты небесной при грозной сцене отчаяния и последней гибели еврейского народа, – все это типы уже не безразличные, не общеидеальные, а еврейские, сильно изученные и узнаваемые в их национальной особенности, в их характерной исключительности.

Взгляните еще на фигуры четырех евангелистов, нарисованные Каульбахом для Евангелия громадных размеров, изданного Берлинской королевской типографией для Всемирной выставки 1855 года. Они сильно отзываются условной, придуманной грандиозностью превознесенного немца-художника, но, несмотря на всю их искусственность и идеальность, в них сильно чувствуется именно тот еврейский тип, который тут необходим и слишком долго был повсюду забыт. От этого-то эти величавые фигуры, полные многодумной серьезности, сильно останавливают на себе внимание нынешнего зрителя.

Ἀπὸ αἱ Ἰῶδα «Νῆ ὀαῖ δαί εἰ εῶδα».

III

Но среди всех художников, на нашем веку принявшихся по-новому изображать еврейство и еврейские сцены, особенно много замечательного и необыкновенного создал опять-таки француз. Это молодой, гениальный, неслыханно богатый по производительности Гюстав Доре, живописец довольно посредственный, но сочинитель – решительно выходящий из ряда вон. Как это почти всегда бывает с людьми необыкновенными, на Доре постоянно сыпалось со всех сторон множество упреков, и, без сомнения, многие из этих упреков были справедливы. Говорили, что он недоучившийся художник, что ему не дается человеческая фигура и слишком часто он, по неумению владеть формами, рисует людей то

неверно, то фантастично, то преувеличенно. Если бы на этом одном останавливались критики, с ними можно было бы помириться. Но коль скоро нам станут говорить, что Гюстав Доре – не что иное, как интересный и поверхностный иллюстратор, которого все достоинство состоит лишь в фантастических выдумках и пикантностях, которого картинки можно рассматривать как блестящие виньетки для гостиных, но невидно признавать их чем-нибудь солидным, – тогда мы уже перестаем быть согласны с порицателями.

Что Доре недоучился в художественной школе, это очень вероятно; что он мало обращается к изучению модели и живого тела – это также не подлежит сомнению. Но несомненно в то же время и то, что если он не доучился, в школьном смысле слова, то это случилось не потому, что он слишком рано захвачен и унесен был успехом, что ему слишком рано повернула голову знаменитость, а потому, что он тут повиновался только требованию своей пылкой, стремительной натуры. Быть недоучившимся художником очень дурно: это случай очень печальный, и хорошо было бы, если бы он никогда не встречался. В том-то и беда, что он на каждом шагу встречается. Много ли доучившихся на свете? Много ли тех людей, которые терпеливо и благоразумно проделали как раз до самого конца все, что в самом деле полезно было для их таланта и прочности их создания? Прозкзаменуйте историю искусства и вы убедитесь, что едва ли не каждый из художников хромал то тем, то сем. Оказался он высок и совершенен по этой части – зато тут же рядом выглядывает еще несколько других сторон, которые остались у него еле-еле тронутыми, и он так на всю жизнь и пошел гулять недоделанный и неудовлетворительный. У кого рисунка не хватает, у кого краски, у кого здравого смысла, у кого жизни, у кого страсти. Всегда ли так будет – кто это знает? Но куда каждый из нас может почитать себя счастливым всякий раз уже и тогда, когда тот или другой художник заключил в таланте своем хотя некоторые из самых капитальных сторон, способен давать картины не с одним только совершенством техники, понятие о которой слишком часто зависит лишь от взгляда эпохи, а где громко говорят вся душа его и порыв, где присутствуют вся мысль и понимание, к каким только способна была долго развивавшаяся его натура. И вот таким именно художником стоит перед нами Гюстав Доре. Пускай у него много недочетов и недостатков в натуре и знании, но в глубинах этой самой натуры лежат груды сокровищ, которые возносят его высоко над тысячами его собратьев. У него есть глубокий дар поэзии, у него в голове кипит неистощимый родник фантазии, струи которой не в состоянии иссякнуть, даром что десятки тысяч рисунков до сих пор вышли уже из-под его карандаша; наконец, вдобавок ко всему, чувство картинности природы в бесконечной красоте и характерности их так сильно в нем, как навряд ли у кого-нибудь еще. С такими громадными художественными силами Доре создал на своем веку неизмеримо больше, чем Верне. Он постоянно являлся самой крайнею ему противоположностью, потому что насколько тот был прозаичен и мелок, настолько этот был полон поэзии и широты; но в одном он с ним сошелся: в потребности изображать еврейскую историю глубоко реально, строго исторично. Для такой задачи у него были все данные, и, нарисовав в течение каких-нибудь двух-трех лет несколько сот картинок, служащих живописной иллюстрацией Библии, он создал такое художественное произведение, которому, несмотря на все его недостатки и недочеты, все-таки мало подобных в истории искусства и которое для еврейского племени составляет – куда – единственную и совершеннейшую художественную летопись древней жизни.

Никогда я не могу согласиться с теми, которые говорят, что Доре лишен чувства реальности, что он не думает и заботиться о чем-нибудь реальном, что он видит повсюду и повсюду выражает только свои фантастические сны, нечто вроде каких-то живописных *feeries* с бенгальским освещением, и что ему вовсе не след было брать на себя такую колоссальную задачу, как иллюстрирование Библии; что у него всего только и есть две ноты: нота нежно-бледная, выражающая что-то вроде светлых видений, какую-то блаженную дремоту, и нота мрачная, нечто вроде кошмара, с глубокой ночью, сверкающею и брызжущею на непроглядно-темном фоне молнией; что весь мир его – призрачный, которым можно любоваться издали и слегка, но никогда не надо дотрагиваться до него пылкой рукой и глазом, потому что тогда все: и горы, и деревья, и целые пейзажи, и люди, и сцены, – все разом разлетится, как цветистый сон, как театральная иллюстрация, как создание, лишённое плоти и крови. Нет, никогда не соглашусь я со всем этим. Пусть взглянут на Библию Доре не поверхностно, не как на книжку для гостиных, – нет, напротив: со всею глубиной и строгостью. И на каждом шагу выкажется, кроме роскошной творческой фантазии, еще громадное изучение взятого сюжета, громадное и терпеливое приготовление. Одна фантазия, как бы могуча она ни была, одно ясновидение воображения никогда не дадут всех бесчисленных разнообразных подробностей, которые надо знать, отыскать, которые должно одолеть зрелым размышлением и привычной рукой. Одна экспромтность и живописный дар ничего еще тут не поделают.

Доре – идеалист! Но вот именно в недостатке идеализма и состоит один из главнейших его недостатков. Будь он в самом деле идеалист, как говорят про него иные, тогда б у него вышли с великим совершенством именно все идеальные, отвлеченные задачи Ветхого Завета. Но на поверку выходит, что здесь он всего слабее. Представление Г-спода, ангелов, вообще существ небесных, стоящих выше человеческой реальной природы, отличается у него крайнею ординарностью. Слишком ясно: в натуре Доре не хватает тех струн, на которых тут нужно было бы играть, и в своей беспомощности и скудости он

поскорее прибегает к приемам самым общепринятым, совершенно казенным. Все существа, выходящие за предел обыкновенной природы, всегда изображены у Доре по обыкновенному рецепту итальянских школ, а, без сомнения, надобно было такому изобретательному, такому полному воображения художнику чувствовать себя слишком больно в тисках и слишком сильно не по себе, для того чтобы мешать в одних и тех же картинах вещи, по-видимому, совершенно несовместимые: еврейские типы физиономии, костюмы, природу, в самом деле скопированную с Палестины, Аравии, Египта, – и тут же рядом идеальные представления, заимствованные у художников европейских школ XVI или XVII века! Эта странная смесь даже шокирует, даже очень неприятно поражает, и зритель успокаивается, лишь заметив, что вся беда тут происходит от решительной неспособности Доре быть идеалистом. Вот именно поэтому же самому всегда слабы и ничтожны у него, кроме существ сверхъестественных, также и все изображения первых людей: Адама, Евы, Авеля, Каина. Хорошие страницы Библии Доре начинаются лишь с эпохи Авраама, то есть с тех картин, где живописец имел право представлять уже не общий идеальный человеческий тип, а тип известной национальности, с известными строго определенными и исключительными, чертами, с народными особенностями всякого рода, где ему следовало принять в соображение целую грудку всяких крупных и мелких подробностей, из которых складываются национальная жизнь, быт, привычки, характер. Какая же это идеальность, какой же это идеалист?

Ἀπὸ τῆς Αἴθης «Ἐὰν ἀνὴρ δὲ ἰσχυρὸς ἐὰν ἔπιμασθῆ».

Против Библии Доре можно многое заметить. Например, из числа хороших его картин надо исключить вообще все Евангелие, которого иллюстрации, почти без всяких исключений, вовсе не удалась этому гениальному художнику: здесь все как-то вышло слабо и безуспешно. Почему? Трудно сказать. Во-вторых, да и в Ветхом Завете есть картины разного достоинства (что, конечно, немудрено, когда речь идет о нескольких сотнях композиций), и всего чаще в неудовлетворительности виноваты бывают привычки французского искусства, которому, несмотря на всю талантливость свою, Доре от времени до времени платит дань. Я говорю про те несколько рутинные, мелодраматические позы, жесты и выражения, которые чуть не каждый француз, кажется, всасывает с молоком матери и которые потом закрепляются в нем, с непобедимой силою, французским театром и актерами, вообще всюю французской склонностью преувеличивать и раздувать страсть, давать ей стереотипно-крайнее выражение. Ничто не может быть обыкновеннее, но зато и неприятнее, как судорожно выдвинутые вперед или взброшенные вверх руки,

ломаемые пальцы, бурно растрепанные волосы, бешено устремленные глаза, исковерканные физиономии, неестественно двинутые вперед шаги. Весь этот мелодраматический арсенал скучен и надоедлив по своей неестественности, но большинство французов этого не чувствует и поколение за поколением повторяет все одну и ту же заведенную игру. Французские художники, даже лучшие, поминутно страдают точь-в-точь так же риторикой пластики, поз и движений, как их романисты, драматурги и актеры страдают риторикой голоса, речи и выражения, и, кажется, Франции еще долго не отделаться от всего подобного. Значит, немудрено, что и такой талант, как Доре, не раз попадал в общую, давнишнюю колею.

Но если все это совершенно ясно для каждого в сочинениях Доре, все-таки его Библия навряд ли стоит много ниже двух лучших его созданий: «Данта» и «Дон Кихота». В своей «Б-жественной комедии» (особливо «Аде») – этом совершеннейшем из всех произведений своих – Доре начертил целую массу сцен, полных грандиозности и поразительной красоты, столько же в людских группах, бесконечно разнообразных, как и в природе, то дикой, то великолепной. «Дон Кихот» у него наполнен множеством бесконечно-живописных видов испанской, горячей и сухой, полуафриканской природы – в ее оригинальнейших явлениях, то ночью, то днем. И на этом-то чудесном фоне выступили сцены самого живого, самого едкого, самого уморительно-веселого юмора. Но и здесь, как и там, на первом плане и выше всего стоит фантастичность, то есть изображение таких сцен и пейзажей, где главную роль играют не действительная природа, не действительные люди, а природа и люди воображаемые или, по крайней мере, совершенно исключительные. Правда, все они необыкновенно изящны, грандиозны или уморительно-смешны, даже до поразительности, но вышли единственно из горячего, живописного воображения автора. Подобные сюжеты заняли, конечно, много места и в Библии, так как в них выражается с особенной силой одна из главных сторон таланта Доре, – но не в них одних состоит на этот раз все дело, и к элементу фантастичности прибавился здесь еще другой, не менее важный и значительный.

Это – элемент еврейской жизни и национальности, еще в первый раз схваченный с такой любовью и переданный с такой поэзией и полнотой.

Найди еб «Адакелу аеаеіоаеа», 1873 аа

І еі : аі еа іеіііііі

СМЕРТЬ СУМАСШЕДШИХ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Ėāīēā ĖĪĀĀĖŪ

Реб Ицхоку порою казалось, что Двошке и Янкеф-Зисл играли в сумасшедших. Им нравилась эта роль. Она им удавалась, и, откажись они от нее, улица сошла бы с ума. Вот ветка дерева – оно голо, потом набухают почки, потом появляются листья, и сколько бы почек и листьев ни было на ветке, и сколько бы веток ни было на дереве, они никогда не мешают друг другу. Им всем хватает солнца, дождя и ветра. Без кривой искаленной ветки, на которой примостились сумасшедшие, дерево улицы не было бы настоящим деревом – ему бы чуть-чуть чего-то не хватало. Для реб Ицхока эти люди остались пламенем, опалившим его жизнь. Пламя не только согревает, оно обжигает, и эта смесь тепла и боли входит в кровь и омывает сердце, делает его добрее и отзывчивее на чужое горе. Бобрыйский раввин реб Ицхок бен Мойше Беспалов мысленно делил судьбу сумасшедших на три периода, и каждый прошел через его жизнь, включая последний – их трагическую смерть.

1. ĀĪĪ.

До войны в городе было сорок шесть синагог, и в каждой из них был закуток, который сумасшедшие считали своим дворцом. Что им оставалось делать, если у них, детей улицы, не было своего дома. Мир иногда ошибается, и, если тебе не досталось одно, то не достанется и другое.

И все-таки у сумасшедших был свой дом. Свой добрый, теплый дом, и этим домом была парикмахерская Аврама Гордовича. И в этом доме провели наши сумасшедшие свои лучшие, свои самые сладкие, как свежие гоменташи, дни.

Дом – это хозяин дома. Аврам Гордович жил неподалеку от пожарной каланчи и сам был похож на эту каланчу. Высокий, худой, с окладистой бородой, он стоял у кресла, словно кантор у Торы. Ножницами он работал, как жестянщик, потому что головы чаще всего были немывтые, и парикмахер, брезгливо морщась, выговаривал клиенту:

– У тебя на голове, Нэях, можно написать одно слово.

– Какое, реб Авром?

– Какое! Какое! Он еще спрашивает, какое! «Ду-рак!» – вот какое! Даже моя канарейка не может петь из-за дурного запаха, что ты тащишь за собой, как шмаровозник бочку.

Гордович ненавидел две вещи – грязь и дураков. Однажды, когда он сидел в кинотеатре «Пролетарий», какой-то выглаженный жлоб сказал ему на чистом русском языке со старорежимным акцентом:

– Господин жид, не пойму, чем от вас воняет: одеколоном или чесноком?

В ответ на этот любезный вопрос парикмахер встал, поднял чистоплюю на вытянутых руках, скинул ногой щеколду с дверей и выбросил его за дверь, хотя дело было во время сеанса.

Гордович был человеком страстей. Ножницы, бритва, машинка удовлетворяли только одну из них. Вторая – пламенная страсть – в прямом смысле была пламенной: парикмахер исполнял обязанности общественного пожарника, и рядом с клетками для канареек на стене висела медная пожарная каска, начищенная до блеска речи свахи, нашедшей жениха для старой девы. В каске отражалась улица Карла Маркса, ворота городского базара и верхушка пожарной каланчи. Если штатный пожарный, спавший на качалке в часы своей бессонной вахты, вовремя просыпался и успевал оповестить о пожаре своих товарищей, а они, в свою очередь, успевали спросонья завести свою красную машину, то она обязательно должна была проехать мимо парикмахерской Абрама Гордовича. Такой был уговор, который в городе всегда был дороже денег.

Первыми о приближении красной машины оповещали канарейки. Как люди, страдающие от ностальгии, канарейки пели про теплые страны, пальмы и бананы. Теперь их рулады напоминали разбойничий свист. Свора бездомных собак, гревшихся у маетного сердца парикмахера, рыча и дрожа от нетерпения, принимала стойку бегуна перед стартом. И Гордович, бросив полувыбритого клиента, напяливал каску, опускал железные жалюзи на окнах и дверях и на полном ходу вскакивал на подножку машины. Взревев от радости, она неслась по улицам, крепко держа на своем лакированном боку парикмахера в белом халате и медной каске, и его борода развевалась на ветру, как вымпел корабля. Собаки с лаем бежали вслед, и со стороны можно было подумать, что в городе заблудилась царская охота. Если бы не красная машина.

Вот такой он был, Абрам Гордович, покровитель и попечитель наших сумасшедших. Однажды его вызвали в горисполком и сказали, что есть идея пошить для его подопечных специальные серые шапочки.

– Зачем это надо? – спросил Гордович.

– Зачем, зачем! Затем, чтобы люди их жалели, – сказали парикмахеру.

Шапочки мышинного цвета с коричневой полосой посередине были заказаны на швейной фабрике имени Дзержинского и вскоре они, как опознавательные знаки, стали выделять среди нормального населения тех, кому нравилось быть непохожим на всех. Конечно, по указу жалости не добьешься, но эти люди многого не требовали. Разве что чуточку милосердия. Милосердие – это не милостыня. Милосердие – это доброта по отношению к тому, кому в жизни досталось чуть меньше, чем тебе самому. Сам Абрам Гордович не знал, куда девать свое сердце, переполненное милосердием, и слава Б-гу, что его выручали наши сумасшедшие.

– Я ставлю сто против одного, что слепой не рождает слепого. Какой-то гидота^[1]А рождает прямо картинку, а не мальчика. А сумасшедший откуда? А сумасшедший от нашей глупости и нашей злости, – так рассуждал наш парикмахер, и, если разобраться, он, быть может, был близок к истине.

В самом деле, кто виноват в том,

что Довид-ды-бруе^[2] получил эту мышиную шапочку? Разве он виноват в том, что родился не таким красавцем, как Дуглас Фербенкс, и его имя с малых лет стали произносить не иначе, как с этой презрительной добавкой «ды-бруе»? В конце концов, Довидке сам стал называть себя этим распрекрасным прозвищем, а разве нормальный человек станет обзывать самого себя?

Другой владелец горисполкомовского подарка носил и вовсе чудное имя – пани Лившиц. Еврея-мужчину зовут «пани», как женщину-польку. Но пани Лившиц был среди сумасшедших, пожалуй, самым нормальным, если не считать двух странностей: он любил публично петь под духовой оркестр в Саду кустарей и безвозмездно крутить колесо печатной машины в типографии имени Непогодина – еще до того,

как за это дело взялся электрический ток. Между тем, две эти странности, как две сестры, были родственницами одной беды, с которой и пошла кувырком жизнь этого человека.

В 1912 году семья бедного клейзмера Исрола Лившица решила уехать в Америку – тогда это ничего не стоило. Благотворительные организации выдавали шиф-карты^[3] почти бесплатно. Лившицы надеялись, что их сын сможет за океаном развить свой талант – в царской России ни в нем, ни в его владельце никто не нуждался, хотя молодому Лившицу не было еще восемнадцати лет, а про его голос, чистый, бархатный баритон, уже шли легенды. Пока что, правда, на Инвалидной и нескольких примыкающих к ней улицах. Конечно, со временем о голосе молодого Лившица узнал бы весь город, но старые Лившицы решили, что лучше будет, если об их сыночке сначала узнает вся Америка.

Человек предполагает, а Б-г располагает. Лившицы сели как раз на тот несчастный пароход, который утонул в шторм недалеко от польских берегов, и случилось так, что мать и отец утонули, а их сыночка спасли польские моряки. Потом его приютила отцветающая полька, которой нравилось его пение. Настолько нравилось, что она не возражала бы стать пани Лившиц. Тогда пан Лившиц решил сбежать... Вернувшись в Бобруйск, он имел глупость рассказать про эту историю с «пани Лившиц», и эта история прилипла к нему, как нос к лицу. «Пани» и «пани» – другого имени как будто и не было у этого парня. Сам виноват – не надо было болтать языком.

Ну, а колесо причем? Сладострастная пани рассказала ему, что в трагедии парохода было виновато колесо, которое перестало крутиться. Юноша понятия не имел, где у парохода колесо, но с тех пор у него появилось непреодолимое желание крутить самое большое колесо, которое оказалось в типографии имени расстрелянного поляками большевика Непогодина. Пани Лившиц, наверное, был уверен, что, раскрутив как следует колесо, он сможет спасти пароход и своих несчастных родителей.

Если бы не это наваждение с испорченным колесом, он стал бы великим артистом. Пани Лившиц приходил в Сад кустарей, где по вечерам играл духовой оркестр, и поднимался на танцплощадку. Сад был большой, его фруктовые деревья тянулись на целый квартал вдоль Октябрьской улицы – от Интернациональной до Карла Либкнехта. Голос певца был хорошо слышен в самых дальних уголках. Пузатый барабан напрасно лопался от натуги, сплюснутые тарелки, дрожа, исходили завистью, налитые медью трубы зря рвали горло – духовой оркестр глух под звуками баритона пани Лившиц.

В парикмахерской Абрама Гордовича пани Лившицу никого не надо было перекрикивать, и когда собралась вся компания, он вел себя, как столичный актер, случайно оказавшийся на провинциальной сцене. Смесь достоинства и высокомерия перла из него, как из легавой, оказавшейся в компании дворняжек. Как истинному таланту ему хотелось публики, аплодисментов и славы. А парикмахерская, даже бобруйская, даже Абрама Гордовича, это все-таки не парижская Гранд-опера. Максимум, что мог предложить сияющий, как первомайское солнце, Абрам Гордович, была однажды придуманная им импровизация. Он рассаживал гостей на полу и тожественно провозглашал:

– Ятн^[4], сегодня моя очередь давать банкет, какой вам не давал даже сам царь. Бульба в мундире на первое, на второе и даже на третье. А после банкета пани Лившиц исполнит импровизацию. Гут, хавер Лившиц^[5]?

Импровизация эта была выучена раз и навсегда и тысячу раз уже сыграна, но каждый раз ее объявляли как импровизацию, и в этом была своя прелесть. В парикмахерской составлялись три стула, на них клали фанеру, на нее становился пани Лившиц. Ему давали в руки половую щетку, и он изображал пароход, плывущий по синему морю-океану. Сначала тихо, но потом все громче и громче слышалась песня матери, расстающейся с любимым сыном:

òù óáæááóù ääéáéí,

ñá +óæéá òò ðáí ù.

Áóáù çáí ðá í íé áí ðíáé,

Ì íé èþáèì úé ñàì úé.

ðíéüèí ííí íé, íá çááóáù

í á çááóáù í ðí í àì ó..

И пароход пани Лившица медленно удалялся, купаясь в волнах слез слушателей, и медная каска отражала их заплаканные, искаженные тоской и страданием лица.

Пение пани Лившица возвращало сумасшедшим надежду и приводило в отчаяние. Каждый сумасшедший был когда-то нормальным, и, когда человек оглядывается назад, он видит хорошее, а не плохое. Иначе зачем ему надо было бы оглядываться... От плохого уходят не оглядываясь. И пока пани Лившиц пел, сумасшедшие были нормальными людьми, и им казалось, что у них все еще впереди. Когда умолкал голос человека-парохода, перед сумасшедшими снова раскрывалась бездна, и они стремительно падали в нее вниз головой, словно подстреленные черные птицы.

Как все это могло выдержать шелковое сердце Абрама Гордовича? Парикмахер любил каждого из них как родного сына, как родную дочь. Но был среди них один человек, который вызывал в душе Абрама Гордовича материнскую боль. Звали его Моме. Моме – и все. Как будто кроме этой странной клички не было у него никакого другого, нормального, человеческого имени. Все уже давно забыли, что когда-то этот немолодой высохший человек был студентом в Петербурге. Можно себе представить, что это была за голова, если ей, чисто еврейской, по тем временам разрешили слушать лекции в Санкт-Петербургском университете. И надо было так случиться, что перед отъездом в столицу этот гениальный юноша встретил Риву, толстую и глупую дочку плотника Ирмэ Липкинда, и всем жаром своего девственного сердца влюбился в нее. Нашел в кого влюбиться, несчастный! Половины Бобруйска не было бы видно, если бы Риву сфотографировали на его фоне. У каждого человека есть в жизни какой-нибудь интерес. У Ривы он был тоже: мороженое! Если Ривы не оказывалось дома, все знали, где ее искать: на углу Социалки и Карла Маркса, где под фанерным навесом торговала мороженым тетя Крейне по прозвищу Мери Пикфорд. По-бобруйски имя знаменитой заграничной киноактрисы звучало проще: Мэра. Но зато мороженое у «Мэры Пикфорд» было такое, какого наверняка не ела настоящая Мери Пикфорд.

Крейне, как цирковой фокусник, манипулировала своим оцинкованным прибором, выдававшим треугольные, в хрустящих вафельниках порции обольстительного лакомства, и Рива ежедневно ждала прихода «Мэры Пикфорд» за час до начала продажи.

– Риве, – говорила Крейне, – твой папаша меня зарубит топором за твой жир, что ты получаешь от столько мороженого. Сколько ты сегодня думаешь покушать?

– Тринадцать, тетя Крейне. На одно больше, сколько вчера.

– Я уже почти убитая, – горько вздыхала «Мэра Пикфорд». – Ирмэ меня порубит на кусочки.

«Мэра» знала, что говорила.

Ривин папаша Ирмэ Липкинд – этот замызганный краснорожий пропойца заходил в лавку – закусную Хавке-ды-калике^[6], что находилась в каменном доме на углу Пушкинской и Семеновской, выпивал кварту^[7] водки, а жареные грибенес клал в карман и на ходу ими закусывал – как будто у него не было времени сесть за столик или, на худой конец, постоять у стойки, как это делали все порядочные люди. Если бы Ирмэ съел грибенес^[8] за столиком, то они не проступали бы на брюках широкими жирными пятнами, и никто бы не узнал, что он уже поцеловался с квартиой. Если Ирмэ приходила в голову мысль, а она-таки да приходила – вторично облобызать кварту, то он устраивал дома, как он сам любил выражаться,

кишиневский погром третьей степени – своим острым плотницким топором он в щепки рубил все, что попадалось под руку. К счастью, жена Ирмэ, Хайце, и их толстая и глупая Рива до сих пор оказывались вне стен, где свирепствовал погром третьей степени их обожаемого мужа и папаши.

Вот в какую семейку судьба забросила целомудренное сердце бобруйского вундеркинда, ставшего петербургским студентом.

Будущий Моме, когда он еще не был Моме, пришел к Ирмэ и Хайце просить руки их дочери. Ирмэ посмотрел на юношу, как на дурного, покрутил пальцем у височка и выгнал из дому, крикнув вдогонку:

– Нам еще не хватало, чтоб наш бурлянт Ривкеле стала женой сумасшедшего, потому что нормальный человек не станет иметь дело с книжками. Нормальный человек имеет топор и рубанок и зарабатывает ими на хлеб и водку, а не шлендрает, как сумасшедший, с книжками по всему свету.

Но юноша еще не был сумасшедшим. Он стал им в тот день, когда, приехав к маме на каникулы, попал как раз на Ривину свадьбу. Он стоял у окна ее дома, видел Риву за свадебным столом, и именно в этот момент рассудок оставил его. Небо упало ему на голову плитой, раздавило, смяло и навсегда обрекло лежать в беспмятстве под окном своей возлюбленной. Отныне Петербург больше никогда уже не видел его вдохновенного лица. Бобруйские улицы увидели Моме – осевшего, сгорбившегося, в шапочке и ватнике, с книгами за пазухой. Он часами простаивал у газетного киоска на углу Карла Маркса и Социалистической рядом с гешефтом «Мэри Пикфорд», лихорадочно листая книгу, и его пылающий взор следил за проходившими женщинами с укором и болью. Он ждал свою возлюбленную каждый день. Неделя за неделей. Месяц за месяцем, и тетя Крейне обливалась слезами, наблюдая за несчастным Моме. Иногда она не выдерживала и кричала ему на всю улицу:

– Несчастный, твоя Риве уже давно имеет целый выводок! Поезжай в Паричи и ты сам все увидишь. Она еще больше лопадется от жира, несчастный!..

Моме смотрел на «Мэри Пикфорд» отчужденным непонимающим взглядом. Слова не доходили до его сознания – оно было укрыто тяжелой, как камень, тьмой. Иногда Моме срывался с места, мелкими, быстрыми шажками подбегал к какой-нибудь расфуфыренной крале и, вонзив в нее свои горящие, как тлеющие угли, глаза, выкрикивал в лицо:

– Лучше попасть к тигру в клетку, чем в объятия женщины! Ты, несчастная, у тебя бельё немытое...

Так Моме мстил за свою любовь, которая свела его с ума.

Мать Моме давно умерла с горя, и неизвестно, что было бы с ним самим, стареющим и жалким, не найди он приюта у парикмахера Абрама Гордовича.

Абрам Гордович глубоко, по-женски, по-матерински вздыхал, глядя, как слушает Моме импровизацию пани Лившиц. Лицо Моме разглаживалось, лихорадочный блеск исчезал из глаз, в них рождался молодой и ясный, как у солнца, свет. Ах, если бы пани Лившиц мог петь всегда, днем и ночью, не переставая, если бы волны моря, на которых качался его пароход, не угасали ни на мгновение, если бы звуки давно опрокинутых дней, как скрипичные струны, продолжали дрожать в воздухе, пропитанном тройным одеколоном парикмахерской, если бы... Абрам Гордович не пожалел бы своей золотой каски ради такого чуда. Но чуда не было, и опали плечи Моме, и снова наваливалось на его бедную голову черное небо, и снова навзничь падал он под окном своей возлюбленной.

2 ÈPÁÎÛ.

Но жизнь – это не только потери, жизнь – это и компенсация, и Абрам Гордович, настрадавшись, переводил взгляд с Моме на семейную пару, пришедшую в его дом, и сердце парикмахера заливало высокой и теплой волной так, словно с ним, а не с ними, Двошке и Янкеф-Зислом, случилось это чудо. Когда замолкла песня пани Лившица, парикмахер ясно видел, как Двошке медленно поднимается с пола парикмахерской, выплывает в окно и парит над городом, как голубь. Все птицы, в том числе и голуби, давно уже вернулись в свои гнезда и голубятни, а Двошке все парила в синем, как глаза ее возлюбленного, небе. Она ныряла, задышалась от встречного ветра, кувыркалась через голову, и солнце ослепляло ее, будто близкое и горячее пламя.

Двошке наверняка никогда бы не вернулась в парикмахерскую, если бы там на полу не сидел, разинув капризный рот, ее возлюбленный, ее Янкеф-Зисле. Если бы этот человек имел совесть, он бы в анкете на вопрос о роде занятий написал одно слово: фойлер^[9]. Но если бы вдруг спросили у Двошке, кто такой ее Янкеф-Зисле, она бы ответила не задумываясь:

– Кровопиец!

– Она гарует, как вол, а он еёная пивка, – добавила бы улица.

Двошке и Янкеф-Зисл были родом с Полянки, кормились на Инвалидной и спали в заброшенном склепе на старом еврейском кладбище – никто никогда не видел их по отдельности. Они шли по улицам вдвоем, она чуть впереди, как утка, за которой шел выводок, состоящий из одного утенка. Одета в пестрые лохмотья, переваливающаяся с боку на бок, она и в самом деле была похожа на домашнюю птицу, зато утенок представлял собой помесь отставного фельдфебеля с петухом. Наверное, еще со времен германской войны достались ему брюки-галифе и военного образца фуражка, ноги украшали разного размера галоши, грудь – сетчатая майка, а шею – пестрый шелковый шарф. Янкеф-Зисл шел по земле, как человек, не понимающий, отчего она, земля, не стелится перед ним красным ковром, раз он по ней ступает. Единственный человек, который не только разделял его мнение, но и внушил его ему, была его жена Двошке.

Вот идут они ранним утром по улице, из дома в дом, и каждый дом просыпается с их приходом.

– Иди открой им и убери собаку, – будил отец сына. – И скажи маме, чтобы не скупилась.

«Им» – это Янкеф-Зислу и Двошке... «Не скупилась» – это хорошо накормить их.

– Ой, Гителе, чтобы ты была здорова, за твою доброту Б-г дал тебе такого мужа, как святой реб Ицшок, – не умолкала Двошке.

Она входила в калитку и, убедившись, что собака сидит на цепи, возвращалась и брала за руку своего мужа, как мать берет малое дитя, и продолжала свой монолог, и в ее серых глазах светилось утреннее солнце, хотя слова она произносила вроде сумрачные, горькие. Из них можно было понять, что Г-сподь Б-г разгневался на нее, раз послал ей в мужья этого шлимазла^[10], этого сумасшедшего на всю голову бездельника, который сосет из нее кровь, как теленок молоко у коровы, и что она и есть глупая корова, если позволяет, чтобы из нее сосали кровь, но и этого ему мало, и ей надо вычесывать из его бороды и других мест вшей и стирать его вонючие штаны и вообще «для чего это мне надо, как будто я без егоной задницы не могу одна прожить, как царица». И при этом глаза ее просветленно и счастливо гладили этого обросшего грязного человека, капризно поджавшего губы и переминающегося с ноги на ногу, как молодой жеребчик.

Реб Ицшок не помнил, чтобы хоть раз Двошке поела сама или ела вместе с мужем. Она кормила его и, если прятала кое-что в мешок, оправдывалась:

– Ой, Гителе, ты не видишь, какой это фресер^[11]. Среди ночи просыпается и давай покушать. Как теленок, просит грудь. А я всю ночь не сплю. Сижу около него, вижу, как он спит, и поджидаю, когда его глазки откроются и жрать попросит. А паче чаяния нет хлеба, так он меня смешивает хуже грязи.

– Тебе надо было побрызгать в тот день не керосин, а бензин, – шутит Гитл. – Пусть бы сгорел, гультай.

– Лишь бы ему не чесалось теперь, – примирительно отвечала Двошке.

Двошкино врачевание – это еще одна страница любви этой женщины. Началось с того, что Янкеф-Зисл стал неистово чесаться по ночам. Чесаться – не то слово. Он сдирал с себя кожу. Двошке поначалу гладила и успокаивала его, ласково ударяла по его волосатым лапищам, как кошка по лапкам котенка. Она понимала, что Янкеф-Зисл по чистоте своей кожи и любви к ваннам несколько уступает древнеримским патрициям, но разве он виноват в том, что у них были персональные мраморные ванны, а у него их не было?

Лицо Двошке исказила гримаса отчаяния.

Чего она только не предпринимала, чтобы избавить мужа от этих невыносимых мук! Забежав на мгновенье к Гитл, Двошке спросила:

– Гителе, что ты скажешь, если я пойду с Янкеф-Зисле к нервному патологу, а?

– Посоветуйся с доктором Беленьким, Двошке, – сказала Гитл.

– Доктор Беленький на всю неделю пошел в военный комат слушать солдат, – сокрушалась Двошке и, не видя выхода, решила заняться самолечением. Она раздобыла большой медный таз, соорудила из кирпичей подставку и стала греть в нем воду. Когда вода нагревалась, Двошке раздевала Янкеф-Зисла и осторожно, будто грудного ребенка, опускала его в таз и мыла с мылом, приговаривая:

– Ото, ото-то, маленький, сейчас давай эту ножку, а сейчас вторую ножку. Ото, ото-то, а сейчас эту ручку, а сейчас другую ручку...

– Ты меня варишь, как рака, – огрызнулся Янкеф-Зисл. – Я уже три битых часа не имел во рту хлеба с маслом, а она надо мной издевается, дура.

Купание не помогло Янкеф-Зислу и не могло помочь, потому что зуд съедал его в самом интересном месте, а такое счастье, как известно, задаром не достается, а с тем, что достается не задаром, всегда немножечко жаль расстаться. Так или иначе, но Двошке, испытав все средства, решила на крайнюю меру. Она купила бутылку керосина и под утро, когда ее дорогой муж, изможденный бессонницей, заснул, облила горячей жидкостью зараженные насекомыми места и поднесла спичку.

– А-а-а-й-й-й! – это нечеловеческий вой огласил окрестность, разбудил улицу, и когда она проснулась, то увидела несущегося во весь опор полуголого Янкеф-Зисла, и тонкий шлейф дыма вился за ним, словно легкий флер. Заметно отстав, с медным тазом в руках бежала Двошке, причитая:

– Стой! Я потушу тебя, как пожар! Стой! Стой! Ну чего ты так разогочкался, стой!

– Па-ж-ж-а-а-р-р! Ай! Ай! Ай! – вопил Янкеф-Зисл. – Моя жена сумасшедшая! Па-жжа-рр!

Прошло не так уж много времени после того, как Двошке попыталась отбить хлеб у пожарника-общественника Абрама Гордовича, и ее осенила новая идея.

Конечно, как всегда, когда ее настигала новая идея, Двошке прибежала к Гитл. Лицо Двошке, ее слезящиеся глаза, редкие зубы, всклокоченные волосы, взъерошенная, как распоротая перина, она выражала восторг и решимость.

– Гитл, Гитл! – крикнула она с порога. – Мой Янкеф-Зисл хочет играть на гармошке.

– Пусть играет на здоровье, если может, – тихо сказала Гитл. – Сколько стоит гармошка, Двошке?

– Мой Янкеф-Зисле – мастер на все инструменты. А гармошка обойдется всего-навсего в восемь рублей. Если ты сделаешь почин, раз у тебя легкая рука, то Б-г тебя не забудет, раз ты помогаешь таким сумасшедшим, как мы с Янкеф-Зислом.

– Хорошо, Двошке, – улыбнулась Гитл, – вот тебе рубль. Пускай твой Янкеф-Зисл играет на здоровье.

– Борух ато Адой-ной эло-гэйну мэлэх а-ойлом а-мойци лэхэм мин а-орэц^[12], – обратив глаза к потолку и, молитвенно сложив руки, по-древнееврейски пропела счастливая Двошке. – Мы тебе, Гителе, дадим собственный концерт как только будет гармошка.

– Двошке, – ответила Гитл, – тебе осталось собрать еще семь рублей. Пусть Б-г тебе поможет.

– Мне люди помогут, – прошептала Двошке.

Разве люди могли не помочь Двошке, если сердце этой женщины родилось в один день с солнцем. Не так уж много на земле ровесников солнца, но их тепла хватает на много-много веков, иначе льды затопили бы не только поля и леса, но и души. Солнце, как ребенок, предпочитает поселиться в женском теле. В нем ему удобнее, надежнее и теплее. Солнце понимает, что жертвенность женского сердца столь же необъятна, сколь замкнуто и эгоцентрично мужское, так и норовящее само вцепиться в слабое женское, дабы обрести в нем силу и опору. Нет любви без жертвенности, хотя – с другой стороны – то, что мужчина расценивает как жертву, для женщины просто, как вздох, и сладко, как утренний сон. Янкеф-Зисл не был среди мужчин исключением, он скорее был правилом, и когда вечерами, при свече, в кладбищенском склепе они подсчитывали дневную выручку, он нагло и осуждающе смотрел в слезящиеся глаза своей жены и, если ему казалось, что его сумасшедшая жена была недостаточно поворотлива и сумела собрать милостыни меньше, чем ему хотелось бы, изливал свой гнев в изысканных выражениях:

– Дура! Бездельница! Паразитка! – или еще что-нибудь в этом роде.

Но настал день Двошкиного торжества. А вернее – вечер позднего лета, насытившегося августом и теперь жаждущего отдохнуть в золотой карете сентября. Карета уже катилась где-то вдали, и ветер, опережая ее бег, низом стлался по улице, остужая нагретые за день бульжные улицы, песок тротуара и крылечки домов. На одно из крылечек, выкрашенное и потертое, и примостились зрители. Посреди дощатого тротуара, на пустом ящике из-под сахара, возвышался Янкеф-Зисл, и вид у него вполне симфонический. Двошке выклянчила у какого-то престарелого музыканта изъеденный молью фрак с засаленными атласными отворотами. Ну, а если из-под фрака выглядывает не крахмал манишки, а тесемки от нижней рубахи, так можно Двошке простить – она никогда не работала в театре костюмершей. У Двошки не хватило сил и времени раздобыть Янкеф-Зислу приличествующие случаю брюки и лаковые туфли, но и в залатанных галифе и в галошах он был заносчив и прекрасен: на его лице появилось выражение верблюда, собирающегося плюнуть в толпу.

Сама Двошке напоминала опереточную примдонну в день ухода на пенсию. Длинное плюшевое платье, на котором сам плюш оставил одни воспоминания, причесанная валиком, с подведенными углем бровями, она стояла рядом со своим Янкеф-Зисле, и ее лицо излучало оранжевый, как пламя, свет. У ее ног, словно пара ручных львов, лежали медный таз и граммофонная труба. Время от времени Двошке брала в свои руки голову Янкеф-Зисла, и слезы размазывали уголь ее ресниц. Люди сидели, раскрыв рты, что с видавшими виды гражданами Инвалидной случалось не так часто.

– Бишломэха Борух ато Адой-ной^[13], – прошептала про себя Двошке молитву, и громко крикнула в сторону зрителей: – Хвейрим^[14]! Люди, – она поклонилась всем до земли, – сейчас за вашу нищую милостыню мы даем ба-аль-шой кон-цэрт.

И в Большом Народном Театре начался концерт, на котором никто не покупал билетов, поскольку их не существовало в природе. В природе существуют вещи поинтереснее – любовь и смех, горе и слезы. В природе все живое понимает и сочувствует живому, и два каштана, росшие у крыльца дома, развесив ветви, украшенные колючими зелеными ларцами, застыли в удивлении и радости при виде Двошкиного торжества, и ни один лист, напоминающий сердце, с фигурно вырезанными краями не шелохнулся на дереве. И даже тогда, когда сухой и пыльный воздух потрясли первые звуки гармошки, когда земля вздрогнула не то от их мощи, не то от напряжения, каштаны сдерживали дыхание, как люди, попавшие в Лувр.

Музыкант играл без нот, как вода мельничным колесом. Музыкант знал о нотах не больше, чем пропеллер аэроплана. Музыкант раздувал гармошку, как самовар, и меха напоминали голенище сапога. От музыканта шел пар, и пот закипал на его лице, как кипятки. Звуки напоминали скрежет циркулярной пилы. Она резала пополам сердце Двошке, и каждый мог видеть по ее лицу, что именно этого веселого и дикого звука не хватало ей для полного счастья. А когда оно стало переливаться через край ее ликующей души, она доставала то одного, то другого из прирученных львов и вынуждала их плясать под свою дудку. Она изо всех сил дула в трубу, стучала в таз, как в бубен, и плясала, приседая и падая, смеясь и плача, и люди, завороченные ее неистовством, перестали смеяться, им было стыдно смеяться и, лихорадочно почесывая затылки, молча, как каштаны, развесили уши и шикали, укоряя детей, как учителя второгодников.

В тот вечер ночное небо над Инвалидной улицей раньше обычного зажгло свои звезды. Зеленые ларцы каштанов падали на землю и, ударившись о нее, выбрасывали на радость мальчишкам жирные крепкие окатыши. И настал третий день, и Янкеф-Зисл все понял. А понял он на третий день то, что зрители поняли в первый день. И когда Янкеф-Зисл все понял, он резко поднялся со своего места и излил горечь, сжигавшую его душу, публике, к счастью для Двошке, поредевшей:

– Идн^[15]! – взвизгнул Янкеф-Зисл. – Сейчас я буду бить эту воровку! Вот ее! – он указал немытым черным пальцем на свою жену. – Что она мне купила? Она мне купила гармошку для маленького ребенка за 2 рубля 50 копеек, в то время как вы дали нищую милостыню на целых восемь рублей. Вот тебе, дура! – Янкеф-Зисл, размахнувшись, ударил гармошкой Двошке по голове. Кровь потекла по ее лицу, но она осталась стоять, словно плоть ее обратилась в камень. Кровь, смешиваясь со слезами Двошке, падала в песок, и он чернел от горя. Но вдруг Двошке очнулась, она сбросила с себя каменные одежды, повернула лицо к Янкеф-Зислу и улыбнулась. В ее глазах ожили ночные звезды, она подошла к мужу, взяла его за руку и тихо сказала:

– Идем, мешугенер^[16], идем, ты уже давно ничего не кушал сегодня, идем... И сними фрак, а не то ты его запачкаешь. Дай мне, я его спрячу.

И они ушли вдвоем в сторону старого еврейского кладбища, где они спали в одном из кладбищенских склепов, спали до того дня, когда пришли немцы и придумали сумасшедшим смерть, навеянную убийцам историей еврейского народа.

3 NĪ ABOŪ.

Когда 26 июня по радио сообщили, что на город идут шестьдесят немецких бомбардировщиков и населению предлагалось провести предстоящую ночь за Березиной, парикмахер решил послушаться этого совета. Как пожарник-общественник, привыкший к строгой дисциплине, он захватил подушку и пошел в сторону моста через Березину.

И что – он пошел один, бросив на произвол судьбы сумасшедших? Не надо задавать таких железных вопросов – сердце парикмахера и так залито кровью и разрывается от боли и вины, хотя в чем он виноват? Да, сумасшедшие не покидали его парикмахерскую с первого часа войны и как люди с обостренным, нечеловеческим чутьем первыми почувствовали надвигающуюся беду. Они жались друг к другу и, словно слепые котятка, тыкались в материнскую грудь парикмахера, и так продолжалось целых четыре дня, пока весть о самолетах не доконала Гордовича.

– Ятн, – сказал он, – шесть десятков аэропланов могут наделать из нас котлет. Надо брать подушку и топать за мост.

Сумасшедшие переглянулись, вспугнули стаю черных ангелов, и они, взлетев, опустились в глазах тех, кто потревожил их. Гордович сразу заметил этих взбудораженных птиц и не стал спорить с пани Лившицем, когда тот ответил один за всех:

– Ты топай, реб Авром, и имей спокойной ночи, а мы как сумасшедшие будем играть и петь свою импровизацию, покуда ты будешь назад через ночь.

Гордович, стиснув зубы, посмотрел на сумасшедших и вдруг совершенно ясно, как будто все это происходило на белом полотне кинотеатра «Асвета»^[17], увидел, что может сделаться с человеком, когда черный ангел поселяется в его глазах. Человек начинает понимать то, чего никогда не понимал, и становится в очередь за смертью. Абрам Гордович опустил железные жалюзи на окнах и дверях парикмахерской и навсегда покинул ее порог. А сумасшедшие – мало того, что они были евреями, – оказались в немецкой клетке и, как это ни странно, сумели прожить в ней все лето, конечно, сам Гордович узнал об этом только через три года.

Днем сумасшедшие жили, как мыши в норе. Сидели, не шелохнувшись, прислушиваясь к замершей жизни улицы. Нора была уставлена зеркалами, и из нее еще не выветрился мирный запах тройного одеколона. Черный ремень для точки бритв висел на спинке кресла, словно высушенный змеиный панцирь. В развернутой пасти бритв змеиным жалом поблескивало лезвие.

Двошке сидела на полу, несчастная, оглохшая от голода и ужаса, на ее коленях покоилась голова Янкеф-Зисла, она гладила его жесткие седые волосы и тихо шептала одни и те же слова одной и той же молитвы:

– Ве-хитсу харвойсом ле-итим ва-ханисойсэйэм ле-мазмейройс, ло исо гой эл-гой херев ве-лой илмеду ойд милхома^[18].

– О чем ты шепчешь, несчастная! – не вытерпел Моме. – Сумасшедшая! Какая мотыга! Какой серп! Меч! Меч! Меч! – он трижды выкрикнул это слово, нарушив тишину, и пани Лившиц вынужден был его успокоить.

– Зачем ты ругаешь ее, Моме? Не надо трогать человека, когда он говорит с Б-гом. Скоро глубокая ночь будет, и твоя очередь, Моме, идти на сметник за крошкой хлеба. Твоя и Довид-ды-бруе.

Довид-ды-бруе, пожалуй, больше других страдал от этой мышинной жизни. Голод терзал его иссушающим пламенем, горевшим внутри, и не было капли воды, чтобы плеснуть на него, вспугнуть хотя бы на мгновение. Он оброс, состарился, и его лицо сплющилось, как лист капусты. Жестами, молниями голодных глаз он умолял пани Лившица дать что-нибудь такое, что можно положить в рот.

– Подожди до ночи, – тихо сказал пани Лившиц.

Сколько раз черный саван ночи опускался на город, столько же раз сумасшедшие, сливаясь с теменью, по очереди выбирались из зеркальной норы и ползком, перебежками пробирались к мусорной яме, куда выбрасывались объедки из ресторана, здание которого чернело на главной улице города.

Сегодня очередь была за Моме и Довид-ды-бруе.

Но Довид вдруг заупрямился:

– Перережь мне глотку, – он бросил пани Лившицу бритву, – перережь мне сейчас, но я не пойду на сметник. – Он метался по парикмахерской, ругался, кричал, грозился, вконец разъярившись, схватил и поднял над головой кресло, оно пошатнулось в его ослабевших руках, ударило по зеркалу, и длинный черный излом пробежал по его поверхности.

– Что ты наделал, Довид, – сказал пани Лившиц. – Из чего теперь будет брить реб Авром, когда вернется назад? Ай-ай-ай, что ты наделал?! Не кидайся креслом, а готовься идти на сметник.

– Когда твой реб Авром будет назад, мы все давно будем спать на старом еврейском кладбище, – крикнул Довид-ды-бруе.

– Успокойся, Довидке, успокойся и иди за крошкой хлеба, – тихо попросил пани Лившиц. – Покуда мы еще не на кладбище.

Лучше бы пани Лившиц не настаивал на своем, и он бы наверняка не сделал такой глупости, если бы знал, что сегодня ресторан работает позже обычного, потому что заместитель коменданта Бобруйского лагеря военнопленных № 131, чиновник гестапо Карл Макс Лангус дает ужин в честь своего друга майора Рейнгарда Георга Молда. Пани Лившиц никогда не видел в глаза ни того, ни другого и, естественно, не был приглашен на этот дружеский ужин. Вместо пани Лившица третьим за праздничным столом сидел Рольф Бурханд, зондерфюрер 274-й местной комендатуры. Рейнгард Молд нанес свой визит в Бобруйск по двум причинам: во-первых, ему исполнилось пятьдесят лет, и, решив соригинальничать, он списался с Карлом Лангусом, который и пригласил его к себе, во-вторых, Рейнгарду Молду в перспективе светило комендантство в этом захолустье, и он его вскоре получил, так что разумнее было бы вторую причину поставить вместо первой, ибо герр майор был далек от романтических заблуждений, обладал трезвым и холодным умом и предпочитал сначала увидеть и пощупать то, что ему могли вручить за глаза. И Молд, потягивая пльзенское пиво, расспрашивал Лангуса:

– Говорят, в вашем вонючем Бобруйске шагу не ступишь, чтобы не раздавить еврея. Тебе, как референту гестапо по еврейским делам, это должно импонировать, Карл.

– К твоему второму приезду давить уже будет некого. Я обещаю тебе, дорогой Рейнгард.

– Это поистине неистребимый народ, – заметил Бурханд: при случае, чтобы как-то скомпенсировать свою неудавшуюся военную карьеру, он любил блеснуть эрудицией – все-таки закончил в Латвии университет и работал в Риге судьей. – Древний Рим, испанская инквизиция переплелись с историей евреев.

– Какая может быть история у народа, подлежащего волею фюрера полному уничтожению. Что вы мелете, Бурханд! – заносчиво произнес Молд.

– Нам выпала великая миссия закончить еврейскую историю! – поддакнул Молду Лангус.

– Испанская инквизиция в средние века чуть не отняла у нас пальму первенства, – снисходительно сказал, не скрывая превосходства над своими необразованными собеседниками, Бурханд. – Правда, это была не цивилизация, а инквизиция. Евреев жгли на кострах, их изгнали из Испании. Они бежали в Португалию, Италию, даже в земли нашего Отечества. Их силой старались крестить, но это оказалось не так просто.

– Выход один – унич-го-же-ние! – резко произнес Молд.

Засиженная мухами лампочка у потолка освещала лицо майора мертвым светом. В такт его голосу позванивали пустые пивные бутылки, и по их стенкам стекала жидкая сизая пена.

– Во всяком деле важна идея. Уничтожить человека из ненависти – это убийство, уничтожить как идейного противника – заслуга перед отечеством. Я за идею, идея – алиби. Я бы сохранил часть евреев для развлечений. Вот средневековые герцоги, в частности итальянские, любили устраивать веселые представления с участием евреев, – демонстрировал свою эрудицию Бурханд.

– Макаронников хлебом не корми, давай им зрелищ! – зло кинул Лангус, откупоривая новую бутылку. – Воевать бы учились, сволочи!

– Представления? – откликнулся Молд, не обращая внимания на слова Лангуса. – Какие представления, Бурханд?

– Это были веселые представления, герр майор, – отозвался Бурханд, – они заканчивались состязаниями по бегу.

– По бегу? Что же тут веселого, зондерфюрер? – спросил Молд.

– В беге участвовали самые-самые толстые евреи и проститутки, отбывающие наказание. Их приводили прямо из тюрьмы и, если они выигрывали бег, то получали свободу. Раздевали евреев догола и пускали по стадиону. И обязательно в присутствии жен и детей. Публика умирала со смеху, свистела, бросала в бегущих тухлые яйца, фрукты. Представляете, – Бурханд дробно засмеялся, – представляете, этакий бор в пудов на восемь-десять несет голым по стадиону, а его обгоняет проститутка и щекочет его обрезки...

– У них все не так, как у людей, – улыбнулся Лангус. – Режут там, где надо добавлять. – И сам хрипло засмеялся своей шутке.

– Карл, ты шутишь, как ефрейтор, – сказал Молд. – Ты не можешь проводить меня к писсуару?

– Писсуары, дорогой майор, остались в твоём Штутгарте, а здесь, как в твоей деревне Алендорф, мочатся прямо на улице, – отомстил Молду Лангус.

– За твоё усердие, Карл, гестапо могло бы найти тебе что-нибудь получше, чем этот грязный городишко, в котором нет писсуаров, – взял реванш Молд и пошел к выходу в сопровождении Лангуса и Бурханда. Они оказались на улице как раз в тот момент, когда по ней, словно два упавших с неба облака, прошмыгнули Моме и Довид-ды-бруе.

– Хальт! – Бурханд рванул кобуру.

Два черных облака, подгоняемые зловещим окриком, помчались в сторону городского рынка, свернули за угол, задев плечом острый выступ поликлиники. Напрасно! Поздно! Через минуту Бурханд, запыхавшись от бега, уже настиг сумасшедших. До железных жалюзи парикмахерской оставался один шаг. Голые деревья у тротуара застыли, как памятники, и созревшие кустики чабреца, державшие на оголенных ветках готовые орешки, напоминали увядшие цветы.

– Хальт! – Бурханд схватил беглецов за шиворот. – Майн готт! Юден! Герр майор, герр капитан, у меня сюрприз! Идите сюда! Юден! Юден!

Когда Молд и Лангус приблизились, с их рук, будто обезглавленные черные птицы, тяжело свисали пистолеты.

Моме и Довид-ды-бруе, вдавив головы в плечи, ждали выстрелов. Но выстрела не последовало.

Ночь прорезал железный скрежет жалюзи, и из дверей парикмахерской вышли пани Лившиц, Двошке и Янкеф-Зисл.

Немцы схватились за оружие.

– Мы сумасшедшие, – сказал пани Лившиц, – и они сумасшедшие, – он кивнул на Моме и Довид-ды-бруе. – Ир фарштейт^[19]? – спросил он по-еврейски.

– Вы сумасшедшие? – Бурханд, хорошо знавший русский язык, оторопел. – Они не в своем уме, – перевел он по-немецки. – Психи, убогие, одним словом.

– А не выкручиваются, гады? – насторожился Лангус.

Наступила тишина. Только электрические провода звенели в морозном воздухе. Сумасшедшие слились в одну черную массу, и их глаза слились в один огромный глаз, в котором можно было прочесть всю историю еврейского народа. И герр майор вычитал из этой истории самые мрачные страницы.

– Бурханд, – враз повеселев, сказал Молд, – в этом мерзком городишке должно, конечно, быть еврейское кладбище?

– Даже два. Старое и новое, – ответил за Бурханда Лангус.

– Гоните их на старое! – приказал Молд. – И не спрашивайте больше ни о чем. Веселиться – так веселиться.

– Юден, форвертс! – улица содрогнулась от голоса Лангуса. – Форвертс!

И сумасшедшие гуськом пошли по главной улице города, едва касаясь ее отполированных камней, и небо, уже выпавшееся, торопилось погасить звезды в немыслимо огромном глазу наших сумасшедших. Они миновали промтоварный магазин Столина, широкие окна «Пиво-воды», где продавалась сладкая сельтерская вода, дубовые стены старинной аптеки, желтые кирпичные стены кабинета политпросвещения и, обойдя типографию, свернули на улицу Карла Либкнехта. Пани Лившиц с тоской оглянулся, почувствовав в воздухе запах типографской краски. Справа, словно разрушенные стены крепости, тяжело темнело здание городского театра, окруженное вековыми липами. Из театра доносился лошадиный храп, теперь здесь была конюшня.

Сумасшедшие шли посередине немошеной улицы, они месили холодный белый песок, и утренний иней ломался, исчезая в следах их шагов. На углу Инвалидной они свернули направо, прошли мимо водонапорной колонки и, обогнув дом кузнеца Шаи Гутова, вышли напрямую к кладбищу. Они шли молча, как идут на эшафот. Первым шел пани Лившиц, высоко, как горнист, держа голову. За ним, словно ребенок, научившийся делать первые шаги, семенил Моме. Довид-ды-бруе шумно дышал, глотая соленые слезы. Двошке и Янкеф-Зисл, как всегда, держались за руки.

Старое еврейское кладбище встретило процессию вечным покоем. Голубая дымка рассвета ползла к древним памятникам, исчезая на их белых и черных камнях, проникая в затейливую вязь древнееврейских надписей, увенчанных звездами Давида. Кладбищу было много веков. Столько, сколько жили евреи на берегах седой Березины.

– Хальт! – тишина кладбища рвалась от земли к небу. – Всем раздеться! Шнель! Шнель! – весело командовал Лангус.

Он уже знал все, что должно и неминуемо произойдет на кладбище, и искоса поглядывал на Молда, с трудом подавляя зависть и злобу. Солдафон солдафоном, а выдал такую блестящую идею, перехватил, можно сказать, из его, Лангуса, рук.

– Всем раздеться! Вы что, олухи, оглохли? – Лангус подбегал к каждому из сумасшедших и срывал с них одежду. Они не сопротивлялись. Они были уже не участниками, а свидетелями Истории. Такими же, как плиты на старых заброшенных могилах. Свет наступающего дня зажег верхушки кладбищенских сосен. Белый иней таял и стекал с могильных плит на мерзлую землю. Голые, исхудалые, изможденные тела сумасшедших, словно выросшие из земли, уже сливались с нею на пороге вечности. И только свет утра, голубой и яркий, все ниже спускаясь по колючим веткам сосен, спешил согреть обреченных своим пронизывающим необоримым теплом.

– Юден! – взвизгнул Лангус. – Герр майор дает вам выбор. Мы отмерили сто шагов, вон от того белого до того черного камня, – и он указал рукой на две могилы. – Мы решили устроить состязание. Каждый, кто придет первым, будет расстрелян первым. Исключение делается для фрау. Если фрау выиграет бег – она свободна. Итак, на старт! – Бурханд едва успевал переводить слова капитана.

Белый камень принадлежал деду доктора Фаертага, черный – отцу реб Ицхока, старому раввину Беспалову. Конечно, немцам было наплевать на то, кто лежит под этими камнями, им было важно, что между ними оказалось именно то расстояние, которое назвал Молд. Герр майор был человеком точным, дисциплинированным, высоко ценил офицерскую честь и считал невозможным обмануть или подвести участников состязания. Поэтому он строго предупредил своих коллег:

– Ровно сто метров! Как на стадионе.

– Пошел! – рывкнул Лангус и, как стартер, выстрелил в воздух.

Но еще не достигли земли зеленые иглы сосны, пронзенной выстрелом, еще не рассеялся ядовитый дымок над пистолетом, как старое кладбище огласилось немыслимой силы человеческим голосом. Казалось, он упал с неба как гром. Немцы вздрогнули, словно от близко разорвавшегося снаряда.

А голос этот, трагически-прекрасный, нечеловечески высокий и чистый, принадлежал пани Лившицу. Он распростер руки, задрал голову, и на нее упал первый луч восходящего солнца. Звонко, упруго и насмешливо звучал голос:

A- i íeöë i ääääéöíé íéíá à-äéí...^[20]

Í :-óüí òáí ðöá äääá äääíéáç

ý íá:-éíáþ...

Á ííáí íéé íðäçáí éé Ñöééíí

íëó:-ééííü ýòí ääéí,

Ó äääáí þ íáýò íáä ðíäééíý

éíçééé áääüé...

È äüü òóó äéääéé, :-òí ýòíò

éíçééé - äüýáíé...

Сухо и резко ударил выстрел, и Лангус, зло выругавшись, опустил руку. Пани Лившиц сделал шаг и упал лицом вперед, и эхо унесло с кладбища песню, прерванную выстрелом.

– Форвертс! – крикнул Лангус. – Я стреляйт фторой раз, юденшвайн! Форвертс!

И тогда сумасшедшие, тихо обойдя пани Лившица, с юношеской прытью оторвались от земли и наперегонки помчались к финишу. Им было легко бежать, потому что черные ангелы, ютившиеся в их глазах, ударили огромными, как ночь, крыльями. Двошке держала за руку Янкеф-Зисла и, может быть потому, что он крепче обычного сжал ее усталую руку, поначалу чуть отстала от своих соперников.

Судьи держали на прицеле черный камень старой могилы.

А участники состязания стремительно приближались, и каждый делал что мог, чтобы обойти другого, первым пересечь финиш. Никто не хотел быть вторым в этом коротком и бесконечном беге. Моме и Довид-ды-бруе бежали легко, не уступая друг другу ни шага. Но когда до финиша оставалось несколько шагов, вперед вырвалась Двошке. Она неслась, как птица, низко опустив голову, выставив вперед высохшую грудь, и Янкеф-Зисл висел на ее руке, как ребенок в клюве аиста. Но, когда до черного камня остался один шаг, Двошке, собрав последние силы, швырнула вперед тяжелого, задыхающегося Янкеф-Зисла, и это было последнее, что она могла для него сделать. Через мгновение пуля ударила и в ее грудь, и Двошке упала с распростертыми руками на своего Янкеф-Зисле, будто хотела и мертвая защитить его, мертвого.

Над кладбищем повисло солнце, и его лучи коснулись каменно остывающих тел сумасшедших.

111 *Óðíáèíá (æaðá).*

112 *Ááæá-óðíá*

113 *Áèèáò íá èíðááèü*

114 *Ì íèíáóü.*

115 *Áíááíðèèèü, òíááðèü Èèáøèó?*

116 *Óááèá-èææèá (ááð).*

117 *Èðæèá 400 áñ (áæíðüííè).*

118 *Áííèíüá èèááðèè (ááð).*

119 *Èíáüóü (ááð).*

1110 *Í áí-áñòíúè, íááíóí íè (ááð).*

1111 *Í áæíðá (ááð).*

1112 *Áèááííèíááí òü, Á-ííáü, Á-áíáø, óáðü Áííèáí í íè, èçáèèèáíüèè ðèáá èç çáí èè.*

1113 *Ì èðí òáíèí áèááííèíááí òü, Á-ííáü (èáðèò).*

1114 *Óíááðèüè.*

1115 *Ááðè.*

¹¹⁶ Ñôî ãñσããσéé (ããð).

¹¹⁷ Í ðîñããîãí èá (ããéí ðóññé).

¹¹⁸ È íããéçð ò ì á-è ññé íá ì íòúã è éííúñ ññé íá ññíú; íá ííáíè ì ð ìáðíá ì á-á, è íá áóããò ó-è ðúññ áíéúóá áíéíá (Èñáéý, ãé. 2, ñò. 4).

¹¹⁹ Áú ìííèì ááòá?

¹²⁰ ×ãéíãé, ì ðááúñãéý ðùéé éñé, áíéãéáí áíéãáçòú ññé ððááíááíéý (éãðéò).

ОСЕНЬЮ В БНЕЙ-БРАКЕ

Beitá Qaño ad

Nai adt iteeäpò :adòtã Öadü daäe meeit – Aäaai, Eöoaé, Baéitá Eitãó, I itá Aadit e Ääeä

Eitã «Çitãd»

В открытые окна синагоги порывами налетал прохладный ветер, наполненный запахами зелени, свежести и ароматом праздничных пирогов. Вобрав в себя благоухание мирта и эсрогов, он омывал молящихся, создавая ощущение покоя и цельности, когда мир и твоё сердце звучат в унисон.

Суккос – время уюта и любви. Длинные молитвы, неспешный рокот древних рифм преобразуют самых непоседливых. Сквозь смятение, царящее в душе современного человека, начинает проступать доброта.

В этом году все для меня выглядело иначе. С завистью поглядывая на лучащиеся глаза соседей по синагоге, я прокручивал в голове логику одного талмудического спора, пытаясь нащупать его внутреннюю пружину. Но куда там! Ворота оставались закрытыми.

Со стороны представляется, будто главные вопросы Учения посвящены тайнам мироздания или именам ангелов. На самом деле нет ничего более каверзного, чем распутывание денежных проблем. Последнюю неделю перед праздником я просидел над двумя листами Талмуда. Речь шла, казалось бы, всего лишь о разделе наследства. Но при этом – шесть детей от трех жен и внезапная смерть отца, забывшего составить завещание.

– Что же мы делим? – спрашивает один из комментаторов. – Наследство или память?

Давид появился в синагоге неожиданно. Тихонько вошел и сел в последнем ряду. Он не молился, просто сидел безмолвный, с длинным печальным лицом, усеянным мелкими веснушками. Его рыжая шевелюра полыхала в сумраке, словно костер в Лаг ба-омер.

Когда он вошел, сердце тихонько дрогнуло в моей груди, так же, как в нашу первую встречу...

Фирменный поезд «Литва» подходил к Москве. Повернувшись спиной к двери тамбура и прикрыв молитвенник полкой пальто, я пытался отыскать в себе точку, из которой мир представал наполненным гармонией и смыслом. Это состояние нельзя описать словами, как невозможно объяснить

слепому разницу между зеленым и голубым цветом. Не помню, как оно пришло ко мне. Знаю только, где и когда началось: полгода назад, возле могилы Гаона.

В Москве шел снег. Едва коснувшись асфальта, он превращался в грязную пену, ледящую ноги сквозь подошвы ботинок. Все куда-то спешили, бежали по улицам, озабоченные делами и насупленные от непогоды.

Большой зал синагоги был пуст; но через приоткрытую дверь, ведущую во внутренний дворик, доносился неясный шум голосов. Там стояла сукко, длинная будка, сколоченная из фанерных щитов, прикрытых сверху слоем еловых веток.

Засунув чемодан под скамейку, я присел у края стола. Судя по всему, мое появление прошло незамеченным.

– Присоединяйся, – вдруг произнес сидевший напротив молодой парень, рыжая борода которого, казалось, росла прямо из шапки.

Он подтолкнул ко мне свертки с едой.

– Меня зовут Давид.

Тук-тук – качнулся от сердца к горлу невидимый маятник. Тук-тук.

Из-за противоположного конца стола поднялся небритый мужчина. Его голову украшала огромная кепка «аэродром».

– Братья! – воскликнул «грузин». – В праздник не принято говорить о страданиях. Но как умолчать о муках, сравнимых лишь с мучениями Иова, как не поведать о боли, бередящей душу (он взглянул на часы) почти восемнадцать минут?!

Оратор сделал многозначительную паузу и обвел глазами притихший стол.

– Как! – не воскликнул, а вскричал «грузин». – Как можно обойтись в такой праздник без маленького «лехаима»?

Он вытащил из-за пазухи литровую бутылку водки.

– Поднимаю бокал за наших дорогих гостей, за Приглашенных!

Все облегченно заулыбались. Бутылка пошла по кругу, стремительно пустея. Давид перегнулся через стол и зашептал:

– Это грузинский еврей из Кутаиси, учится здесь на шойхета. Ты понял, о каких Приглашенных идет речь?

– Не очень, – честно признался я.

– Дело в том, что не все здесь те, за кого себя выдают.

– Стукачи... – я понимающе кивнул головой.

– Да нет, – поморщился Давид. – Каждый день в сукко приходит один из праотцев. Чаще всего он присутствует незримо, но иногда принимает вполне реальный облик.

– Ты уже видел одного из них?

– Увы... Но верю, что когда-нибудь это произойдет. Кроме того, их проявление в материальном облике – скорее всего легенда; такая же, как и муки Иова.

Заметив мое удивление, Давид улыбнулся.

– По одному из мнений, Иов не реальная личность, а персонаж книги, написанной Моисеем. Мало того что человек разорился, потерял детей и заболел проказой, так некоторые считают, будто он вообще не существовал.

После завтрака мы остались в сукко еще на «часик», посмотреть книгу Иова. Часиком дело не обошлось, разговор затянулся до темноты. Ночевать мы пошли к Давиду.

Перед рассветом, когда во влажной черноте окна начала проступать голубая изнанка, он вдруг умолк посреди фразы. Я смял поудобней подушку и прикрыл было глаза, но Давид вновь заговорил:

– Большинство наших проблем – всего лишь оптический обман, следствие неправильного угла зрения. Стоит взглянуть на них по-другому – и мир предстает совершенно иным...

Подойдя к окну, он резким движением распахнул раму.

– Смотри, смотри хорошенько.

Прямо перед собой, в маленьком садике у дома, я увидел дерево. Оно росло. Я видел, как шевелились, набухая, корни, втягивая воду всеми своими волосками, как каменели сучья и тянулись вверх ветви. Шелест листьев, многоликий, словно хор голосов, и бесконечный, будто еврейская история, опутал меня сотней невидимых нитей.

Утром я проснулся в совсем другом мире. Он вел со мной диалог игрой света в переплете окна, номером подошедшего троллейбуса, фразой на случайно распахнутой странице книги.

– Если ты не понял, хорош или плох твой поступок, – объяснял Давид, – гляди как следует по сторонам. К человеку все возвращается: каждое слово, мысль, действие. Творец посылает ему знаки, поддерживает, указывая дорогу. Только не давай себя сбить, верь не советам знакомых, а собственным глазам.

– Тебя привыкли воспринимать в определенной роли, – говорил он. – Если вдруг выпадаешь из привычного образа, окружающие станут навязывать его силой. Для выработки иммунитета я ходил в театр. Покупал билет в первом ряду партера и, когда занавес шел вверх, раскрывал над головой зонтик.

В результате я прожил у Давида две недели – весь свой отпуск.

Ночь в фирменном поезде «Литва» прошла для меня беспокойно. Пассажиры обсуждали покупки, сделанные в Москве, пили чай, стелили постели, укладывались. Я лежал на верхней полке без сна. Огни полустанков отражались в зеркале двери, высвечивая откинутую руку или одеяло, сползшее на пол. Потом вновь надолго устанавливалась темнота.

Утром, спустившись вниз, я обратился к попутчикам.

– Хочу попросить вас о небольшом одолжении. Я религиозный еврей, а сейчас настало время молитвы. Мне придется надеть специальную накидку и молитвенные ремешки. После того как вы закончите завтрак, я прошу у вас полчаса тишины.

Тишина наступила мгновенно. Быстро допив чай, соседи, с выражением почтения на лицах, вышли из купе. Спустя сорок минут один из них приоткрыл дверь и осторожно осведомился, можно ли взять новую пачку сигарет.

Соня ждала у справочного бюро. Я заметил ее издали; знакомый беретик, все та же потертая кожаная сумка, свитер из серой шерсти. Она ткнулась холодным носом куда-то между бородой и шеей и привычным жестом взяла меня под руку.

Духовные переломы сближают дружные семьи еще больше, пораженные вирусом раздора – разъединяют окончательно. Возможно, со стороны мы с Соней выглядели хорошей парой; но разногласия, неизбежный спутник молодоженов, не растворились со временем. Будь у нас дети, все, наверное, сложилось бы по-иному.

Ее брови срастались, словно пытаясь создать хотя бы одну постоянную черту на беспрестанно меняющемся лице.

– Тире я предпочитаю двоеточие, – говорила Соня, расправляясь с ними маленьким никелированным рейсфедером.

Но почти незаметный след все-таки оставался. Когда в компании Соня, увлекшись разговором, как бы отделялась от меня, я искал глазами эту птичку, согревая взгляд на тени ее крыльев.

Волосы Соня туго стягивала, собирая их узлом немного выше затылка. В молодости они пахли клубникой, вспыхивая под солнцем неожиданными рыжими сполохами.

С наступлением темноты мы начинали собираться в гости. Каждый вечер, словно на работу, Соня отправлялась к одной из своих подруг. Повод для этого всегда находился. Я ворчал, ныл, сопротивлялся и в конце концов перестал ее сопровождать. Но Соню это не остановило.

– Наверное, в прошлом воплощении я была кошкой, – в очередной раз сообщала она, уже стоя на пороге. – Мурр! Ты просто не представляешь, какая сила тащит меня из дому после захода солнца.

Главным предметом Сониных разговоров были сны. Она обсуждала их с утра до позднего вечера. Иногда беспокойные вздохи будили меня задолго до рассвета.

– Ну что с тобой, что? – спрашивал я, поглаживая ее дрожащие плечи. – Опять этот сон?

– Ты представляешь, мне снится, будто мы едем... Я сижу за рулем. Остается совсем немного, только миновать мост. Поворачиваюсь сказать тебе об этом, но рядом сидит другой, незнакомый. Горло сжимает от ужаса, я всматриваюсь и забываю про руль. Машина пробивает перила, и вдруг темнота, навсегда, навечно, и не простить, и не досказать...

Сюжеты других Сониных снов были менее драматичны. Иногда в них даже проскальзывали намеки на предстоящие события. Если они сбывались, Соня небрежно, но с плохо скрываемой радостью замечала:

– Тетю надо слушать, тетя знает...

Как программист, я привык рассчитывать любую ситуацию на много ходов вперед. Строить жизнь на основе смутных образов из сновидений жены становилось все трудней и трудней...

К моему увлечению религией Соня отнеслась необычайно ревниво; мир чудес, снов и пророчеств принадлежал исключительно ей. Она сердилась, если я называл ее Бат-Шевой, а разговоры о кабале, ангелах и будущем мире вызывали приступы раздражения.

Пытаясь изменить ситуацию, я предложил ей познакомиться с Давидом. Его цельность и спокойствие казались мне лучшими из доказательств. Но главное, втайне я рассчитывал на маленькое чудо, подобное тому, что случилось со мной.

Вместо недели Соня провела в Москве почти месяц. Я звонил каждый день, получая в награду полузабытые нотки нежности в ее голосе.

К справочному бюро она подошла улыбаясь и, когда я наклонился, чтобы подхватить чемоданчик, вдруг звонко чмокнула меня в кончик носа.

Влияния Давида хватило на две недели. Мы опять начали спорить, а потом просто ругаться по пустякам. Причиной для ссоры могли стать носки, забытые на диване, или неуклюжая шутка.

– Мне надоело твое бесконечное ожидание чуда, – жаловалась она, вдруг позабыв годы щебетаний о собственных полупророчествах.

– Я хочу жить здесь и сейчас, понимаешь, не завтра и не когда-нибудь, а здесь и сейчас.

Давид отказался обсуждать со мной эту тему.

– Страдания – это хороший знак, – сказал он. – Значит, с Неба не махнули на тебя рукой. А советы, да еще по телефону, совсем бесполезная штука. В семейных делах интонация важнее смысла слов. И, кроме того, главные вопросы своей жизни человек должен решать сам.

Когда мы вышли из Дворца Правосудия, она вдруг заплакала.

– Я никогда тебе этого не прощу, – быстро повторяла Соня. – До самой смерти буду помнить и не прощу, слышишь, не прощу, никогда, не надейся, до самой смерти, никогда...

Слезы капали с ресниц, катились по щекам, падали с кончика носа. Она сжимала в руке выписку из решения суда и поэтому вытирала их тыльной стороной ладони, отбрасывая в сторону, как ненужные, обидные доказательства слабости. Концы бумаги потемнели от слез и повисли жалкими хвостиками.

Через несколько недель, в очередной раз позвонив Давиду, я услышал ее голос.

– Что ты там делаешь? – произнесли мои губы, хотя ответ был очевиден.

– Местная я, – ответила Соня, – тутошняя, живу теперь здесь.

За окном накрапывал бойкий дождик литовского августа. Я долго ходил по улицам, не замечая мокрой одежды и светофоров. На одном из перекрестков меня остановил милиционер и принялся что-то втолковывать укоризненным тоном. Потом, внезапно осекшись, предложил отвезти домой.

Очнулся я в парке под горой Гедиминоса. Солнце уже село, и туман, поднимаясь над Вильняле, постепенно окутывал деревья и скамейки вдоль центральной аллеи. Вдруг нестерпимо захотелось уехать далеко-далеко, к теплому морю, к людям, которые не только говорят на другом языке, но и живут по-другому...

Отъездная бегодня потащила меня за собой, словно жестянку, привязанную к хвосту собаки. Закрутились, застучали колеса, ударили друг о друга зубья шестерен. Первый неровный звон ушиба о булыжник, за ним еще один и еще – да как пошло плясать, гудеть и переливаться, лишь успевай прикрывать пылающие уши.

Бечевка лопнула только в Вене. За окном съемной квартиры Сохнута частыми белыми точками висел снег, такой же, как по ту сторону границы. Паркет мягко потрескивал под ногами, осторожно звонили большие часы на стене. Каждая снежинка словно завершала предложение в бесконечном послании с неба.

На Соне я женился по любви и жил с ней в каком-то беспрестанном вихре эмоций и предчувствий. Теперь же романтическое отношение к браку мне казалось абсурдным. Единство сердец при ближайшем рассмотрении оборачивалось союзом потребителей; любить рыбу значило ее есть.

«На Святой земле все пойдет по-другому, – решил я. – Жену подберу не по запаху волос, а по убеждениям. И вообще, с этого момента моя жизнь будет опираться исключительно на Закон и Разум».

Из аэропорта я отправился в ешиву, рассчитывая провести в ней несколько месяцев. Но Учение захватило меня целиком.

Вскоре я познакомился с очаровательной англичанкой. Она приехала в Израиль полгода назад и тоже училась в Бней-Браке, на семинаре для религиозных девушек. Мы встретились два раза и через месяц поженились.

Поначалу ее английские привычки меня раздражали; вместо «ой» жена восклицала «ауч», а на завтрак готовила не яичницу, а кукурузные хлопья с молоком. Но спала она крепко и никогда не видела снов. За это я простил ей хлопья, постоянные разговоры по телефону и любовь к английской королеве. У нас уже четверо детей, и все идет как нельзя лучше. Соня полностью ушла из моей жизни, лишь иногда по утрам мне кажется, будто подушка жены, как прежде, пахнет клубникой. Но это, вне всякого сомнения, просто чепуха.

Незадолго до конца молитвы я подошел к Давиду и пригласил вместе позавтракать в большой сукко, построенной рядом с синагогой.

Сукко была полна тени, узорчатой и трепещущей на ветру. Листья эвкалипта шуршали по крыше, натягивались и хлопали полотняные стены. Мы уселись в конце стола, накрытого белой скатертью, и долго молчали, не зная, с чего начать разговор.

– Вы тоже в Бней-Браке? – наконец спросил я.

– Да, но совсем недавно.

Что-то в нем переменялось, особенно во взгляде. Словно кто-то другой, бесконечно более мудрый, рассматривал меня через глаза Давида.

После завтрака я спросил, почему он не молился. Вернее, не спросил, а только намеревался задать вопрос, но он остановил меня мягким движением руки.

– Последние годы я полностью посвятил Учению, – начал Давид. – Вставал после полуночи, когда духовное поле очищается от потоков эмоций, и до утра окунался в тайны скрытого Знания. Погружение в Слово – это наиболее увлекательное занятие на свете. Умеющему впустить его в себя не нужны путешествия. Я взбирался на вершины, от которых захватывало дух, я скользил по гладким склонам букв, опускаясь в бездны смысла.

Однажды, не удержавшись на выступе буквы «юд», я потерял равновесие и сорвался в пропасть. Ветер закружил меня, словно радуясь неожиданной добыче, но вдруг, брезгливо отпрянув, бросил прямо в середину горной речки. Ласковая поверхность воды оказалась сотканной из тысячи сверкающих иглолок. Внезапно все остановилось.

Голос, невидимый, всепроникающий Голос спросил:

– Когда взыскать – Сейчас или После?

И тут я вспомнил о тебе, Ури. Сидит, оказывается, внутри нас такая коварная штука и запоминает каждый вздох, слово, мысль. И всегда она с нами, ее лишь и уносим за последнюю черту, в свое вечное наследие.

– Сейчас, – ответил я Голосу, – конечно, сейчас.

Аккуратным движением Давид отломил кусочек хлеба и положил в рот. Он проделал эту нехитрую операцию так сосредоточенно и осторожно, будто совершал ее первый раз в жизни.

«А ведь он пришел просить прощения, – сообразил я. – Мой мудрый наставник, человек, причинивший мне столько страданий, сидит напротив и просит прощения!»

Что сказать, чем ответить на просьбу? Ведь не было дня, за все эти горькие годы, когда бы я не вспомнил его и Соню. Сначала с болью и жаждой мщения, потом с усталостью и болью. Сколько слез пролил, сколько слов, обидных и жестоких, похоронил в своей душе».

– Не бывает слез, пролитых напрасно, – вдруг сказал Давид.

Я вновь попытался заглянуть в его глаза, но он смотрел сквозь меня, словно видел за моей спиной нечто более интересное и важное.

«Не прощу, – подумал я. – Ведь ты все растоптал, от всего закрылся своим зонтиком, мастер красивых слов. Любовь и вера оказались для тебя просто персонажами мелодрамы. Нет, не прощу, умирать буду, а не прощу!»

– Мир и без того переполнен злобой людей, уверенных в своей правоте, – сказал Давид. – Самое большое чудо, которое может совершить человек, – это простить другого.

Он встал из-за стола.

– Мне пора. Желаю тебе удачи. И мудрости.

Я прочитал благословение и принялся собирать посуду. Странно: еда на тарелке Давида осталась нетронутой. Но ведь я собственными глазами видел, как он ел!

Жена и дети вышли меня встречать. Старший, с уморительно серьезным выражением лица, помогал толкать коляску. Близнецы, как обычно, носились друг за другом, испуская дикие вопли.

Увидев меня, они сразу притихли.

– Как прошла молитва? – спросила жена, забирая полиэтиленовый мешочек с остатками завтрака.

Я промолчал. Память – ведь это и есть наследство! Сам того не зная, Давид ответил на вопрос Талмуда. Пружина освободилась и, еще совсем теплая, затрепетала в моей ладони...

– Ури, – жена несколько раз повторила мое имя, – Ури, я должна тебе что-то сообщить про Бат-Шеву.

Тук-тук – качнулся маятник. Тук-тук.

– Знаешь этот мост, перед въездом в город? Она ехала вместе с мужем. У машины лопнуло колесо, они потеряли управление, заскользили, ограждение не выдержало удара... Их похоронили три месяца назад, здесь, в Бней-Браке.

Жена помолчала.

– Детей у них нет, а завещание составлено на твое имя. Поверенный звонил уже два раза.

УКРОМНЫЙ УГОЛОК

עֲשָׂרֵי יָדוֹתָא

Некто Шульман придумал себе псевдоним с изрядным количеством шипящих, – то ли намекал на польское происхождение, то ли отвергал местное благозвучие... Важно, что нашего Шульмана (псевдонима) перепутали с другим автором, которого обозначим – исключительно согласными буквами – ЧШКН.

Аббревиатура настолько прозрачная, что, пожалуй, не стоит темнить: Чукшин, с ударением на «у». Чукшин – как тогда рекомендовался. Потом (уже популярным актером) сменил ударение.

А происхождение – откуда фамилия – объяснял смехом. Папаша, то ли знатный свинарь, то ли директор свиноводческого хозяйства, Герой Труда с золотой звездочкой, и натурально горд родовым именем: свиновод Чушкин. Но сын-актер переставил буквы.

В то время только учился во ВГИКе, не снялся даже в «Десяти Теодорах», хотя и перешел с актерского на сценарный... А наш псевдоним Шульман – тоже студент и тоже творческого вуза, сильно моложе Чушкина.

И вот оба, сотворив по рассказику, передали свои произведения (окольными путями) в некий тоненький женский журнал, где заведовала литературой хорошая тетенька с фамилией Недорубова.

Рассказик нашего Шульмана – с песенным титулом «Черный пистолет». Само собой – для женского журнальчика – не без «сю-сю»... И выждав положенный срок, Шульман-псевдоним позвонил в редакцию (тетеньке Недорубовой), назвался, натурально, своею шипящею кличкой, а в ответ – три распростертых восклицательных знака:

– О-о! Вы-то нам и нужны! Приезжайте!

Когда то же самое услышал Чукшин, он, бедный, прикатил на такси, а Шульман – студенческая привычка – спустился в метро. Всю дорогу беспричинно улыбался, повторяя (не вслух) веселый глагол на «е».

Нынешнюю женскую прессу величают по именам: «Лиза», «Маруся», «Наташа», тогдашнюю – по профессиям: «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» (это скорее призвание), «Ткачиха, прядильщица», «Доярка, свинарка, пастушка», «Сельская учительница»...

И раскачиваясь в метро, твердил Шульман на разные лады: я, блин, эту Марусю... Наташу, Лизу... я, блин, эту «Работницу»... «Крестьянку», «Ткачиху-прядильщицу», «Совбабу», «Сельскую учительницу»... я, блин, эту мадам Недорубову... В общем, уделал.

Ааӧӧӧӧ Оӧӧӧӧӧӧӧӧ.

Ӧӧӧӧӧӧ. 1989 ӧӧӧ

И благословлял руководителя творческого семинара, позднесоветского патриарха, что долдонил литературным питомцам, упаси и помилуй, не определять тему и жанр производственно: про железнодорожников, врачей, строителей. Ибо, как ни ловчись, отыщется нечто, вами не отраженное: тут упустили, там не учли... Нет, всегда и на веки вечные – про любовь!.. Мечтательный Шульман уже видел себя (мысленно) на страницах журнала и сочинял для классика-патриарха дарственную-благодарственную надпись.

В редакции, однако же, прояснилось, что распростертые восклицательные знаки – все три!!! – относятся к Чукшину.

– Извините, недослышала по телефону вашу фамилию. – Мадам Недорубова вернула рукопись и познакомила невольных соперников.

– Мы уж встречались, – вякнул Шульман.

– Да? – удивился Чукшин.

– Вы читали у нас на семинаре.

– А-а-а...

Чукшина приводил патриарх, будущий тесть, о чем рассеянный псевдоним Шульман – ни сном, ни духом. Впрочем, отдельные семинарские личности, что обитали в общежитии и не чаяли зацепиться в столице, как-то расчихали насчет родственных связей. Кто подлещивался, а кто, наоборот, обозлился...

Патриарх восторгался местным колоритом, именами Иван да Варвара или такими исконными речениями, как «зуб проснулся» (в смысле – внезапно заныл). Рыжая девочка (позже – израильский русскоязычный классик) презрительно усомнилась: дескать, подобного рода «находки», как правило, пропадают при переводе...

– Ну и что? – сказал патриарх. – За рубежом издаются не только Тургенев и Чехов, но и Гоголь, Лесков, Ремизов, ранний Замятин. И проигрывая словесно, не теряют в самобытности. Усиливается фантастический элемент. Платонов, Бабель и Зощенко – авторы здешней фантазмагории. – И обернулся к Шульману-псевдониму, что был дежурным и корпел, как положено, над Отчетным журналом. – Последнего вы не слышали...

– Я тоже, – прокашлялся некий преподаватель местного языка, что вечно торчал на семинаре с неизменным вопросом и скрипучим, намазанным голосом: «О чем рассказ?» – которые (вопрос и голос) внезапно обрушились на Шульмана в редакционном холле.

– О чем рассказ? – прохрипел Чукшин, в точности как сотрудник кафедры. – Чего сидишь-то?

– Да так! – брякнул Шульман. – Куда, думаю, податься? – И поведал веселую предысторию.

Поскольку в сюжете про черный пистолет задействованы мальчик и девочка, он, псевдоним Шульман, пребывал в колебании, обратиться в женский орган или, допустим, в детский. Тем паче адрес-то совпадает. Ладно, решил, разберемся на местности.

Пришел. Дети и женщины – на таком-то этаже. Поднялся. Дети и женщины – в конце коридора. Ясно, идем по стрелочке. Налево, направо, в закуток... Ну и пожалуйста, дверь в дверь!

Àãñëëë Øéùæáí êî.

Áññðáññ ïá ãëýí èá á Øéæáññèí ï áðéá 1987 ãã

Солнышко за окошком отбилось от туч, наискосок хлынуло в редакционные сени, рассекая печатные органы надвое: женская табличка увяла в тени, а пестрая детская («Московский школьник») маняще вспыхнула, встрепенулась.

Шульман насмешливо срифмовал:

«Ï á ï ï ï ðí á í à à ò ù è è

á “Øéíáí è è”?» -

Ðàçì ù ò é ý à ò ï ð í ã á í è è

– А что сказал представитель кафедры? – И Чукшин опять неотличимо скопировал: – О чем рассказ?

– Сотрудник нам соболезновал. Подобная публикация, говорит, требует специальной визы.

– А-а, небось насчет оружия... Мальчонка в семейном барахле отыскал трофейный «вальтер»... или откопал что-ничто в лесу...

– Вроде того. Да еще на самой границе... – И Шульман махнул в сторону школьной вывески:

Í úí : á í ðèéèþ : èëàññí øéíáíý.

Í á í íéäóý é í èí ñááíý.

– У нас в деревне милиционер есть. – Чукшин по-актерски раздвинул плечи, отяжелел. – Пузо. Весь ремнях. Нос картошкой, уши-лопухи. А морда свекольная – Леха-ряха. Коли ворот не расстегнет, лопнет. – И будто напыжился, налился соком. – Знаешь, почему генералы толстомясые? Потому что харч даровой, казенный... Ну и приходит Леха на свадьбу. При полном параде, с кобурой... Мало ли чего в застолье не бывает. Нужен хозяйский глаз. Власть не дремлет.

Чукшин рассадил гостей, как в знаменитом своем будущем фильме «Русский сабантуй», каждого показал, легко воплощаясь в девочек, молодых и бабок, длинной, словно растущей в полете, многоверстной рукой чокался на дальнем краю, внезапно икал, стыдливо загораживаясь ладошкой, по-всякому пил и закусывал, плясал соло и танцевал в паре (то за партнера, то за партнершу), хором орал «горько!», и втянув до провала злые небритые щеки, смачно целовался взасос.

Шульман встрял не ко времени, ритмично постукивая ботинком:

Ýõ, áðàòèøèè, èðñí á øóò íé,

Õíéíááö - í íéíááö!

Í áðááèò á á í ðñí áèóò íé

Ñàí íáí í á í àø éíí áö!

– Будешь мне частушки писать! – Чукшин по-лошадиному фыркнул, заржал. – Земляки твои – шустрые ребята Гуревич да Рабинович – фильмик затеяли... про сектантов. А рабочие-постановщики бухтят в перекур: «Ну что евреи понимают в русской религиозности!»

Шульман не унимался:

Éááà-ðýöà í ññò íáí é

Í á áíéááò í èéàé áñí í é.

Í íñáéò á Éááà-ðýöà -

Í í çáí óò àéññý á ðáááóá

– Хуже. – Чукшин выпятился, расхристался. – Приспичило в туалет. На рысах в будочку. – И враскоряку затопал, присевши «орлом», на карачках, с невыразимым пучеглазым наслаждением на взмокшей медно-круглой физиономии. – Да спяну-то сбрую и обронил... в очко... буль-буль... утопил с кобурой. – Чукшин приложился ко рту и потешно закричал, на манер саксофона, долгою минорною нотой. – В момент протрезвел. Назад в горницу. Бухнулся на колени: «Люди добрые, спасайте, выручайте! Не дайте пропасть служивому!»...

А псевдоним Шульман:

Áíò ò ááá è áéýöà-í óüà,

Ī āāāāāā ē ī āī āāāā!

Ń Ēāāāē-āyāāā - ī āī āāāā..

– Что ж ты думаешь? Затопили баню да расшвыряли дерьмо по всему огороду!.. Добыли оружие!

Светлый праздник,

муха-бляха!

С кобурой Леха-ряха!

– На тот год перегорело, – знаешь, какой урожай!.. Еле убрались!

Общесвадебный подарок –

Удобренье огорода,

Чтоб растительный приварок

Умножал число народа.

– А в «Шкодник» иди! – Чукшин подтолкнул Шульмана. – Бери пример с моего тестя – твоего учителя. Если какая незадача, удаляется в «кабинет задумчивости», пыхтит, тужится. После выходит, как из парилки, и в полной боевой... Ну, говорит, ребята, я нынче на них на всех... с высокого дерева... Нажрется – не поперхнутся!.. Усек?

– Усек, Васек! – сказал Шульман. – Такая работа... – И подмигнул Чукшину:

Ī ū āāāāē - āāā āāāāēāāy -

Ī āāāēāāī, ī ā āī ūāāy.

Ī īāāāy āā āāā:

Āāāāēē Ī āāāāāē: Ōāāāēī āāāāāēy 2 īāāāāāy 1974 āāā. Āāāāēē īīōī īē Ēīī īīāāāē ē Ńēāāāāā. Ī āāāāāēē Āāāāēā, Ēēāāā, Ēēū-ēāā... Ō-āāēē Ī ēāāēēā Ēēū-ā āāāā Ī āāāāēē ēīōāāēēāāīō ēāāāāyīāāāā īāāāāāāāāāēy. Ēāē y, Ēāāāēū Ī āāāā (Yāāāāā Ōāāāā āī), - āāāēē āā ēīōāāēēāāīō ēāāāāāā Ē īāāāāā āā ēāāāāā ēāāāāā, īāāāē-āīāāā, īāāā āīāāā ūī...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ

Í ÀÑĚÁÑÒÁÍ

Ñíèí ìí Dìçáí àéàò

È ááá, è ÷àéíááé áçíóèè

èçíáí áí è...

Çà ñèèù áíáááéàòù òáçéóèè è áíè,

Çà ááá ÷òí áí á òóíí÷ùáí ì íá

ìíááéè,

Ááí í èçéí ééáíýñí

òíáéòáéè ì íè.

È èíá, è ñááá - èñèéííúá éííèè,

È òà ááá í èó ì òííçè òáéùí áý áíéü

Í áááéáù è íáéáí úá óòííèè...

È, éáé ó ááá í áááááí í áý òíéü

МАМИНЫ ПЕСНИ

Áðéááéé Ááðííéí

Óííòòí óèè éáñòí÷èè á Áááíáò...

Í ðíéàòàþò í àà Ñýòòíé çàì éáé.

Ëñ-áçàþò òí-éàì è á çáí èòá

Óáéáçàþò, í àíýò çà ñáíé.

B èðè-á áááò ñò ðáì áéáá çà í èì è.

Ñáðáóá áíñéí-ééí èç áðáé...

Á áááóíáí ááó á Áðáíééí á!

Áí ñé-ááí úý, áí áðíáí í óò è!

ÁÐÓÁÓ-ÁÐÀÓÓ ÍÀ Í ÐÍ ÙÀÍ ÛÁ

Áðéááéé Ýéááéúòò áéí

Òàì òí ðí óí, ááá í áò ó í áñ ñ ò í áí þ.

Á ò ú «áí ñ-áñ ò úý» í ðéí áð áé áé éáò.

Í áñ ò ú ñ é á é í ò é ó á é í á á ð í á ò ú ý

«áí è í á»,

Í áñ ò ú é á é ð í á í ú ó á á ñ á ñ ò ð á ò è ò

Í í á í é Ñ á á ò.

Á í á ñ í í ð á á é ó á é í é á é ó

áé ó á á é ò á,

Ñí ñ ò á á é á í í á í í á í þ í í á é.

É á é í í á í è ç í á á è í á í í á í é è ò á ó!

Á í á ñ é í é ú é í - ç à ò ð é á á ý ò ú í í ð á é.

Í á ñ ò ú ý í í á á ú é í í

ñ ò ð á í è-á é ó á é á ñ ò.

Í ð í ç á á ò á ð á í ý

í á í ý ò è ð á á á ð ..

Ë é ñ ò á þ -

Á é ñ é ú ð á, Á ð á ñ é á á ñ é é, Á ó á ñ ..

Í í í é í á á, Í ó ñ í á é ó é é á, Ð á í á á ð ..

Ð ó í í é É í á í, Ð é á é é í ú

è Áðáèò...

Áñá ó æá èðáí àì áñðí æò èðááé...

Éàòè ìííéíéíí. Ííí íèò áñá

è èðáèò

Ðáèèèò íáíé ìáèíáíé èðááé.

Í ó ÷ òí æ, ííðá!

Í ðèííááí í à áñðí áí

× ò í á ì ÿáíí áñðáò èé ááí

çàì í ðíèèé áñí ò.

À ÷ ò í á ðáçèèá í á èáçàèáíí ðíéíí,

Ì ù ñèàæáí í á ì ðííáé,

à çàè áñçóí á!

È ííí íé: áñèè á æèçí è áóááò

ò ðáí í,

Í á ñáí ùé è ó ÷ èé áñí áááò

èç áí áé,

Áçæíí è í à ò áí ù Í ðááí ð ááíí í í á -

çàì óáí ùé,

Í í í ðááí í ùé

À ðéááè è Ýéááè ù è ò áé í.

ÓÐÍ Í Ò Í ÐÍ ÕÍ ÁÈ Ò Ó ÈÀÆÁÍÁÍ ÁÍ Ì Á

Æí ðáí Èááí í á

Çáðèáñ ò í óá í èáí á ò ó æáñ ò í èíí ò ù

Áé ñáí áí ÿ í á æáí í èí í ò á

Í ðááðáí áí í á ÿ á áíí á ó

í è ÷ ò í æ í í ñ ò ù

Ðáçðú áááò èðáííèè á ñáðáá

Çà ò ì áááò ñ ò ðáí è ò ù èí ò í ðèè

Yòtè ííáé áíéíú ááíí ðáááé.

Óòíí ðé áéííñ ðáçíí à á á ðá

È á éðíáé ííéáéá: áííúó ò áé.

Óðíí ò ííðííáé ò ó éáæáííáí áíí à

Òáéáóíííúé çáííé, áááòí áçðíá

Æááæúíí ò ðáííáíð áéííñ

çí áéíí úé...

Òíéúéí á çí à ò ú ÷ ò í æ è áá

è è è æ è á

Í á ðí áá ò ñí í á áí áí á çí í í,

Í ñ ò ááéýý í á ñááóá ðáááó.

Í á ò, í á í í æ á ò á ú ò ú æ è ç í ú

áí ç í ç á ð ò í í é...

Í í í áé, í ééííááí ú é ò áí ðáó!

Çáééáíí ò í ó á í é á í á ò ó æ á í í é í í ò ú

Á é ñááííý í á æ á í í é í í ó á

Í ðááðáúí á í á ý á á í í á ó

í è ÷ ò í æ í í ñ ò ú

Ðáçðíí áá ò é þ á í é á í í á á

Í À × Á Ì Á Á Ð Æ È Ò Ñ Ñ Ò Ì È Ð

Ááðí áí Ááðéííáééé

Óòéé í í í é á á í é á ð í í é é í é é á

Ðáðééé,

Ýííóó ðííéííáí ááðéíí ò áá -

íí ááí ðá

× ò í è ç á ú é í á í á í í í é ò ú?

Áééé, áééé...

Í á í á é í æ

i eèèèííú yòè

áúèè!

Òáðíáèè, i ó-èèèíí

óí òyí í æèèè...

È yòó òòí èéí òòú èí ááðèèè

Áííá-òí í ááííá

íííáá!

Ñáá y òòí èá òúy

ííáðííáèè á í èðá

Ááá èðíáí è íéáçú

ááí èú áí òíá ò áèèè,

Ñéíááí è!

Áá, íéíááí è!

Çà ò ááðáèèè èí y!

Òáð íæè ò éíá èíí è íæèè

i èèè,

Í í áííáíèè, í í íí òðáí èèè,

Óí ò y éíí ò ú è

è í íéáííèè.

È í èðá í á áúéí

í í á í áòáð í èéáíé,

Í í æèá ðáííèáç

í òí Í áðáíé Óðáí.

Í í ááíyí áííá

ðáçáðííáí ú í íæèú,

Á ÷ óáí áííæá

Í áúyíí èí í.

Í ú áúèèè Ñéíáí

εç ãdí eèà,

× ò í á àðàçü è ò ü

ááèèì .

Ì èð ááðæ è ò ñý

í à ñèí ááã

Áαç ñèí á

í áðà ò è ò ñý á í ðáã.

ÁÁ×ÁΔÍ ΒΒ Ì Î ÈÈΘÁÁ

Ρ ð è È àì è í ñ è è

Ó çáçá í àèñ-è ñ è è ì ú ó í á à è ã ó

Í í á ñ ì ò ú é ò æ á ñ ò ç ð ò ù á ñ

ò è í á à

Á ì í è è ò á á í á è è ò ì ñ á í á á á

× ò í á è ó-ò á à è á á ò ù í á á ñ á í ð

í á á í .

È ì ó ú è í é í á ì í è í è ò ñý á ó σ à

ò í é , í ò è í ò ò í é ò ì ò ì σ á ð ò è ð á è ,

È í ò ì ð ð ñ á ñ ò ì ð á ñ ì , í á á ù σ à ,

Ì ù ñ è ó σ á á ì è á ù σ è ì í í è í í é

á ò á ù ð .

À í ì ñ è á í í á í è ì ó á ç á ç á ñ ð á

È á á ð á á à è σ ó ç á í ç ý á σ á é ð á-é í é ,

È á è ì à ì à - á ñ è í á á ñ ý á ñ á ð á á ð á -

Ñ è í á í í ñ í á á á ñ , ñ ì ò ñ è á á ò ñý

ñ è ð ù è á : è à

È , ó è ù á á ñ ñ ñ á à è á ò ñý è í ì í á -

Í á á á : í í á è è í á á á ì ò ñ á ñ è á á í ú á ?

Âÿ ääÿ òàèÿ, èè àî ìá

À î íæàò, èè à î íàì

îò èõì ò àì òàí ìá

Èÿ òàí :á ò òàè è í éó ò àòàÿ:

Ó æèçí è àí èüóá

í è :áá í á ò òàáé.

Èòì î íæàò áú ò ù ñ : à ò è è áá ò ááÿ,

Ó ñ è ó à í í á ñ ì à ì í þ è í á á ì ...

РАССКАЗЫ ИЗ ТАНАХА

Èëàí à Àðòè

È äëààííëíáëé Àíííëëùííé Ííàòà è ñíííáëé àà, è ñëàçäé èì : «Í ëíáëòàííí è äàçì Ííæàëòàííí è íàííëíýëòà çàí ëþ» (Àðäéøëí 9:1).

È ñëàçäéé ííé: «Áàááëòà ííòòðíëí ñíáá àðíä è áàøíþ, äëààíþ àí íáííí è ñíáëàíí ñíáá çíàì áííí, ÷òíáí í á äàíííäëëííí ù íí ëëòó àííé çàí ëë (Àðäéøëí 11:4).

È áííëë ñíííáíý Ííàòà, àíòááíøéá èç ëíá-áíí: Øàì, Øàì è Èáòáò... È íò íëò äàíííäëëàííí áíý çàí ëý (Àðäéøëí 9: 18,19)

ÁÀØÍÞ

Расплодились сыновья Ноаха. И поселились в долине страны Шинар. Говорили они на лошон койдеш – на иврите. Все друг друга понимали...

Был среди них человек по имени Нимрод – внук Хама, правнук Ноаха. На плечах носил плащ, который сделал Всевышний для Адама, когда выгнал того из Райского Сада. По наследству плащ перешел к сыну Адама Шету, потом к внуку – Эношу, затем к Ноаху. Только как он попал к Нимроду – темная история. Плащ же был особенный. Едва Нимрод надевал его, страшные львы, тигры, медведи и волки тут же подходили к нему и садились в кружок подле его ног, он преспокойно расстреливал их в упор, а потом хвастался великолепными шкурами.

Люди ничего не знали о свойствах плаща. Они думали, что сам Нимрод – великий человек и потому имеет такую власть над зверями.

Выбрали они его своим царем. Возрадовался Нимрод и предложил построить город, а в центре – башню до небес. Как раз в Вавилоне научились делать кирпичи. Зачем понадобилась башня?

Люди говорили меж собой:

– Помните потоп? Это небо, наверное, иногда шатается, стало быть, нужно его подпереть.

Творец нам станет не страшен. А с Нимродом и подавно у нас будет благоденствие.

Но жили еще на земле те, кто не принимал участия в строительстве башни – Ноах, его сын Шем и правнук Шема Эвер. Они говорили другое:

– Опомнитесь! Зачем вам башня? На небо влезть захотели? Потоп был вовсе не из-за каких-то «трещин в небе», а потому, что люди потеряли облик человеческий. Если Всевышний захочет вас наказать, то уничтожит и без потопа.

Но никто не слушал праведников. Строители вошли в такой раж, что не замечали, как со стропил падают наземь их товарищи. Огорчались лишь тогда, когда вниз случайно срывались кирпичи: это задерживало работы.

Наконец, надоело Всемогущему это безобразие. Отнял Он у людей общий для всех иврит, и перестали они понимать друг друга.

Один кричит:

– Подай кирпич!

Дают ему лопату.

Другой просит:

– Долого найдите...

Протягивают клещи.

Стали они ссориться и драться. Попадали с лесов и разбились насмерть.

Возведение башни прекратилось. Наиболее рьяных строителей Ашем превратил в обезьян. Люди больше не понимали друг друга. Разбрелись они по всей земле. Так возникло семьдесят народов.

А как же башня?

Развалилась она очень быстро. Сохранились в памяти людей только словосочетания: «Вавилонская башня» и «Вавилонское столпотворение».

Создатель оставил святой язык – иврит – лишь Ноаху и его праведным потомкам Шему и Эверу.

От них унаследовал лошон койдеш Авраам.

От него произошли евреи. Поэтому они сохранили иврит и умеют на нем говорить.

ААДААИ

От Адама до Ноаха прошло десять поколений – столько же, сколько от Ноаха до Авраама.

У Ноаха было три сына: Шем (Сим), Хам и Йефет. Авраам происходил от Шема.

Отца Авраама звали Терахом. Он поселился в городе Ур Касдим. Все кругом поклонялись дождю, ветру, огню, облакам, деревьям, солнцу, луне, звездам... Делали идолов из камня и дерева и служили им.

Когда Аврааму исполнилось три года, он начал исследовать мир.

– Горит огонь. Но пролился дождь и потушил его. Значит, вода сильнее огня.

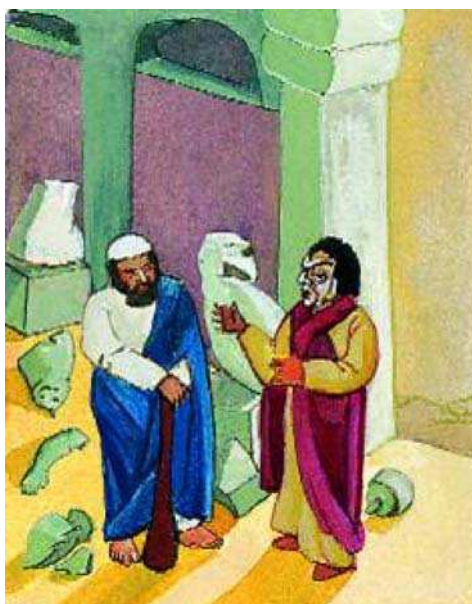
Налетел ветер, унес тучи, высушил лужи – получается, он сильнее, чем дождь.

Пригрело солнце. Ветер стих. Солнце сильнее ветра?

День подошел к концу. Стемнело. На небе засияли звезды, выплыла из-за тучи желтая луна. Видимо, солнце тоже не всемогуще. Потом наступило утро. Скрылись ночные светила. Стало быть, они – слуги.

Где же Творец всего? Кто главный Хозяин? Ведь Он должен быть. Один!

Тут-то и открылся ему Всесильный.

У Тераха была мастерская по изготовлению идолов, там же он их и продавал. Как-то попросил он Авраама приглядеть за лавкой. Если же кто придет – обслужить.

Появился покупатель и обратился к Аврааму:

– Мне нужен идол.

– Какого тебе?

– Я хочу, чтоб на моем поле был хороший урожай. Продай мне идола дождя.

– Тебе нужен идол солнца. Если оно будет очень жарким, вся вода испарится, и дождь тебе не поможет.

– Пожалуй, продай мне идола солнца тоже.

– Может, тебе еще идола ветра дать в придачу? Будет сильный ветер с дождем и градом, град побьет все, что вырастет на поле.

– Ты прав, малец, дай мне заодно идола ветра.

– Еще тебе нужен идол саранчи. Если она налетит, то сожрет твой урожай без остатка.

– Хорошо, давай сюда идола саранчи. Только прежде я схожу за повозкой, чтоб отвезти их всех домой.

– А не лучше ли тебе молиться Творцу Единому? В его подчинении находятся и дождь, и ветер, и саранча. Он главный над всем.

Покупатель подумал-подумал и ушел.

Заглянула в лавку старушка, прошамкала:

– Денег у меня немного, дай мне маленького идола.

– А тебе зачем?

– Губки ему сметанкой помажу.

Достал Авраам небольшого идола в виде обезьянки.

– Такой подойдет?

– В самый раз.

– Тебе сколько лет?

– Восемьдесят.

– А этого идола изготовили только вчера! Чем он тебе поможет?

Подумала старушка, покачала седой головой и тихонечко вышла из лавки.

Показался в дверях могучий воин:

– Эй, как там тебя? Продай мне идола, мне на войну идти.

– Вот этот, похожий на льва, с позолоченными клыками, годится?

– Вполне.

– Чем тебе поможет деревяшка, выпиленная руками человека? Молись лучше Создателю всего сущего!

Покупатель повертел идола в руках и... покинул лавку.

Довольный Авраам переломал всех идолов, а самому большому вложил в руку дубину.

Вернулся Терах в мастерскую. Кругом разгром. Спрашивает сына:

– Что произошло?

– Люди принесли идолам еду. Те из-за нее передрались. Победителем остался вот этот, – сказал Авраам.

– Что ты чушь городишь? Не могут истуканы драться. Они вообще ни на что не способны. Ты разгромил мою лавку! Сейчас за это ответишь! – проревел Терах, снимая увешанный металлическими бляхами пояс.

Вывался Авраам и убежал.

– От такого сына одни беды! – решил Терах. – Пойду расскажу про него правителю. Может, тогда успею от себя беду отвести.

Побежал и донес. На сына!

Царем в то время был Нимрод. Да-да, тот самый, что башню до небес строил.

Схватили Авраама и привели пред грозные царевы очи.

– Чудной ты какой-то, – сказал Нимрод Аврааму. – В моем государстве только ты в Единого Творца веришь. Ишь, диссидент нашелся! На кого надеешься? Сейчас прикажу тебя в огненную печь бросить. Никто тебе не поможет!

– Хоть в огонь, хоть в воду – мне все равно! – крикнул Авраам. – Я от своих убеждений не отступлю!

– Эй! Слуги! – позвал Нимрод. – Изжарьте мне его живьем!

В огромной печи развели огонь. Взметнулось могучее пламя. Часть народа опалило, многих сожгло. Все в страхе попятилось. Двое схватили Авраама, раскочаили за руки и за ноги и швырнули в пекло.

Вдруг появился ангел и окутал праведника прозрачным облаком. Увидели все: Авраам ходит внутри печи, как по комнате, – пламя его не обжигает, даже одежда не дымится. Взял ангел Авраама за руку и вывел из печи целехоньким.

РАББИ ШМУЭЛ А–НАГИД

Ī ādōāī Ēāī āī

Ī ōrātēāī ēā Ī ā-āēt ā¹ 9, 2004

Āēāī oāīōāy

Āūēōī īēāī īūō

Простираешь Ты тьму, и воцаряется ночь, и зашевелился в ночи зверь лесной». Когда все спят сладким сном после дневных трудов, когда покой и тишина давно опустились на землю, наступает время для разных хищных и ядовитых тварей покинуть свое логово и отправляться в путь. Цель одна – вредить человеку и скоту. С тех пор как существует на земле род человеческий, в час смуты, в час волнений, переворотов, любых других важных перемен в жизни людского сообщества вылезают из нор самые гнусные и бессовестные, самые жестокие и опасные негодяи, чтобы использовать происходящее в своих подлых целях.

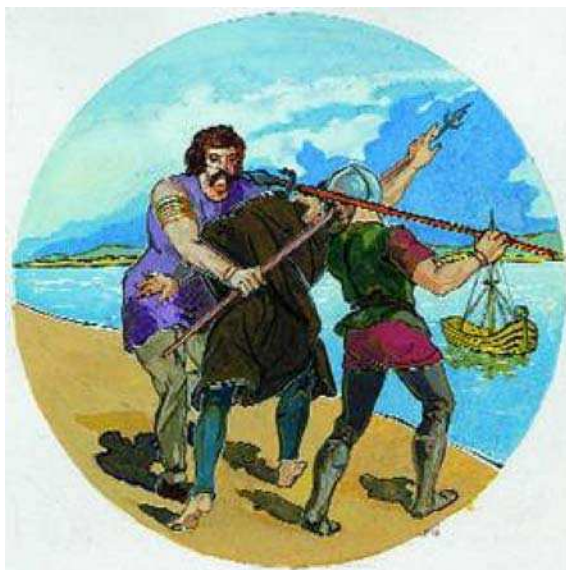
И в дни, которым посвящена наша история, едва прошел слух среди подобного рода выроdkов, что город Кордова на грани гибели, они слетелись со всех сторон, словно коршуны на добычу, чтобы убивать и грабить без разбору. Были среди них и морские пираты. Они тоже потянулись в те края. Но охотились, в основном, не за золотом и дорогими камнями, а за «живым товаром», который сбывали в дальних странах с великой для себя выгодой. Дерзость норманнских и североафриканских пиратов была столь велика, что они держали в страхе всю Испанию, ибо та, будучи почти со всех сторон окружена морями, становилась особенно уязвима.

Иногда они заходили далеко вглубь страны, оставляя свои корабли на побережье под присмотром жен и детей, и устраивали засады на путников в укромных местах – на лесных дорогах и горных тропах, связывавших разные города. Ужас перед этими разбойниками был столь велик, что испанский закон позволял всем и каждому убивать пиратов без суда и следствия, без жалости и милосердия. Впрочем, в эпоху завоевания Кордовы и даже спустя некоторое время после этого события власти не особо усердствовали в преследовании пиратов: новый правитель еще видел в своих подданных недавних врагов и потенциальных бунтовщиков и не особенно стремился уменьшить их беды.

Родители рабби Шмуэла, когда к ним ворвались пираты, были дома. Дом их стоял у реки, рядом с мастерской, где трудился отец нашего героя. Один из разбойников, здоровенный, страшного вида, схватил рабби Йосефа и потащил к кораблю, стоявшему на якоре неподалеку от берега. Жену его пираты то ли не сочли стоящей добычей, то ли в суматохе просто забыли.

После мучительного плавания, после многих унижений рабби Йосеф был в конце концов привезен в город Таранто, что на юге Италии. Пиратский корабль пришел в порт вовремя: в тот день на рынке рабов состоялись большие торги. На центральной площади, до отказа забитой толпой продавцов, покупателей, рабов и праздных зевак, не прекращались шум и суматоха. Торговля шла бойко, и от криков зазывал, от стонов несчастных без преувеличения можно было оглохнуть.

Вот на один из помостов выставили пару скованных цепью негров. Лица обоих пылают гневом, зубы скрежещут, глаза с ненавистью смотрят на каждого покупателя, желающего рассмотреть товар поближе. В их сердцах пылает жажда мести и не умирает надежда, что рано или поздно настанет день отмщения. Горе тому, кто купит таких рабов. Однажды они заставят его заплатить сторицей за каждый удар, обрушенный на их черные спины. А пока они вынуждены отвечать на вопросы любого, кто поинтересуется, каким ремеслам они обучены и к какой работе более привычны – к полевой или домашней.

На другом помосте понуро сидят несколько молодых людей из далекой Германии. Пираты обнаружили их после кораблекрушения на каком-то острове. Все они были на шаг от голодной смерти. Народ дивится непривычной внешности невольников: светлые кудри, бледная кожа, голубые глаза... Хорошую цену, однако, за них не возьмешь: языка страны, ее обычаев германцы не знают. В конце концов, по бросовой цене они достались бродячему актеру; тот понадеялся использовать их в своих спектаклях.

В дальнем углу рынка выставлены двенадцать человек. Среди них старики, убеленные сединами. Взоры опущены, головы склонились к земле. Они не скованы цепями – разбойники положились на обещание пленников не пытаться бежать. Губы их неслышно шепчут отрывки из Теилим: «Живущий под покровом Всевышнего в тени Всемогущего обитает. Скажу Г-споду: убежище мое и крепость моя – Б-г мой, на которого полагаюсь я, Ибо Он спасет меня от сети птицелова, от мора губительного».

Это – евреи, попавшие в плен во время бегства из Кордовы и ныне продаваемые на рынке. Но родные и соплеменники во многих городах Средиземноморья уже слышали об их беде и, зная, что в ближайшее время на рынки начнут поступать новые рабы, загодя собрали деньги, чтобы купить свободу своим братьям. И вот к евреям приближается человек, внешне схожий с ними по облику. Видно, что, несмотря на молодость, он не из рядовых граждан, а из мудрецов, из уважаемых членов общины. Он пришел исполнить заповедь о выкупе пленных. Обратившись к продавцу, этот человек начинает обсуждать с ним условия сделки. «Пленных не выкупают за сумму, превышающую их стоимость», – сказано в трактате Гитин. Это правило установлено, дабы не разжигать аппетиты пиратов, которые могли начать на евреев настоящую охоту, если бы знали, что единоверцы дадут за них столько, сколько пираты запросят, – во всяком случае, гораздо больше, чем за обычного раба. Пиратам уже хорошо известно, что евреи не станут платить за выкуп своих соплеменников или священных книг более положенного. Вообще-то разбойники тех времен проявляли по отношению к захваченным евреям больше человечности и милосердия, нежели к остальным. Евреи обычно не пытались бежать, поскольку «не устраивают пленникам побегов, чтоб не разрушать устои мироздания».

– Ах, как жаль, – качает головой лукавый торговец. – Не могу я продать этих людей за цену, которую ты предлагаешь. Это же первоклассный товар, настоящая находка для всякого, кто понимает толк в рабах. Таких, как они, не найти тебе нигде в другом месте. Все они – мудрецы, все – люди ученые, каждый может заработать целый капитал без особого труда. Посади их за переписку свитков, за перевод книг, дай им детей в обучение – и богатство твое вырастет, как трава полевая после дождя!

Покупатель отвечает ему с твердостью: «Цена, что я предложил, – справедливая и окончательная. Тебе хорошо известно: наша религия не позволяет платить за пленных больше их стоимости.

Эти люди уже немолоды, пользу, о которой ты говоришь, они не смогут приносить слишком долго. Денег тебе удастся за них выручить не больше, чем даю я».

– Будь по-твоему, – нехотя соглашается продавец. – Но знай, только ради тебя, из доброго моего к тебе отношения готов я пойти на убытки. Я знаю твою благородную душу, и мне ведомо, что ты бы сам предложил больше, будь у тебя такая возможность...

За слащавыми речами торговца «живым товаром» крылась хитрость опытного и корыстолюбивого дельца. Он напоминал Эфрона Хеттиянина: речи того тоже были обильны, а деяния скудны.

В результате продавец без проволочек освободил покупателя от двух весьма увесистых кошель с золотом.

По окончании торга покупатель приблизился к пленным. Те по-прежнему стояли согбенные, уставив глаза в землю, и продолжали шептать: «Не утратишься ужаса ночного, стрелы, летящей днем, мора, во мраке ходящего, чумы, похищающей в полдень». Присоединив поначалу свой голос к их шепоту, незнакомец вдруг во всю мощь легких возгласил: «Падет возле тебя тысяча и десять тысяч – по правую руку твою, тебя не достигнет».

Догадавшись о неожиданном спасении, пленники выпрямились и устремили свои взоры на избавителя. Радость озарила их лица.

– Мир вам, дорогие братья! – услышали они. – Отныне вы свободны, благодарение Г-споду! Ибо разве не говорит наша Тора: «Мои рабы – сыны Израиля, но не рабы рабов». Я счастлив, что мне на долю выпала честь исполнить заповедь о выкупе пленных.

– Мир и тебе, дорогой брат наш, – откликнулись обретшие свободу. – Позволь нам узнать твое имя.

– Зовут меня Нисим, – отвечал их собеседник. – Я приехал из Кайруана и убедил здешних наших братьев проявить как можно больше усердия при сборе денег для вашего освобождения.

– Рабейну Нисим из Кайруана! – вскричали бывшие пленники в изумлении. – Выдающийся мудрец Израиля отвлекся ради нас от трудов своих!

– Ничего не вижу в этом особенного, – улыбнулся рабейну Нисим и лукаво прищурился: – А, может, вам завидно, что мне довелось выполнить великую заповедь Всевышнего? Шучу, конечно. Пойдемте же со мной в дом мой. Горожане уже приготовили для пленных, которых сегодня должны выкупить, еду и ночлег. Завтра мы подумаем о том, как вас устроить понадежнее и как обеспечить вам

средства к существованию. Может, удастся разузнать о ваших близких, чтобы вы смогли вернуться к ним или позвать их сюда.

– Мы останемся навеки благодарны тебе, рабейну Нисим! – торжественно возгласил один из освобожденных евреев со слезами на глазах. – Благодарны за ту заботу, которую ты проявил о нас, за твои собственные усилия в исполнении Б-жьей заповеди и за тех, кого ты сподвиг принять в этом участие! Да воздаст тебе Г-сподь по деяниям твоим и да будет награда твоя высокой, как и твои помыслы. Я был самым молодым среди посещавших Дом Учения в нашем городе, я изучал Тору под руководством учителя нашего Моше бен Ханоха и сына его – рабейну Ханоха. Разбойники взяли меня в плен во время поездки за пожертвованиями для учащихся ешивы. Но сейчас, видя, сколь славна и достойна община города, куда я попал, я бы хотел остаться здесь.

– Благословен будь Б-г Израиля, почтивший этот город присутствием такого ученого человека, как ты, – отвечал рабейну Нисим. – Конечно же, здешние жители будут счастливы видеть в своей среде мудреца, искушенного в Талмуде, а я с Б-жьей помощью и познакомившись с тобой поближе, тебя им рекомендую. Сам же я начинаю собираться в обратный путь, в Кайруан.

Рабейну Нисим вернулся в свой дом в сопровождении выкупленных пленников, радуясь, что совершил доброе дело, и особенно радуясь тому, что избавил от страшной участи ученого человека. Конечно, он был бы весьма и весьма огорчен, если бы узнал, что Всевышний лишил его возможности стать спасителем еще одного мудрого и уважаемого еврея – рабби Йосефа, отца его друга рабби Шмуэла, которого выставили на продажу в тот же час и на том же рынке. Только в другом месте.

Àèàà ñàüü àÿ

ÿì èð è àà ààðàéñèèé ðàà

Прибрежный город Таранто был в те дни предметом раздора между византийским царем и сарацинами. Буядская династия, не участвовавшая в распре, держала тем не менее в городе своего постоянного представителя, который не пропускал ни одного базарного дня на рынке рабов, отбирая там людей, пригодных для службы при дворе.

Буядская династия вела свое происхождение от древнего царского рода. Ее основателями стали трое сыновей визиря Буи, в 4694 году завоевавшие Персию и провозгласившие ее независимым государством. Младший из братьев, Миз Ад Дула, через одиннадцать лет после завоевания Персии захватил Багдад и стал там, с согласия халифа, светским правителем, получив титул эмира Аль Умара. Ко времени описываемых событий власть династии распространялась на территории и Персии, и Месопотамии.

Религия запрещает детям Аллаха держать в домах рабынь мусульманского вероисповедания; потому посланник буядских властителей выискивал на рынке рабынь-христианок и особенно – евреек. Христианская рабыня, зная, что за ее спиной – весь христианский мир, множество стран с хорошо вооруженными армиями, готовыми прийти на выручку, старалась сбежать при любой возможности, поэтому у нее на шее и на запястьях красовались стальные кольца, где было выгравировано имя владельца. Избавиться от таких колец без серьезных ранений почти невозможно, и поэтому беглых рабынь быстро ловили. Евреек, бежать никогда не пытавшихся, освободили от ношения позорных «украшений», отношение к ним вообще было более снисходительное.

Рабби Йосефа в Таранто продали буядскому представителю. Тот предназначал его для одного из трех высокородных братьев, для Биха Ад Дулы, который твердой рукой правил своим царством, расположенным вблизи Вавилона. Двор его блистал великолепием. Там собрался весь цвет ученых и поэтов Востока, и наиболее известными среди них были Вероний и Фердозий.

Биха особенно гордился своей огромной библиотекой. В одной из ее комнат, самой просторной и светлой, с утра до вечера сидели рабы-писцы и рабы-переплетчики, изготавливая копии особо ценных книг, старинных и редких, и украшая их роскошными переплетами. Рабби Йосеф, будучи специалистом по обработке кож и по переплетному делу, был немедленно присоединен к этой группе рабов. Он занимался всем сразу – и переплетами, и перепиской, ибо изрядно знал арабский.

Писцы и переплетчики заметно отличались по статусу от остальных невольников. Оно и неудивительно: в большинстве своем в прошлом это были люди ученые, образованные, уважаемые, лишь превратностями злого рока низведенные до нынешнего ужасного положения. Рабби Йосефу посчастливилось стать их товарищем. Тем самым он был избавлен от несчастья, связанного с рабским состоянием, – от жизни в обществе низких, озлобленных, почти потерявших человеческий облик людей. Кроме того, у рабов, трудившихся в библиотеке, более приличными были и условия содержания, и еда. Впрочем, последнее для рабби Йосефа не имело ровным счетом никакого значения: некошерного он и в рот не брал, а питался исключительно финиками, инжиром и плодами рожкового дерева.

Сам Биха, несмотря на то что еще в ранние годы стал воином, в дни мира любил проводить в своей библиотеке долгие часы. Он отнюдь не блистал эрудицией, ибо с юности ничему, кроме искусства воевать, не учился, но был, при всем том, не лишен любознательности, даже тяги к знаниям; это заставляло его порой проводить над книгами довольно много времени. Иногда, впрочем, он просто сидел перед полками, любуясь аккуратными рядами книг, наслаждаясь красотой переплетов из дорогой кожи. Будучи частым гостем в библиотеке, он неминуемо должен был обратить внимание на рабби Йосефа: тот заметно выделялся среди рабов и своей образованностью, и высоким профессионализмом в работе. Биха быстро распознал в нем незаурядного человека, мудреца, одаренного еще и способностью объяснять самые сложные материи простым и доходчивым образом. С тех пор эмир полюбил уединенные беседы с новым рабом и был к нему добр, насколько позволяло царское достоинство.

Пять раз в день большие военные барабаны отбивали время на площади перед дворцом, последний раз за три часа до заката. После чего дворцовым рабам дозволялись выход в город и свобода передвижения. Рабби Йосеф, будучи искушен в искусстве врачевания, в эти часы бродил по окрестностям, прикидывая, какие настои можно приготовить из тамошних трав. Вскоре о его медицинских познаниях стало известно во дворце, и все нуждавшиеся в лечении спешили прибегнуть к его помощи.

Однажды тяжело заболел сам эмир Биха. Он лежал в постели, метался в жару, но все усилия врачей сбить температуру были напрасны. Не зная, что делать, местные эскулапы решили обратиться за помощью к рабби Йосефу. Усердие и знания последнего совершили чудо – жар спал, и спустя несколько дней эмир совершенно исцелился от хворобы. С тех пор между ним и рабби Йосефом завязалась настоящая дружба. Они ежедневно проводили вместе по многу часов. Дошло до того, что эмир, совершая свои продолжительные верховые прогулки, брал с собой рабби Йосефа в качестве сопровождающего, словно тот был одним из знатных сановников его свиты. Вещь для раба совершенно неслыханная. День ото дня Биха все ближе узнавал рабби Йосефа, все больше ценил его ум и благородные манеры. Уважение его к еврею росло буквально от встречи к встрече.

Катаясь верхом, они иногда заезжали в Гилу. Так называлось место, расположенное на левом берегу реки Прат, где высились груды развалин, – всё, что сохранилось от некогда красивейшего и славнейшего в мире города – от древней столицы Вавилона Касдима.

Когда они впервые подъехали к этим развалинам, рабби Йосеф произнес благословение, придуманное мудрецами как раз для такого случая: «Благословен будь повергший в руины нечестивое Вавилонское царство». При виде остатков дворца Навуходоносора он сказал: «Благословен повергший в руины дом злодея Навуходоносора». Там, где по преданию находилась львиная яма, иудей склонил голову: «Благословен совершивший для праведников чудо в этом месте». И повторил то же самое еще раз, глядя туда, где, если верить словам местных жителей, была печь, в которую бросили Хананию, Мишаэля и Азарию. Узрев развалины огромного некогда храма Маркулиса, рабби Йосеф припомнил еще одно благословение: «Благословен искоренивший идолопоклонство в этом краю. И да будет воля Твоя, Г-сподь, чтобы исчезло идолопоклонство повсюду. И склони, Вседержитель, сердца рабов твоих к служению Тебе».

По просьбе Бихи рабби Йосеф перевел ему все благословения, разъяснил их смысл и добавил: если бы не арабы, разрушившие кумирни идолопоклонников, благословение было бы другим: «Благословен сдерживающий гнев свой и дающий отсрочку преступающим волю Твою».

– Выходит, – улыбнулся Биха, – что мы, арабы, послужили причиной изменения вашей молитвы.

– Да, получается так, – согласился рабби Йосеф. – И следует признать кое-что еще. Истина о единстве Б-га, добытая нами, была распространена среди народов мира тоже арабами. А это значит, что Г-сподь готовит свой мир к приходу Мошиаха-избавителя, благодаря которому все народы поймут святость нашей Торы и глубину пророчеств учителя нашего Моше, – да будет память его вечной.

Еще не успев договорить, рабби Йосеф пожалел о своих словах. «Кто знает, – подумал он, – как воспримет эмир такие речи?» Однако эмир лишь улыбнулся в ответ, а спустя некоторое время негромко произнес:

– Может, в чем-то ты и прав. Ведь и у нас сохранились обычаи, связанные с идолопоклонством. Еще не везде, к примеру, сумели мы искоренить обычай швырять камни, а он как раз и восходит к культуре этого самого Маркулиса. Конечно, священнослужители, люди ученые, объясняют народу, что обычай бросать камни имеет целью отпугнуть Шайтана. Они хотят, чтобы забылось имя Маркулиса, но правда-то в том, что это именно его культ. Кто знает, глядишь – и придет день, когда ваша вера станет единственной в мире.

Тяжелый камень свалился с души рабби Йосефа, он вздохнул с облегчением. Но все-таки решился добавить еще несколько фраз.

– Мне ведомо, что ваша вера далека от язычества. Сейчас ты сам мог убедиться, что, когда еврей видит место поклонения идолам, он читает специальное благословение. А вот единоверцы мои, живущие среди христиан, лишены этой радости. Не произносят они наши благословения, ибо с идолопоклонством сталкиваются постоянно, а благословение говорится лишь тогда, когда видишь нечто необычное. Во всяком случае, нечто такое, что попадает на глаза не чаще, чем раз в тридцать дней.

Рабби Йосеф пожелал увидеть в окрестностях древнего города одно легендарное место. «Попав туда, – объяснил он, – никакое животное не сможет шевельнуться, пока не посыплют его тамошней землей».

– В жизни не слышал ни о чем подобном, – пожал плечами эмир. – И вообще – удивляюсь я тебе: такой образованный человек, а придаешь значение нелепым поверьям.

– Все, сказанное мудрецами Талмуда, – возразил рабби Йосеф, – сказано по вдохновению свыше или услышано из уст пророка. Вот и это чудо есть подтверждение слов пророка Ишаю. А посему постановили мудрецы в этом месте говорить: «Благословен Сказавший и Сделавший, Благословен Назначивший и Исполнивший».

Глубокая уверенность рабби Йосефа в своей правоте явно произвела впечатление на эмира. Он заинтересовался:

– А отчего же ныне мы не удостоены лицезреть чудеса, сверхъестественные явления? В чем причина?

– Да будет вам известно, – отвечал рабби Йосеф, – что не творит Всевышний чудеса в каждом поколении, да еще на глазах всякого сомневающегося или маловерного. Довольно того, что однажды совершил он перед всем народом великие чудеса. Совершил при исходе евреев из земли Египетской, и весь народ тогда мог видеть руку Его. В Египте наши отцы верили только Моше, но верили, если можно так выразиться, умом, не душою. А вот когда расступилось перед ними Красное море, они, как сказано, «поверили Всевышнему и Моше, рабу его». Здесь речь идет о вере безусловной, свободной от размышлений и сомнений. А про события у горы Синай написано: «Вот Я явлюсь тебе в облаке плотном, чтобы услышал народ вместе с тобой слова Мои, чтобы всегда они верили тебе». На Синае, когда мы собственными глазами убедились, что Всевышний присутствует в этом мире, в сердцах наших укоренилась могучая, непоколебимая вера. Благодаря ей мы смогли выдержать тяжкие несчастья, бесконечные преследования, не нарушив союза с Всевышним. Об этом же слова Торы: «Чтобы испытать вас, пришел Г-сподь». Иначе говоря, то, что Всевышний открылся нам столь явным и страшным образом, было настоящим испытанием.

Рабби Йосеф неожиданно прервал свою речь, но его лицо продолжало светиться. Эмир удивленно поглядел на него:

– Почему ты остановился?

– Простите, ваше величество, может быть, в пылу вдохновения я не удержался от слов, которые не должен был произносить перед вами?

– Да перестань ты бояться меня, Йосеф! – отвечал эмир с мягкой улыбкой. – Я совсем не сержусь. Напротив, я люблю слушать слова мудрецов и ученых людей, сказанные под воздействием Б-жественного духа. Скажи мне вот что. Вы ведь верите, что ваша Тора никогда не изменится, не правда ли? Тогда как объяснить, что в Торе предсказано пророчество Мухаммеда в том месте, где говорится про Ишмаэла: «И Я благословлю его весьма и весьма»? Как объяснил мне один еврей, принявший ислам, гематрия «весьма и весьма» равна гематрии «Мухаммед».

– Да простит меня господин мой эмир, но разве можно верить столь неясным намекам, когда они противоречат тексту той же Торы, где прямо заявлено, что никогда и никаким пророком Тора не будет изменена? Ясно, что и тот, кто сказал вам об этом, не может в это верить всерьез. Он всего лишь хотел польстить вам, продемонстрировать свою верность исламу, не более.

– Может, и так, – согласился Биха, немного поразмыслив. – Но не хочешь ли ты все-таки объяснить мне, почему Всевышний не творит явных чудес сегодня?

– Знайте же, господин мой эмир, – проговорил тогда рабби Йосеф, – Всевышний никогда не действует наперекор естественным законам, установленным Им в Его мире, без особой причины. Поколение вышедших из Египта отказывалось поверить во что-либо без пристального изучения и предъявления доказательств – то есть явных чудес, увиденных хотя бы один раз. Если даже такому «недоверчивому» поколению было довольно одного раза, то довольно и нам. После их свидетельств мы уже не очень нуждаемся в доказательствах, и нам заповедано лишь хранить память о чудесах, видеть которые удостоились наши отцы. Слова о них пишутся на мезузах домов и ворот, их вкладывают в тфилин, «украшение между глаз наших». У евреев много заповедей, которые сами по себе суть память об исходе из Египта, – вместе с чудесами, что произошли при этом, доказав существование и силу Всевышнего. Хотя, конечно, и в наши дни случаются, и в прежние времена случались явные чудеса, – но только тогда, когда в них есть насущная необходимость. Как правило же, сверхъестественные вещи людям не приходится видеть собственными глазами, и в каждом новом поколении они происходят все реже и реже. Возможно, сейчас мы уже не на том духовном уровне, который нужен, дабы получить право видеть собственными глазами чудесное исполнение пророчества о Вавилоне. Должно быть, оттого-то это место в нашем поколении и забыто.

Лицо эмира приняло серьезное и задумчивое выражение. Слова рабби Йосефа заставили его вспомнить о тяжелой судьбе еврейского народа.

– Вообще-то, – заговорил Биха, – чудо я вижу уже в том, что ваш народ сохранился и по сей день, несмотря на жестокие преследования, которым вы подвергаетесь во всем мире. Для меня чудо существования еврейского народа убедительнее всех чудес, что творились руками пророков.

Ī ḏāḏāḏā ḥēāḏēōā

Ÿ. Ī ḥāḏāēī ḥēīḥā

Ī ḥīḥīēāēī ēā ḥēāḏāō

ФЛАГ НАМ В РУКИ

Yi eëü Öëëëì îäë÷

Есть вещи, которые всем известны с детства и воспринимаются как аксиома: дважды два – четыре, Волга впадает в Каспийское море, флаг Израиля – «кахоль-лаван» бело-голубой... Но, как ни странно сие звучит, насчет флага – это еще далеко не аксиома, это теорема, которую предстоит доказывать. Вот только кнессету нашему последние полвека заниматься этим было недосуг.

До сих пор в Израиле нет закона о главных символах государства – флаге, гимне и гербе. Просто в акте о независимости страны записано: флаг такой-то. Предполагалось, что в будущем будет принята конституция, которая закрепит официальный статус символов. Конституцию так и не приняли, а среди одиннадцати так называемых «конституционных законов» закона о флаге, гербе и гимне нет до сих пор.

В кнессете 15-го созыва этот вопрос поднимал депутат Томи Лапид, но вопрос спустили на тормозах. Оппозиции вообще трудно пробить законопроект: сказываются внутренние механизмы работы нашей законодательной власти. Претворение в жизнь любого законопроекта стоит денег, бюджет – не резиновый, и правительственная коалиция предпочитает тратить его на «свои» законы. Насколько нововведение полезно, насколько насущно необходимо для страны, – это вопрос второй (если не десятый). Сейчас Шинуй – в правящей коалиции. Законопроект о государственном флаге на рассмотрение депутатов некоторое время назад представил депутат от этой партии Игаль Ясинов. По словам Ясинова, многие члены коалиции готовы поддержать проект. Он также выразил надежду, что и в оппозиции найдутся здравомыслящие люди...

Стало быть, есть надежда, что 12-й по счету конституционный закон все-таки будет, наконец, принят. Тем не менее приходится преодолевать упорное сопротивление сил, не заинтересованных в том, чтобы у Израиля был свой флаг.

Пусть никого не удивляет жесткость постановки проблемы: юридически у нашей страны сейчас ни флага, ни гимна, ни герба нет. Тот флаг, что реет над многими зданиями, поднимается при зарубежных

вояжах правительственных делегаций и на международных спортивных соревнованиях, – не государственный, а национальный. А это большая разница. В ряде стран вообще существуют два флага – государственный и национальный. И если в Израиле ситуацию не изменить, то завтра Шарона в какой-нибудь стране могут встретить не бело-голубым, а, предположим, серо-бирюзовым полотнищем. И утверждать, что это – флаг Израиля. А в качестве гимна исполнить «Тум-балалайку». Почему бы и нет? Ведь «а-Тиква» – всего лишь песня, статус гимна за ней не закреплён. Уже существует множество аранжировок «а-Тиквы» – какая из них служит государственным гимном? То же и с гербом: когда его выбирали, пересмотрели более 450 вариантов. Да, остановились на нынешнем, да, мы все знаем, что там изображены ветви оливы... Но окончательно герб надлежащими документами так и не подтвержден.

Михаил Ревнивцев, сопредседатель Российского центра флаговедения и геральдики, сообщил: «В некоторых странах флаг и герб вносятся в геральдические регистры этих стран, например, российские флаг и герб внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации. Но в Израиле отсутствует государственный геральдический регистр. Международное право не требует специального признания флага другими странами – достаточно признания дипломатического. Что касается международных соревнований или визитов, то это – головная боль организаторов; они должны связаться с посольством либо консульством Израиля или обратиться в МИД своей страны, чтобы им предоставили сведения о гербе, флаге и гимне Израиля. На посольства и консульства разных стран в Израиле возлагается также обязанность своевременно извещать свои правительства об изменениях в государственной символике страны пребывания».

Все детали любого символа – флага, герба или торговой марки – должны быть подтверждены документально. Итоговое свидетельство являет собой пухлую папку с бумагами. Каждый лист точно определяет составляющие символа: цветовые оттенки, размеры, масштабы, ширину полос, расстояния между графическими элементами и массу других деталей. Здесь нет, например, понятия «голубой цвет» – есть специальный код, соответствующий данному конкретному оттенку голубого цвета. И так во всем.

Неопределенность – плохая штука. На выборах в 16-й кнессет партии Херут наш ЦИК, возглавляемый судьей Хешиным, запретил исполнять «а-Тикву» на арабском языке (была у них такая идея в период предвыборной агитации). Решение, наверное, правильное, но бесосновательное, потому что основы – закона, закрепляющего статус гимна, – у нас нет.

Соответственно, нет и законов, которые запрещали бы надругательство и глумление над главными символами. Так что когда палестинцы на своих митингах жгут наши флаги, с юридической точки зрения никакого преступления не совершают!

Например, в Федеральном Конституционном законе России ясно сказано, что Госфлаг РФ – это полотнище, а не рисунок на бумаге. В России четко определено, кто именно имеет право на использование госсимволов: коммерческая фирма, к примеру, вольна вывесить на фасаде принадлежащего ей здания собственный (зарегистрированный) флаг, но никак не российский триколор. А в Израиле национальный флаг может украшать и частные визитки, и интернет-сайты – даже если к государственной деятельности они не имеют никакого отношения... В Белоруссии запрещено использовать на митингах незарегистрированную символику – за это недолго и в кутузку угодить. В Израиле же люди могут запросто нарисовать что угодно на простыне и пройти с ней шествием по улицам – закона, запрещающего подобные действия, до сих пор нет.

Вы не задумывались, почему антисемиты во многих странах жгут именно бумажные «версии» нашего флага? Не потому, что они лучше горят, а потому, что рисунок на бумаге не считается флагом. Они не знают, что в Израиле нет закона, определяющего: флаг – это именно полотнище. Перестраховываются, бедненькие...

В Чехии был случай, когда некий гражданин выставлял в своем окне флаг Германии 1935–1945 гг. (он же – флаг гитлеровской партии НСДАП). Его пытались привлечь к ответственности, но безуспешно: в законе сказано о вывешивании и подъеме, а демонстрация флага сквозь оконное стекло не учтена. В Израиле запрещено размахивать лишь флагами организаций, которые мы признаем террористическими (например ХАМАСа), а шествовать под палестинским флагом не возбраняется. Как это происходит – мы уже наблюдали. Палестинский флаг у нас не зарегистрирован, и Израиль был бы вправе пресекать подобные «прогулки» на корню, но для этого, опять же, надо иметь закон о собственном флаге. А пока мы «в равных правах», разница, с юридической точки зрения, эфемерна. И если завтра на флагштоке перед каким-нибудь отелем на одной высоте будут реять оба флага, мы вряд ли окажемся вправе высказать претензии владельцам заведения.

– Все партии, входящие в коалицию, намерены поддержать законопроект о государственном флаге, – сообщил нашему корреспонденту Игаль Ясинов. – Мне кажется, именно сейчас этот закон особенно важен. Наше государство переживает крайне сложный период: непрекращающаяся интифада, война, ведущаяся против Израиля террористическими организациями при поддержке спонсоров в арабских странах. Одновременно ухудшилась экономическая ситуация. Жизнь стала намного труднее. В таких условиях значимость наших главных символов возрастает. Чтобы выстоять, общество должно быть сплоченным. Но о каком государственном самосознании можно говорить, если не определен статус флага? Как можно воспитывать в детях или репатриантах уважение к государству, если все государственные атрибуты – временного действия?

Сейчас закон должен утвердить в качестве государственных символов флаг и герб, определенные еще 55 лет назад. А также песню «а-Тиква» признать государственным гимном. Наша цель – защитить основные символы Израиля и тем самым подтвердить его единство и незыблемость демократических ценностей, – подчеркнул Ясинов.

Защищать наши ценности сейчас вообще самое время: не так давно при изготовлении монеты в 2 евро был использован дизайн нашей 10-шекелевой монеты, ранее получившей международное признание. Кто помешает какой-нибудь европейской компании заказать себе флаг или логотип, дублирующие наши флаг и герб?

Сопrotивление принятию закона понятно: есть деятели, заявляющие, что символы «слишком еврейские» и не отражают «многонациональный характер нашего государства», что «меньшинства могут обидеться». Естественно, в первую очередь, противники закона пекутся об арабах, да и то не о всех, а лишь о тех, кто нелояльно относится к государству Израиль (остальным арабам могоендовид на флаге не мешает, равно как и друзьям, и русским, и представителям других этнических групп). Эти доводы, однако, совершенно неубедительны: живут же евреи в странах, на флагах которых изображен крест, и не комплексуют по этому поводу, и бунтов не поднимают. Может, Россия или США должны переделать свои флаги в угоду всем нациям, проживающим на их территории? Полный бред. Кроме того, Израиль создавался и существует как еврейское государство со своей определенной традицией и статусом; государственные символы призваны отражать и защищать этот статус.

По-прежнему активны желающие доказать всему свету, что Израиль и ПА юридически равнозначны. Пока были сильны левые и проарабские партии, провести закон не удавалось. Но добиться этого теперь правоцентристская правительственная коалиция в состоянии. Есть и другая «группа противодействия» – это часть ультраортодоксального общества, по сей день не признающая государство. Впрочем, их немного, бо льшая часть верующих уважает символы своей страны. Например, раввин Йосеф-Дов Соловейчик писал: «Вне всякого сомнения, иудаизм не признает поклонения чему бы то ни было, что имеет вещественную форму. Но при этом невозможно не обратить внимания на закон, приводимый в “Шулхан Орух”: “Еврея, убитого неевреями, хоронят в его одеждах, чтобы (Всевышний) увидел кровь на его одежде и отмстил за него, ибо как сказано: “И смою ли Я их кровь? Не смою”. Иными словами: одежда еврея обретает определенную святость, если она залита святой кровью. Тем более бело-голубой флаг, который пропитан кровью тысяч молодых евреев, погибших при защите Эрец Исроэл в ходе Войны за независимость, должен обладать искрой святости, приданной ему самоотверженностью и самопожертвованием. И поэтому на всех нас лежит обязанность отдавать дань уважения флагу». А рав Яаков а-Леви Фильбер отмечал, что флаги у евреев были со времени исхода из Египта. Они хранили народ от ассимиляции, свидетельствовали о национальной принадлежности, но были еще и символами величия, достоинства. Были защитой Израиля. Сказано же: «И поднял глаза свои, и увидел: Израиль – это знамена». И тогда он сказал: «Кто может нанести вред этим людям?»»

Уже тот факт, что именно «кахоль-лаван» жгут антисемиты по всему миру, жгут террористы в ПА и арабских странах, подтверждает, что этот флаг – символ нашего государства. Террористы его давно «признали» – пора бы теперь сделать то же самое и нашему кнессету, приняв закон о государственных символах.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ОКТЯБРЯ

2 ОКТЯБРЯ

105 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ биохимика, члена Лондонского, Эдинбургского и Канадского королевских обществ, Американской академии искусств и наук, профессора университетов Британской Колумбии и Макгилля, автора работ по метаболизму мозга **Джуды Гирша Кастела** (Quastel; 1899, Шеффилд, Великобритания – 1987, Ванкувер).

7 Í ÊÒÁÐÓ

105 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ фтизиатра, профессора Харьковского института туберкулеза, Центрального института усовершенствования врачей в Москве, автора трудов по вопросам клиники туберкулеза и его химиотерапии, лауреата двух Государственных премий СССР **Александра Ефимовича Рабухина** (1899, Витебск – 1979, Москва).

60 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ психолога, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского университета, автора работ по расстройствам памяти **Элизабет Лофтус** (Loftus; р. 1944, Лос-Анджелес).

9 Í ÊÒÁÐÓ

45 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ государственного деятеля, первого заместителя председателя правительства РФ, министра топлива и энергетики РФ, губернатора Нижегородской области, председателя федерального политсовета партии «Союз правых сил», лидера фракции СПС в Государственной Думе Федерального Собрания РФ третьего созыва **Бориса Ефимовича Немцова** (р. 1959, Сочи).

10 ОКТЯБРЯ

25 ёаò ìì äíŷ ðíæääí ёŷ теннисиста, обладателя двух олимпийских золотых медалей 2004 года **Николаса Массу** (Massu; р. 1979, Вина дель Мар, Чили).

13 ÎÊÒÓÁÐÓ

75 ёаò ìì äíŷ ðíæääí ёŷ радиофизика, члена-корреспондента РАН, одного из создателей статистической радиофизики, автора работ по распространению электромагнитных и звуковых волн в случайно-неоднородных, в т.ч. турбулентных, средах и рассеянию волн на случайно-шероховатых поверхностях, лауреата Государственной премии СССР **Валерьяна Ильича Татарского** (р. 1929, Москва).

15 ÎÊÒÓÁÐÓ

105 ёаò ìì äíŷ ðíæääí ёŷ скульптора, народного художника СССР, члена-корреспондента АХ СССР, автора станковых портретов П.И. Чайковского, С.А. Лавочкина, С.А. Чаплыгина и др., лауреата Государственной премии СССР **Зиновия (Залмана) Моисеевича Виленского** (1899, Корюковка Черниговской губ. — 1984).

95 ёаò ìì äíŷ ðíæääí ёŷ баскетболиста, обладателя золотой олимпийской медали 1936 года **Сэма Болтера** (Balter; 1909, Детройт – 1998, Лос-Анджелес).

110 *éàò ñ äíý ðæääíéý* государственного деятеля, министра иностранных дел и премьер-министра **Израиля Моше Шарета** (наст. фамилия Шерток; 1894, Херсон – 1965, Иерусалим).

95 *éàò ñ äíý ðæääíéý* астронома, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского технологического института, автора трудов по физике звезд и межзвездной среды, астроспектроскопии **Джесси Леонарда Гринштейна** (Greenstein; 1909, Нью-Йорк – 2002, Лос-Анджелес).

17 Î ÈÒÇÁÐÇ

65 *éàò ñ äíý ðæääíéý* режиссера, поставившего фильмы «Приключения Электроника», «Чародеи» и др., лауреата Государственной премии СССР **Константина Леонидовича Бромберга** (р. 1939, Харьков).

85 *éàò ñ äíý ðæääíéý* физика-теоретика, академика РАН, директора Института теоретической физики РАН, автора трудов по физике низких температур, квантовой теории поля, теории гравитации, космологии, развившего теорию кинетического явления в сверхтекучей и квантовой жидкостях, рассмотревшего поведение функций Грина электрона и фотона при больших значениях импульсов, лауреата Государственной премии СССР **Исаака Марковича Халатникова** (р. 1919, Екатеринослав).

18 ÎÊÛÁÐÐ

110 éàò ì áÿ ðæääéÿ писателя, автора романов «Неоконченная фраза», «Ответ», повестей «Воображаемый репортаж об одном американском поп-фестивале», «Милый бо пэр!» и др. **Тибора Дери** (Dery; 1894 – 1977, Будапешт).

125 éàò ì áÿ ðæääéÿ дирижера и композитора, одного из основателей и членов объединения композиторов «Молодая Польша», основателя и дирижера Большого оркестра польского радио, дирижера спектаклей «Русского балета» С.П. Дягилева, руководителя симфонического оркестра в Катовице, лауреата Государственной премии ПНР **Гжегожа Фительберга** (Fitelberg; 1879, Двинск – 1953, Катовице, Польша).

120 éàò ì áÿ ðæääéÿ государственного деятеля, министра горной промышленности, топлива и энергетики, обороны, главы лейбористской фракции палаты общин, пожизненного пэра Великобритании лорда **Эммануэля Шинуэлла** (Shinwell; 1884 – 1986, Лондон).

19 ÎÊÛÁÐÐ

65 éàò ì áÿ ðæääéÿ специалиста в области искусственного интеллекта, создания баз данных документальных систем, члена-корреспондента РАН, генерального директора компании «Cognitive Technolo-gies» **Владимира Львовича Арлазорова** (р. 1939, Москва).

20 ÎÊÒΒÁΔΒ

100 έαò ìì áü ðæääéÿ математика, члена Национальной АН США, Национальной академии деи Линчеи в Риме и Геттингенской АН, профессора Калифорнийского университета, автора работ по дифференциальным уравнениям с частными производными **Ганса Леви** (Lewy; 1904, Бреслау – 1988, Беркли, США).

21 ÎÊÒΒÁΔΒ

130 έαò ìì áü ðæääéÿ экономиста, профессора Лилльского университета, автора трудов по проблемам экономического цикла, видевшего основную причину социальных кризисов в психологических и технико-экономических факторах, выдвинувшего принцип акселерации: существование линейной зависимости инвестиций от спроса, **Альбера Афталюна** (Aftalion; 1874, Русе, Болгария – 1956, Шамбери, Франция).

23 ÎÊÒΒÁΔΒ

95 έαò ìì áü ðæääéÿ лингвиста, члена Национальной АН США, профессора Пенсильванского университета, представителя дескриптивизма, сформулировавшего принципы трансформационного метода, разработавшего метод непосредственно составляющих, автора трудов в области общего языкознания, по общим проблемам морфологии, морфемики, морфонологии, лингвистики текста **Зеллига Сабтая Харриса** (Harris; 1909, Балта Подольской губ. – 1992, Нью-Йорк).

23 ÎÊÒΒÁΔΒ

70 έαò ìì áü ðæääéÿ биофизика, члена Американской академии искусств и наук, члена-корреспондента Парижской АН, профессора Рокфеллеровского университета в Нью-Йорке, автора работ по цитобиологии, использованию флуоресцирующих инструментов при исследованиях ДНК, а также по физике низких температур и движению жидкостей, **Альберта Джозефа Либхабера** (Libchaber; р. 1934, Париж).

24 ÎÊÒÁÐÐ

85 äàò ì ãÿ ðäæääéÿ Героя Советского Союза **Полины Владимировны Гельман** (р. 1919, Бердичев).

80 äàò ì ãÿ ðäæääéÿ фехтовальщика на рапирах, обладателя золотой олимпийской медали 1952 года **Клода Неттера** (Netter; р. 1924, Париж).

30 ÎÊÒÁÐÐ

160 äàò ì ãÿ ðäæääéÿ математика, члена Парижской АН, автора работ по аналитической теории дифференциальных уравнений **Жоржа Анри Альфана** (Halphen; 1844, Руан, Франция – 1889, Версаль).

Составитель Бенедикт Киселис

24 ОКТЯБРЯ

ТЭД ЛЬЮИС. БИТВЫ ТИТАНОВ

95 éàò ìí àíý ðíæääíéý áíéíàðà, ÷àí í èííà ì èðà 1915 - 1919 ää ìðààè ì ðíòàííèííàéíà á ìíéòíðàáí àí àáíà Õýää «Èèää» Èíðèíà (Lewis; í àíò. èì ý è òàì èèèý Ááðòíí Ì áí ááéíòò; 1894 - 1970, Èííàíí).

Одним из величайших английских боксеров начала XX века по праву считается Гершон Менделофф, выступавший под именем Тэда Льюиса (он же Малыш).

Сын столяра из лондонского Ист-Сайда, Льюис начал карьеру профессионального боксера в четырнадцать лет, в 1909 году. Первым выигрышем подростка стали чашка горячего чая и шестипенсовая монетка. В следующем бою он выиграл серебряный кубок; с каждой новой победой его награды становились все более ценными.

В 1911–1912 годах Льюис проводит в общей сложности девяносто семь встреч, выиграв из них девяносто. В 1913-м он – один из главных претендентов на звание чемпиона Англии в полусреднем весе. После поражения Джо Стармера на отборочном турнире Тэд встретился в финале соревнований с Алеком Ламбертом. После семнадцатого раунда этого боя Льюис становится самым молодым чемпионом страны по боксу.

Казалось бы, можно почтить на лаврах... Однако уже через четыре месяца Тэд Льюис получает еще один титул: на этот раз – титул чемпиона Европы.

Успех дал ему право встретиться в финале чемпионата мира 1915 года с самим Джеком Бриттоном, неоднократным мировым чемпионом и одним из сильнейших боксеров своего времени. Бой был назначен на август. Льюис выиграл и в двадцать один год стал чемпионом мира в полусреднем весе.

С этой встречи началось величайшее в истории ринга противостояние: они с Бриттоном сражались за пояс чемпиона пять раз, и Льюис дважды победил.

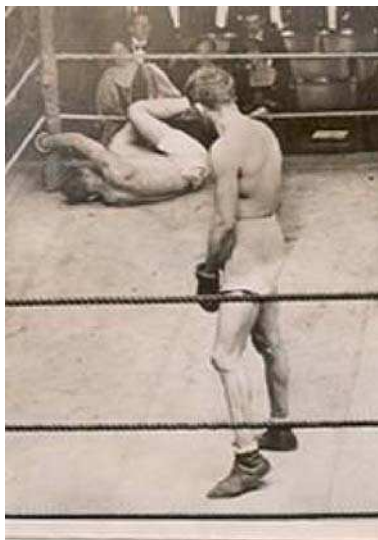
В сентябре того же года Льюис и Бриттон проводят товарищеский бой, и снова побеждает Льюис. В течение шести последующих лет они встретились шестнадцать раз – в общей сложности в двухстах двадцати четырех раундах.

На очередном чемпионате мира Льюис потерпел неудачу. В июне 1917 года он возвращает себе звание – перед тем, как окончательно потерять его в марте 1919-го.

Шестилетнее соперничество с Бриттоном не помешало Льюису восемьдесят семь раз драться на ринге с другими противниками. Он проиграл всего четыре боя.

В 1920 году Тэд Льюис снова делается чемпионом Англии в полусреднем весе. А затем выигрывает первенство Европы и первенство Британского содружества.

После поражения в финальной схватке с Бриттоном в 1921 году Льюис выигрывает у Джека Блумфилда вакантный титул чемпиона Англии в среднем весе, а затем становится и чемпионом Европы в этой весовой категории.

В мае следующего года Малыш бьется за титул чемпиона мира в полутяжелом весе с Джорджем Карпентером, но проигрывает.

Несмотря на поражение, боксер продолжает упорно работать, получая одно высокое звание за другим. Он становится чемпионом Британской империи в среднем весе, а затем довольно долго удерживает свои позиции в этой весовой категории. Все три титула чемпиона в среднем весе (Англии, Европы и Британской империи) он потерял лишь в 1924 году, проиграв Томми Миллигану.

С 1925 по 1928 год Льюис выступает на рингах Англии и Южной Африки. За это время он лишь раз побывал в США, где встретился с великим Макси Розенблюмом. Бой между двумя великими еврейскими боксерами на шестом раунде закончился поражением Льюиса. После этого Малыш оставил большой спорт.

Умер он 20 октября 1970 года в возрасте семидесяти шести лет.

За свою двадцатилетнюю карьеру Льюис провел триста один бой, выиграв двести двадцать четыре, и стал первым профессионалом, использовавшим капу – резиновый загубник.

Спустя двадцать два года после смерти Тэда Льюиса имя его – имя лучшего боксера – было внесено в Книгу официальных рекордов Зала мировой боксерской славы (The International Boxing Hall of Fame).

Тэд Льюис

О ВЕЛИЧИНАХ МНИМЫХ И РЕАЛЬНЫХ

יְצַדִּיק אֶת הַבְּנִיָּוִת הַיְיִ אֶת אֲדֹנָי יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Давид усеаі еу іі і іаіао дааі сее А. І дегі оіаа «Одааі аі еа і і еі уо аае-еі» («Еаааеі»

¹ 6, 2004)

В апреле 2004 года в минском издательстве «МЕТ» вышла монография «Наперекор. Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976)». Не скроем, нам, как авторам, приятно, что сугубо академическая работа вызвала интерес у широкого круга читателей. Не остались равнодушными и коллеги, опубликовав свои критические замечания на страницах печати. Однако по мнению небезызвестного московского журналиста Дмитрия Прокофьева ценность монографии как исторического исследования, несмотря на ее «хорошую фундированность», весьма сомнительна. Умело используя научный антураж, авторы сочинили нечто вроде библейского сказания о некоем Давиде («т.н. демократическом движении») и еврейском как его составной части), вступившем в единоборство с «красным» Голиафом (тоталитарным режимом в СССР) и почти повергшим его... Перелистывая страницы данного опуса, невозможно отделаться от мысли, – пишет г-н Прокофьев, – будто речь идет о Зазеркалье, а не о той Совдепии, где «черт догадал его родиться». «Ну и что? – резонно спросите вы, дамы и господа: стоило ли из-за каких-то там графоманов затевать весь этот сыр-бор?» «Еще как стоило!» – убежден уважаемый мэтр. «Наперекор» – отнюдь не очередная безобидная литературная поделка, а хорошо продуманная идеологическая диверсия. Не верите? Тогда откройте «Лехаим» № 6 и на первой же странице рецензии вы узнаете, что Л. Беленькая и Б. Зингер, никому доселе не известные исследователи с «явно русскими корнями», находятся на содержании многочисленных израильских (читай: сионистских) научных центров и общественных организаций, где заправляют «западные советологи», а также «некие господа, в брежневские времена занимавшие руководящие посты в Иерусалиме и израильском посольстве в Москве». Желая оправдать немалые денежные средства, полученные 30–40 лет тому назад за написание лживых докладов и донесений, оказавших решающее влияние на формирование в корне ошибочной политики Запада в отношении СССР, эти прожженные антисоветчики с помощью «новых репатриантов» пытаются убедить весь «свободный мир», будто и сегодня в новой демократической России по-прежнему существует диссидентское движение, ведущее политическую борьбу с властью. Вот только незадача: Беленькая и Зингер оказались людьми явно бесталанными, лишенными элементарной способности к аналитическому мышлению и адекватной оценке действительности.

Заслушав столь «блистательные» реляции, до боли напоминающие пропагандистские клише времен «всеобщего одобрямса», в пору воскликнуть: «Автора!» А не тот ли это россиянин Дмитрий Прокофьев, который вот уже лет 15 плодотворно сотрудничает с сионистской радиостанцией «Коль

Израэль», с не менее сионистской газетой «Маарив» и другими печатными изданиями в еврейском государстве Израиль? Очевидно, он это делает из сугубо филантропических побуждений...

Откуда у парня еврейская грусть? Оказывается, в «эпоху дорогого Леонида Ильича» уважаемый оппонент в числе весьма немногих получил от Советской власти карт-бланш на обучение в очень престижном и совершенно недоступном для обладателей пятой графы вузе по специальности «гебраистика». И это в те «славные» времена, когда в стране развитого социализма на все «еврейское» было наложено табу, а десятки, если не сотни евреев лишь за попытку приобщиться к национальному духовному наследию отправлялись в места не столь отдаленные. Более того, СССР в этот период уже порвал всякие отношения с единственным в мире государством, где говорят на иврите, а его представители в ООН добились принятия резолюции, осуждающей сионизм. Интересно, где же это г-н Прокофьев рассчитывал применить свои знания на практике? И кем были востребованы его услуги? История пока об этом умалчивает... Да, судя по всему, он прав, утверждая, что мы с ним родом из разных «Совдепий»...

Теперь по существу. Позвольте поинтересоваться, уважаемый рецензент, как, будучи таким горячим патриотом своего Отечества, Вас угораздило обозвать «соль земли русской» (Солженицына, Сахарова, Буковского, Марченко и многих других) бандой маргиналов, скандалистов, погрязших в обоюдных обвинениях и площадной ругани? Или Вы думаете, что подобного рода выражения ласкают слух читателей еврейского издания «Лехаим»? Кстати, хотелось бы знать по этому поводу и мнение редакции. «Тщательнее надо бы, господа, тщательнее!» Впрочем, если оценивать общественно-политические явления на основе столь дорогого сердцу г-на Прокофьева сугубо математического подхода, то, безусловно, несколько тысяч инакомыслящих в стране с 250-ти миллионным населением – это капля в море. Но даже и в этом случае их численность вполне сопоставима с количеством членов незабвенной большевистской партии в начале 20-го столетия. Той самой, что, придя к власти, на протяжении 70 лет устраивала народам России кровавую баню.

Предвосхищая возгласы негодования и ехидные замечания оппонента по поводу приведенной аналогии, представим слово эксперту – не нам чего – Председателю КГБ Ю. Андропову. Вот как он в одной из своих докладных записок в ЦК КПСС от 21 декабря 1970 года характеризует деятельность диссидентских групп в СССР и их влияние на общественную жизнь, которой, согласно утверждению г-на Прокофьева, попросту не существовало. Цитируем: «...в стране в 60-е гг. сформировалось “демократическое движение”, которое обладает тремя признаками оппозиции: имеет руководителей, активистов и опирается на значительное число сочувствующих; не принимая четкой формы организации, ставит себе определенные цели и избирает определенную тактику; добивается легальности». При этом всемогущий шеф тайной полиции с сожалением констатирует: победить оппозицию исключительно карательными мерами уже не представляется возможным. Заметьте, это говорит человек, который, возглавив КГБ в 1967 году, учредил печально знаменитое пятое управление во главе с Ф. Бобковым, вменив ему в обязанность «тащить и не пущать» инакомыслящих! И далее: «...полагаю целесообразным поручить идеологическому аппарату выработать необходимые идеологические и политические меры по нейтрализации и разоблачению представленных в “самиздате” антиобщественных течений, а также предложения по учету в политике факторов, способствующих появлению и распространению “самиздатовских материалов”». Здесь же Андропов, а не мы, характеризует «Хронику текущих событий» как одно из первых легализовавшихся еще в 1968 году явочным порядком неподцензурных изданий. Имена членов редколлегии КГБ были известны, но на момент написания документа никто из них арестован не был. «Чудеса в решете, да и только», не правда ли? Однако в отличие от Вас, любезный, Политбюро не разразилось гомерическим хохотом в ответ на признание Андроповым самиздата как реальной альтернативы официозу. Но если Вам греют душу цифры, то предлагаем освежить в памяти известную каждому советскому школьнику книжку Перельмана «Занимательная арифметика», а именно тот ее раздел, где речь идет о скорости распространения в масштабах страны новости, первоначально известной только одному человеку. Это по поводу Вашего скептического замечания о способности самиздата («максимум несколько десятков экземпляров каждого выпуска») влиять на умы соотечественников. А если к этому еще присовокупить многочисленные «голоса» из-за бугра, беспрестанно транслировавшие подобного рода материалы («тамиздат»)? Допускаем, что и это для Вас не аргумент. Тогда поясните нам, не способным «аналитически мыслить», какая нужда подвигла Политбюро ЦК КПСС весной 1971 года принять секретные «Мероприятия по противодействию нелегальному распространению антисоветских и других политически вредных материалов»? Кстати, не подскажете ли, откуда в эпоху «гласности и перестройки» в Советском Союзе, словно грибы после дождя, по городам и весям стали появляться оппозиционные КПСС партии, общественные движения и народные фронты, располагавшие готовыми политическими программами и опытными лидерами?

Однако вернемся все к той же докладной записке Ю. Андропова, где сообщается, что и в 60-е, и в 70-е годы в Советском Союзе существовало также и еврейское национальное (сионистское) движение, тесно связанное с другими направлениями в диссидентстве. Вот именно, в «диссидентском», к Вашему

сведению, г-н Прокофьев, а не в «демократическом» движении, которое само являлось лишь составной частью последнего. Обратите внимание, с каким завидным постоянством Брежнев и иже с ним в 1970, 1971 и 1972 годах один за другим принимали секретные постановления, направленные на противодействие сионистской пропаганде и пресечение деятельности еврейских националистических групп в стране.

Несколько слов об эпохе «оттепели», во времена которой, как утверждаете Вы вслед за некоммунистом Р. Медведевым, ни о каких диссидентах не могло быть и речи. Допустим, но как быть с тем фактом, что в самый ее разгар (с лета 1957-го по лето 1959-го) по стране прокатилась волна политических процессов, в том числе и над еврейскими националистами (сионистами), в результате которых за решетку было отправлено более 1,5 тыс. человек или столько же, сколько за последующие 20 лет вместе взятых? И чем можно объяснить, что вся эта «охота на ведьм» проходила под аккомпанемент развязанной в советских массмедиа кампании по борьбе с подрывной деятельностью международного сионизма, а направлялась и координировалась не руководством КГБ, а специально созданным при ЦК КПСС подразделением, если хотите – штабом во главе с секретарем ЦК Н. Мухитдиновым?

И в завершение, по поводу Вашего утверждения, что за рамками нашего исследования осталась «проблема передачи национальной и религиозной традиции от получивших еврейское образование дедов ищущим доводов для самоидентификации внукам», или «как евреи остались евреями “наперекор” антидемократическому государству и «общедемократическим ценностям». Позвольте не поверить, что интеллигент, да к тому же гебраист по образованию, никогда не слышал ни о Холокосте, ни о геноциде еврейской культуры и интеллигенции в конце 30-х, а также во второй половине 40-х годов XX века, о политике государственного антисемитизма в Советском Союзе, направленной на решение «еврейского вопроса» путем насильственной ассимиляции. О какой, собственно, преемственности Вы изволите вести речь, когда, выражаясь словами шекспировского героя, в еврейской общине СССР попросту «перевалась связь времен»?! Именно в силу этих трагических обстоятельств еврейская молодежь, пополнявшая ряды национального движения в послевоенный период, в абсолютном большинстве своем была воспитана в лоне русской культуры и на примере русских революционно-демократических традиций. О том, какой мучительный путь пришлось проделать этим людям, с тем чтобы «обрести в себе еврея», дают представление их многочисленные мемуары, выдержки из которых (весьма небольшая часть) включены в приложение к нашей монографии. Особенно рекомендуем ознакомиться с книгой известного еврей-диссидента, ныне профессора Тель-авивского университета А. Воронеля «Трепет забот иудейских».

Ну вот и все, пожалуй, если оставить без внимания такие «невинные шалости» рецензента, как отрицание приведенных в книге документально подтвержденных фактов при помощи междометий, вырывания цитат из контекста и т.п. Что ни говори, весьма печально, когда человек несомненно талантливый, да к тому же заслуженно снискавший признание широкой израильской общественности, вместо того чтобы задать тон продуктивной научной дискуссии на весьма актуальную и для России, и для Израиля тему, вышел на тропу войны, сродни той, что вела «славная» когорта советских пропагандистов, «разоблачая» буржуазных фальсификаторов истории.

Ė. Ááááí úéàÿ, Á. Çéí ããð Óáéÿ Ááéá

ИЗ НАШЕЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

А יאָאָרען יאָ נאָר יעדעס יוֹג אַזאַ

Достигнуто несказанно много. Может быть, никогда евреи в России не пользовались таким уважением государства и общества, как сегодня. Президент использует едва ли не всякую возможность, дабы подчеркнуть свое доброжелательство к народу, веками подвергавшемуся гонениям и клевете, однако, как правило, честно служившему общим целям, а в ратный час с лихвой разделившему все напасти, какие выпадали на долю страны, где он обитал. Пусть даже это обитание не всегда вызывало справедливое, гуманное к себе отношение. Никто ведь не забыл про гонения и преследования.

В нынешние дни, когда правительство России возглавляется евреем, нет ни малейшего повода говорить о какой-либо дискриминации нашего народа. Но есть повод говорить о возросшей ответственности евреев, особенно занимающих сколько-нибудь значительные посты. Говорить об их соответствии своему сегодняшнему положению. В правительственных инстанциях или в общественных. Да и просто в жизни.

Думать, что каждый «выдвиженец» соответствует своему нынешнему месту, наивно. Однако тщетно искать признаки какой-либо критики, обоснованных претензий.

Что у нас не заведено, то не заведено.

А напрасно. Без самокритики нам не жить.

Складывается впечатление, будто запрещен сколько-нибудь взыскующий взгляд на преуспевающего деятеля.

В таком взгляде нуждается прежде всего сам деятель. Чем он, деятель, крупнее, чем значительнее занимаемое им место, тем больше нужда.

Не понимать это грешно. Отмахиваться от этого – недальновидно, глупо.

В «Лехаиме» подобного рода критика исключена. Хотя поводов для нее достаточно.

Значит ли это, что таково решение какой-то инстанции? Или это всего лишь нежелание редакторов услышать в ответ критические замечания в собственный адрес.

Так или иначе, настоятельно прошу редакцию «Лехаима» ответить мне на страницах журнала.

Речь идет о слишком серьезных вещах, чтобы позволительно было сделать вид, будто чистому небу над головой гарантирована стабильность и ничто ей не угрожает.

Не зря ведь одна из популярных песен благополучных, вроде бы, во многом семидесятых годов минувшего века призывала не верить в чистое небо. Потому, прежде всего, что трудно поручиться за его неизменность. Благодушие, неотторжимое от бездумной веры, действует расслабляюще. Примеры тому бесчисленны. Вряд ли их надлежит множить.

Так или иначе – прошлое и настоящее еврейского народа слишком сложно, тревожно, трагично, чтобы забывать об этом. Чтобы упиваться чистым небом, забывая, каким оно бывало в прошлые времена и каким может стать едва ли не в любую минуту нашего далеко не свободного от антисемитизма времени.

Поэтому постоянная внутренняя собранность, готовность ответить на любой вызов относятся к свойствам и чертам, необходимым едва ли не каждому представителю нации. Самодовольство, самоуспокоенность в еврейской среде, на мой взгляд, недопустимы. Качества эти ей категорически противопоказаны – даже во времена достойной жизни нашего народа, прошедшего на своем историческом пути через несказанные испытания.

Ἀὐτὴν ἡμεῖς ἀγαπᾶμεν ἰσχυρῶς

Будучи постоянной читательницей «Лехаима», я считаю возможным обратиться к Вам с настоящим письмом.

Думается, журнал выиграл бы, уделяя больше внимания еврейской женщине, ее месту в общих и домашних делах, связывая это место с традициями, а также с проблемами наступившего дня. Ни о месте, ни о таких традициях сегодня, к сожалению, писать не принято.

Вы сделаете доброе, полезное дело, нарушив досадное положение. Да и авторитет, популярность журнала поднимутся. Возрастет количество читателей, иными словами, расширится сфера воздействия «Лехаима».

Ἡ ἰσχυρὸς οὐκ ἐστὶν ἰσχυρῶς ἐν ἑαυτῷ

Ἄ. Οὐκ ἐστὶν, Ἰ τῶν ἰσχυρῶν

Ἐπεὶ οὖν ἡμεῖς ἐκείνην ἀγαπᾶμεν

Прочитал я в вашем журнале прекрасный очерк о генерале Пласкове и вспомнил давнишнюю историю, о которой решил вам рассказать. Было это больше тридцати лет назад. Учился я заочно в институте, работал автослесарем и в качестве внештатного корреспондента знаменитой в те годы латвийской газеты «Советская молодежь» время от времени печатался на ее страницах.

Ответственным секретарем газеты был известный журналист Яков Семенович Мотель – фронтовик, инвалид войны (без ноги, на протезе). Яша, так все его звали (и я в том числе, несмотря на разницу в возрасте), отвел меня однажды в сторону и задал странный вопрос: «Не побоишься написать про одного геройского еврея?» И дальше рассказал, что в системе Главштаба Латвии начальником отдела работает бывший военный летчик, кавалер многих орденов Зелик Гилевич Финкельштейн. Вопрос Мотеля мне был понятен, так как Яшу неоднократно жучили за «пристрастное» отношение к еврейским фамилиям. А с меня, внештатника, и взятки были гладки...

Признаюсь, не сразу удалось мне уговорить Зелика Гилевича встретиться. Но зато, когда познакомились, я был вознагражден за хлопоты. Много интересного довелось мне от него услышать, и очерк получился. Название было простое – «Летчик 1-го класса».

Накануне выхода газеты с моим материалом я сидел в редакции и, как всегда, ждал сверстанной полосы. И тут мне заявляют: «Редактор снял твой очерк». Владимир Луцкий вообще не жаловал евреев... Мне терять было нечего; я – к нему. Буквально ворвался в кабинет. Не знаю, что на него подействовало – мои угрозы написать в ЦК или мое нахальство, но на следующий день я держал в руке свежий номер «Советской молодежи» с фотографией Зелика Гилевича и моим «опусом».

Конечно, в небольшом газетном очерке невозможно было рассказать, точнее, пересказать все, что мне довелось услышать от Зелика Финкельштейна. А рассказать было о чем...

Зелик встретил начало войны на Дальнем Востоке, где уже третий год летал на тяжелом бомбардировщике ТБ-4 и был комсоргом авиаполка. Обстановка была относительно спокойной и, конечно, все бойцы рвались на фронт. Финкельштейн и его однополчане слали рапорт за рапортом. Безрезультатно. Тогда комсоргу пришла в голову «гениальная» идея – скинуться, кто сколько сможет, на покупку боевых машин и просить разрешения на них воевать.

Через несколько недель группа военных затащила на почту Хабаровска мешок с деньгами. А на имя Сталина была отправлена просьба 27 человек – пилотов, штурманов, радистов, техников. Просьба послать на фронт. Ее подписали комполка, парторг и комсорг. Через две недели пришла правительственная телеграмма: «Благодарю за патриотический поступок. Ваша просьба удовлетворена. Сталин».

«Собственники» берегли свои машины. Частые боевые вылеты, плотный заградительный огонь, фашистские истребители не раз приводили к тому, что боевые машины возвращались на «честном слове и на одном крыле». Но латаные-перелатаные самолеты опять поднимались в небо громить врага. И все дождалось Победы.

За уничтожение большой группировки немцев под Будапештом Зелик Финкельштейн был представлен к званию Героя Советского Союза. А наградили орденом Боевого Красного Знамени. Второй раз к званию Героя его представили за успешную бомбежку очень важного объекта на подступах к Берлину... с тем же результатом. Восемнадцатью правительственными наградами отмечены боевые заслуги летчика 1-го класса.

Обо всем этом я написал в том памятном очерке. Когда газета вышла, высшей наградой для меня был телефонный звонок Зелика Гилевича и теплые слова...

В Риге есть еврейское кладбище. Шмерли. На первой аллее, метрах в двадцати от входа, стоит гранитное надгробье, на котором высечены взмывающий в небо тяжелый бомбардировщик и имя пилота. Это могила Зелика.

Ï . Èçàé, Ðèññ